

СВЯТИТЕЛЬ ВАСИЛИЙ ВЕЛИКИЙ

БЕСЕДЫ НА ШЕСТОДНЕВ

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II

© Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1999.

Содержание

Святой Василий Великий. Его жизнь и деятельность.

Беседа 1

Беседа 2

Беседа 3

Беседа 4

Беседа 5

Беседа 6

Беседа 7

Беседа 8

Беседа 9

Святой Василий Великий

Его жизнь и деятельность

I

IV век жизни Христианской Церкви, в который протекала деятельность славного отца и учителя Церкви - Василия Великого, был самым замечательным периодом в истории христианства. Три столетия христианство бесстрашно выдерживало гонения язычества, кровью мучеников запечатлевая цельность и кристальную чистоту Божественного учения. Но вот, когда в начале IV столетия был объявлен эдикт Константина и Ликийя о веротерпимости, когда для процветания христианства наступало, по-видимому, самое благоприятное время, Церковь оказалась охваченною пламенем внутренних раздоров и лжеучений. Одна за другой появляются в ней ереси - арианства, аполлинарианства, несторианства и евтихианства. Из этих четырех ересей самую опасную для Церкви Христовой являлось арианство. Оно было опасно потому, что в нем более чем в каждой из остальных перечисленных ересей, содержалось отрицание учения о Божестве Христа и извращались смысл и ценность этого учения. Сущность различия между православным учением о Христе и учением арианским состоит в том, что первое называет Его единосущным Богу, а второе - подобосущным. Эта разница внешне еще более сглаживается в греческом диалекте, так как единосущный по-гречески - омоусиос (omoousioz), а подобосущный - омиусиос (omioousioz). Итак, на греческом диалекте разница в учениях о Христе Православия и арианства выражалась внешне только в одной букве, и это обстоятельство являлось большим соблазном для миролюбивых и вместе с тем малопросвещенных душ. В самом деле, стоило ли упорствовать из-за одной только буквы, если удержание ее в Символе веры грозило серьезною опасностью для мира Церкви? Так думали даже многие епископы, искренно верующие и в то же время не видевшие глубокой разницы между этими двумя определениями. А между тем Православие, называя Христа единосущным (омоусиос), учит о Нем как о Творце; для арианства же Христос был просто творением (омиусиос)! Затем, опасность арианства для Церкви Православной увеличивалась еще в силу особых внешних условий, способствовавших его распространению.

Восточные императоры, начиная с Константина, считали себя покровителями христианства и вмешивались в решение богословских вопросов и споров. Константин являлся сторонником Православия и потому преследовал ариан. Но следующие за ним императоры уклонялись в сторону арианства. Во время Василия Великого восточным императором был Валент. Этот не только был арианином, но и злейшим врагом и гонителем Православия, и арианство было уже господствующей церковью. Но не в гонениях заключалась главная опасность для Православия: оно пережило гонения языческих императоров, а потому преследования его арианствующими императорами сами по себе не были так страшны. Зло ересей состояло в том, что они вносили в Православную Церковь религиозную неустойчивость и подрыв авторитета Церкви. Еретики кощунственно набрасывались на драгоценные перлы христианской истины и своим отношением к ней роняли ее ценность в глазах окружающих.

Арий рассматривал Христово учение как произведение человеческого духа. Такого же взгляда держались в своем понимании христианства и другие еретики. Свобода в толковании учения Христа, силой вещей установившаяся с появлением ересей, невольно передалась и народным массам и была воспринята ими. Отсюда понятно, что церковный авторитет являлся лишним. Всякий толковал Евангелие сообразно своему личному пониманию. Все хотели учить, и никто не хотел учиться. "Весь мир богословствовал: священник на своей кафедре, ученый в своем кабинете, праздничатающийся на площади рынка, ремесленник в своей мастерской". Всякий считал себя способным разъяснить самый сложный богословский вопрос. В Византии о высших тайнах христианского учения авторитетно рассуждали пекари и цирюльники. Григорий Нисский приводит ряд богословских вопросов, которые задавали друг другу византийские торговцы. В эту эпоху, по словам блаженного Иеронима, не было даже такой глупой старой женщины, которая не бралась бы объяснять самые трудные места Священного Писания. Все перемешалось, и в роли как истолкователей Божественных истин, так и вождей религиозных движений являлись часто лица наименее просвещенные. Аетий, который вместе с Евномием Каппадокийским руководил сторонниками крайнего арианства, утверждавшего уже, что Сын не подобен Отцу, раньше был рабом и медником. Борьба с ересями являлась весьма трудной и по необходимости должна была носить затяжной характер. При общей религиозной неустойчивости каждая нарождающаяся ересь легко приобретала себе круг сторонников, а вместе с тем и широкое распространение. Затем, три века языческих гонений, конечно, не прошли бесследно для Церкви. Они сильно задержали развитие богословской мысли. Ко времени появления арианства существовавшие Символы (образцы) веры были настолько неопределенны и неясны, что каждая ересь могла толковать такой Символ в свою пользу. Эта неопределенность была причиной того, что слабые, неокрепшие души легко поддавались всяким лжеучениям. Наконец, существенное зло ересей было в том, что они таили в себе яд разложения. Гонения языческих императоров сплачивали христиан в тесную, дружную семью - ереси порождали в христианском обществе раздоры и ненависть.

IV век был эпохой, к которой так применимы слова святителя Кирилла Иерусалимского о состоянии Церкви: епископы восстают против епископов, духовенство против духовенства, миряне против мирян, даже до кровопролития. В Церкви царит полная анархия. "Не было царя во Израиле, - так характеризует состояние Церкви святой Василий Великий, - всякий делал то, что было правым в его собственных глазах". Церковная власть была бессильна бороться с ересями, так как была не на высоте своего положения. В епископы попадали лица, не всегда достойные этого высокого сана. Их алчность, самонадеянность, гордость и взаимные раздоры в народе возбуждали к ним лишь недружелюбие, а истинным христианам, ревнующим о благе Церкви, доставляли великое огорчение. Но и те из епископов, которые были безупречны в нравственном отношении и желали служить на благо Церкви, благодаря своей богословской непросвещенности часто невольно помогали распространению ересей. Так, безупречные и благочестивые епископы Григорий (отец Григория Богослова) и Дианий (Кесарийский) подписали известный арианский Символ веры, полагая, что этим они внесут мир и успокоение в Церковь. Они не могли вникнуть в тонкости и различия понятий,

содержащихся в словах *омоусиос* и *омиусиос*, и не видели в арианстве ничего еретического, ничего противоречащего духу христианства. Неудовлетворителен был и состав низшего клира. В пресвитеры шли не по призванию, а по каким-либо практическим соображениям. Паства таких пресвитеров мало интересовала. Большую часть времени они посвящали побочным занятиям - ремеслу, сельскому хозяйству и т.д. Нестроения церковные сильно уронили авторитет Церкви. Ссоры епископов, их сребролюбие и невежество пресвитеров давали обильную пищу даже для театральных зрелищ и насмешек врагов Церкви.

Состояние Церкви было таково, что для поднятия ее значения, для устроения ее и для примирения враждующих чад ее нужны были архипастыри с исключительными дарованиями и выдающиеся по своей жизни. В лице Василия Великого Церковь получила руководителя, отмеченного благодатью Божьей, наделенного высшими дарованиями духа. Широкое богословское образование делало его стойким и авторитетным защитником Православия против ересей. Необычайная энергия, твердость воли и готовность для блага Церкви на самопожертвование помогали ему вести дело преобразования и устроения Церкви. В борьбе с ересями он был непреклонен. В деле помощи бедным и в утешении угнетенных и обиженных - щедр и любвеобилен. Его молчание было благородно, беседы - гениальны. Наименование "Великий" дано ему за великую творческую деятельность на благо Церкви. Его внутренним качествам соответствовали и его наружные данные. Его внешность придавала вес и убедительность его красноречию. Осанка была важной и спокойной. Высокий рост, бледное лицо и пронизательные глаза говорили о высоком его происхождении.

II

Василий Великий родился около 329 года в Неокесарии, местности, находившейся близ Кесарии, главного города Каппадокийской области, в Малой Азии. Семья, в которой родился святитель Василий, была богатой, благочестивой и пользовалась особым расположением и любовью христиан Кесарии, так как из рода этой семьи вышли не только примерные христиане, но и мученики. Дед и бабка Василия по отцу были строгие христиане. Во время гонения Галерия и Максимиана они оба вынуждены были для того, чтобы остаться верными Христу, в течение семи лет скрываться в диких лесах Понта, подвергаясь всевозможным опасностям и лишениям. Еще более печальная участь постигла деда Василия со стороны матери, который в гонение Диоклетиана был замучен. Таким образом, семья Василия Великого имела основание гордиться своим прошлым, и оно являлось прочным фундаментом для христианской настроенности и религиозности ее членов. Отец Василия носил то же имя, как и он, и пользовался большою известностью в качестве учителя риторики. Вместе с тем, он был одним из образованнейших и состоятельных граждан своего города. Ему принадлежали имения в Понте, Каппадокии и Малой Армении. Его жена - Еммелия принадлежала к знатному к богатому роду, славилась своей красотой, и брак ее с Василием старшим был результатом строгого выбора и расположения, так как ее руки искали многие лица. От этого брачного союза родилось пять дочерей и пять сыновей. Старшею из детей была Макрина (то же имя было и у бабки Василия). После смерти своего жениха Макрина дала обет посвятить себя целомудрию. Ее остальные сестры вышли замуж. Из пяти братьев один умер в раннем детстве, пятый трагически погиб во время рыбной ловли в водоворотах быстрой и опасной реки Ириса. Из оставшихся в живых трех братьев - Григорий был впоследствии епископом Нисским, а Петр - епископом Севастийским. Но в этой семье, кроме ее религиозности, таились и выдающиеся духовные дарования, которыми были наделены многие члены ее. Например, погибший преждевременно в потоках Ириса брат Василия - Навкратий, хотя и не мог развернуть свои дарования, но уже в юности выделялся своим умом и красноречием. Григорий Нисский по своей богословской учености и выдающимся трудам ставится наравне с Григорием Богословом. Их сестра Макрина тоже была, по-видимому, богато одаренная натура. Она была руководительницей и подругою Василия и Григория, а для Петра, когда он остался сиротой в раннем детстве, после смерти своего отца - отцом, учителем и матерью. Старший из сыновей - Василий, впоследствии

архиепископ Кесарийский и великий Отец Церкви, более всех своих братьев выделялся блестящими дарованиями. Первоначальным воспитанием и попечением о нем занялась его бабка Макрина, которая жила в одном из родовых имений в Понве. В то время не было в обычае, чтобы отец лично занимался первоначальным обучением и присмотром за своими детьми, чем и объясняется участие бабки в воспитании Василия.

Когда Василий подросток, его дальнейшим образованием занялся отец, познакомил его со всем великим и чистым, что содержалось в творениях Гомера, Гезиода, трагиков, историков - Геродота и Фукидита; в этот период вкусил Василий сладость красноречия Демосфена и других древних ораторов, "могучее красноречие которых воспламеняло Грецию и потрясло мир до Македонии и престола Артаксерксов" и вместе с тем, по-видимому, увлекло и юного Василия. У него пробуждается большая любознательность, и намечается склонность к изучению литературы и красноречия. Материальные дела его отца в это время находились в прекрасном положении. Несмотря на значительность семьи и сопряженные с ее содержанием расходы, отец Василия не задумывался над тем, чтобы дать своему сыну самое широкое образование. От него, как опытного учителя, не ускользнули, конечно, выдающиеся способности сына. Поэтому для продолжения образования он отправляет его в Кесарию, столицу Каппадокии.

Здесь получила начало его дружба с Григорием Богословом, здесь же он познакомился с Евстафием, впоследствии епископом Севастийским, который пленил его своей религиозностью и аскетическим настроением, хотя впоследствии религиозная неустойчивость Евстафия причиняла Василию в течение его жизни немало огорчений. В Кесарии умственные дарования Василия проявились в полном блеске. "Философ среди философов - даже раньше, чем он изучал философские доктрины, и что было главнее всего - священник для христиан даже раньше своего священства. Всё это признавали за ним все во всем", - так отзывается о нем в эту пору Григорий Богослов. Из Кесарии Василий отправился в Константинополь, а отсюда для завершения своего образования - в Афины. Афины, несмотря на переживаемый ими в эту эпоху упадок, все-таки считались центром культуры и просвещения, и сюда стекалась молодежь для слушания риториков и философов из самых отдаленных местностей Азии и Европы. Но кроме философии и красноречия афинские "студенты" изучали все общеобразовательные предметы древности и даже прикладные науки, как например, медицину.

Таким образом, Афины были по обширности и разносторонности образования древним университетом. Что же касается собственно учащейся молодежи, то в общем это была веселая, слишком шумная и жизнерадостная толпа юношей, которые собрались сюда, казалось, не ради серьезного дела, а для веселья и забав. Василий и его друг Григорий ярко выделялись среди этой массы, с которой у них ничего не могло быть общего. Им удалось собрать около себя кружок серьезных юношей, преследовавших цели самообразования. В этот кружок пытался войти Юлиан, будущий император, враг христианства и восстановитель языческого культа. Но в Афинах он скрывал свое расположение к язычеству и по политическим побуждениям выдавал себя за примерного христианина. На Григория Богослова Юлиан произвел отталкивающее впечатление. Василий не чувствовал к нему такого нерасположения, и Юлиан даже прибегал к его помощи при изучении Священного Писания.

В Афинах Василий пробыл около пяти лет, ревностно изучая все науки. Нельзя не отметить широкий взгляд как его, так и его друга Григория на значение языческих наук для христианина. В изучении этих наук они не только не усматривали для христиан вреда, но считали его почти необходимым. На свои занятия по риторике и литературе Василий смотрел как на приготовление к христианской деятельности. Все время своего пребывания в Афинах он проводил в обществе своего друга. Вместе они шли в школу и в христианскую церковь, вместе мечтали об отшельнической жизни. Аскетическое настроение уже овладело ими, и идеал своей жизни они видели в монашестве. Но источники влечения к отшельничеству у друзей были разные. Для созерцательного и неспособного к кипучей деятельности Григория аскетизм представлялся как идеальное условие для уединенной и

углубленной в себя жизни. Энергичный и деятельный Василий смотрел на аскетизм как на вид деятельного и непрестанного подвижничества в достижении христианского совершенствования. Жизнь отвлекает внимание бесчисленным множеством крупных и мелких забот. Отрешение от всей ее суеты сохранит душевные силы для одной высокой цели - самоусовершенствования. Таким образом, Афины дали Василию не только законченное и всестороннее по тому времени образование, но и, что важнее всего, они же явились местом, на котором расцвела и укрепилась его дружба с Григорием Богословом.

Афины Василий покинул без большого сожаления и возвратился в Кесарию, в которой не имел однако намерения долго оставаться. Но просьбы граждан, желавших познакомиться с образцами его ораторского искусства, задержали его на более продолжительное время. Его красноречие создало ему в этом городе большую известность, которая не была ему неприятна. Вместе с тем, удовольствия и увеселения столицы Каппадокии настолько увлекли своим показным блеском Василия, что его старшая сестра Макрина очень беспокоилась за дальнейшее направление его жизни. То же беспокойство заметно и в письмах его друзей - Григория и Евстафия Севастийского. Однако это увлечение мирской жизнью продолжалось недолго. Повлияло ли на него убеждение его любимой сестры Макрины или неожиданная смерть его брата Навкратия? Не имел ли на него влияния в этом направлении и его друг Григорий, искренно сожалевший о его уклонении с намеченного пути? Вполне определенных указаний по этому поводу в творениях Василия не имеется, но он зато подробно описывает свое прежнее состояние, которое сравнивает с глубоким сном. Пробуждение от этого сна было вместе с тем и прозрением. При свете Евангельской истины он "познал бесполезность мудрости преходящих правителей мира сего и, много оплакав свою жалкую жизнь, молился о том, чтобы ему дано было руководство для вступления в учение святости". Путем долгих религиозных размышлений он снова приходит к признанию монашеской жизни как "лучшего пути совершенства". В это время, в возрасте около 30 лет, он принимает крещение, а затем отправляется в путешествие - в Египет, Палестину и Месопотамию, чтобы непосредственно ознакомиться с образом жизни в пустынных общинах этих стран. Из этого путешествия он вынес глубокое благоговение к подвижникам и еще более укрепился в намерении подражать им.

Возвратясь на родину, он приводит в исполнение свое решение и поселяется в превосходной пустынной, но живописной местности, на берегу реки Ириса. С ним начали жить в пустыне его брат Григорий Нисский и все, кто желал вести монашескую жизнь. Не осуществилась лишь мечта Василия иметь около себя своего друга - Григория Богослова, несмотря на сильное желание и последнего, так как престарелые родители его нуждались в его помощи, и лишь изредка навещал Григорий своего друга. Жизнь, которую вел в своем отшельничестве Василий, была весьма суровой. Днем он носил тунику и верхний плащ, ночью же одевался в грубую власяницу. Постель его находилась на голой земле, и время, положенное для сна, он часто посвящал молитве. День же он посвящал физическому и умственному труду, пищей его был хлеб с солью, напитком - простая вода. Григорий во время своего пребывания в обители Василия вел такую же жизнь.

О времени совместного пребывания в уединении у Григория остались самые светлые воспоминания, окрыленные идиллическим представлением прошлого. "О, если бы, - восклицает он, - кто-либо перенес меня опять в прежние месяцы, в прежние дни, в которые я вместе с тобою роскошествовал в страданиях и тягостях!" А между тем жизнь, которую он проводил у своего друга, полна была усердного труда и лишений. Насколько она была тяжела и даже непосильна, свидетельствует указание Григория в его письме своему другу, что если бы мать Василия, которая жила недалеко от места его уединения, - "эта великая и истинная кормилица бедных" - не являлась к ним в должное время, "подобно гавани для треплемых бурей", то они давно бы умерли, получая "не столько хвалы, сколько сожаления за верность Понту".

Собственный опыт подвижничества и наблюдение жизни монастырей Египта привели Василия к заключению, что существующие формы подвижничества - отшельничество и общежитие - не могут быть признаны удовлетворительными. По его убеждению, в жизни

уединенных отшельников слишком много внутреннего самосозерцания, и потому мало остается места для проявления христианской любви. Затем, натуры слабые не выдерживают отшельничества, которое часто приводит их к сумасшествию, натуры же сильные - впадают в гордость. Человек и в город, и в пустыню несет с собой собственное "я". Если пустыня освобождает человека от житейских мелочей, то, с другой стороны, она не способна освободить его от бури страстей, противоречивых мыслей и желаний. "Нося с собой мои внутренние страсти, - говорит Василий, - я везде нахожусь в тех же самых треволнениях, так что не получил никакой значительной выгоды от этого уединения". В многолюдных же монастырских общежитиях, наоборот, преобладали физический труд и материальные заботы, так что для молитвы и духовного созерцания у монахов не было достаточно ни времени, ни настроения. Василий Великий создал смешанную форму монашеской жизни, которая соединяла в себе особенности отшельничества и общежития, но лишена была крайностей того и другого. В задачу его монастырей входила также широкая благотворительность и воспитание детей обою пола. Умеренный и целесообразно выбранный физический труд чередовался с молитвой и созерцанием, давая отдых душевным силам. При помощи Григория Богослова, Василий Великий начертал правила для своих монастырей, которые сделались образцом для монастырей Востока.

Уединение в Понте не было постоянным, и Василий отсюда уже начинает проявлять энергичную деятельность на пользу Церкви. Так, он первый насадил в Понте и в Каппадокии монашеские учреждения, в которых вводил собственные уставы. Монастыри отвечали в то время как экономическому положению населения, так и духовным требованиям. С одной стороны, страшная бедность среди землевладельцев и ремесленников, тягости военной службы и другие тяжелые жизненные условия заставляли родителей и родственников приносить своих детей и сирот на воспитание в эти священные и тихие обители. С другой стороны, в народе создается убеждение в святости монастырской жизни. Многие брачные пары расходились и удалялись от мира, считая брак лишним, даже нечестивым. Особенно стремилась в монастыри молодежь, а ее восторженное настроение увлекало и старших. Поэтому недостатка в братии новоустроенных монастырей не ощущалось. Кроме поездок по делам открытия монастырей, Василий был в Константинополе и помогал Василию Анкирскому в его борьбе против ереси на Соборе в 359 году. Большую же часть времени он все-таки проводил в своем монастыре на берегу реки Ирис. Здесь он написал многие свои творения и письма, здесь он вместе со своим другом юности читал Священное Писание, изучал Оригена, и результатом совместных трудов явилась известная книга "Филокалия", представляющая собою систематически подобранный сборник изречений из творений Оригена.

Но это отшельничество не могло продолжаться долго. Состояние Церкви было столь печально, что как ни сильно было стремление Василия к отшельничеству, он не мог забыть о нуждах Церкви и отказать ей в своей помощи, когда эта помощь оказалась необходимою. Так, друг его Григорий Богослов, несмотря на свою склонность к уединению и отвращение ко всякой активной деятельности, выступал со своим авторитетным словом как руководитель и примиритель спорящих сторон, и его помощь всегда была полезной. Для Василия такой шаг был тем легче, что по своей натуре он создан был для того, чтобы управлять.

III

Во второй год (359) своего уединения Василий делается чтецом, и епископ Кесарийский Дианий выражает желание устроить его навсегда при кесарийской церкви, мечтая видеть в нем своего преемника. Однако одно важное обстоятельство отсрочило приведение этого плана в исполнение. Подобно многим епископам, Дианий подписал известный Риминийский Символ веры, силой навязанный императором Констанцием православным епископам, собравшимся в Римини (359). Подписал Дианий этот Символ потому, что прежде всего не был сильным богословом и, желая Церкви мира, как и отец Григория Богослова, не думал, что уступка только одной буквы - перемена "о" на "и"

(*омиусиос* вместо *омоусиос*) в учении веры приведет к еще большему расколу и соблазну. Этот не вполне продуманный поступок глубоко огорчил Василия, он чувствовал, что не может иметь с ним общение и удалился из Кесарии в Назианз к Григорию, а затем в свой монастырь. Однако обстоятельства так сложились, что его возвращение в Кесарию явилось необходимым.

В 361 году умер Констанций, и ему наследовал Юлиан. Как ни тяжело было для Церкви правление арианина Констанция, считавшего себя великим богословом и вмешивавшегося в ее дела, но еще затруднительней стало ее положение при преемнике Констанция - Юлиане, который, задавшись целью воскресить культ язычества, проявлял к христианству явно враждебное отношение. Церковь из господствующей, в каком положении она находилась около 50 лет, превратилась в гонимую. Дианий был уже стар и немощен. Чувствуя свою беспомощность, он послал за Василием, и Василий прибыл. Дианий убедил его, что всегда заботился о благе Церкви, и если подписал документ, то в простоте своего сердца. Примирение состоялось, и вскоре после него, в 362 году, Дианий умер. Избрание его преемника происходило не во вполне обычных условиях, при приподнятом настроении епископов и народа. Народ хотел видеть на епископской кафедре Кесарии только магистрата Евсевия, человека высоких нравственных качеств, но лишнего богословского образования, не подготовленного к высокому служению и некрещеного. Епископы не соглашались на утверждение Евсевия. Но умудренный опытом и рассудительный епископ Назианза Григорий, видя народное волнение и признавая за Евсевием крупные достоинства, уговорил и других епископов не упорствовать в своем избрании. При таких условиях состоялось крещение Евсевия и утверждение его на епископской кафедре Кесарии. Сознавая свою неподготовленность, он в качестве помощника приближает к себе Василия, который в 364 году был рукоположен им в сан пресвитера. Несмотря на то, что Василий почти весь труд по управлению нес на себе и лучшего себе помощника Евсевий не мог и желать, отношения между ними скоро обострились, и совместное служение оказалось невозможным. Евсевий находил, что Василий слишком гордо и повелительно обращается с ним. Считая такое отношение унижительным для себя, он изгнал его из церкви. В действительности, главной причиной разрыва было уязвленное самолюбие епископа, которого молодой пресвитер, благодаря своим выдающимся дарованиям и красноречию, оставлял совершенно в тени. Василий мог бы оказать сопротивление епископу и не подчиниться его решению. Его известность настолько возросла, что он мог с уверенностью сказать, что народ будет на его стороне. Но его друг Григорий, к которому он всегда обращался в трудные минуты своей жизни и к которому он отправился в Назианз и в данном случае, предложил ему посмотреть на все событие с высшей, христианской точки зрения и поступить так, чтобы мир Церкви Кесарийской не был серьезно нарушен. Василий согласился с ним, и оба друга уединились в Понтийскую обитель Василия.

Между тем, внешние обстоятельства, от которых зависело благосостояние Церкви и которые в свою очередь порождались отношением правителей к Церкви, принимали все более и более угрожающий характер. В 363 году умер Юлиан, сраженный предательской стрелой, а вслед за ним, через год, умер и Иовиант, и императором Востока сделался арианин Валент. Вся его предшествующая деятельность при Констанции, когда явно обнаружилось как его приверженность к арианству, так и неразборчивость в выборе средств для борьбы с истинной Церковью, говорила о том, что с воцарением Валента для Церкви настанут еще худшие времена, чем при Юлиане. С целью добиться торжества арианства, он предпринял путешествие по провинции, надеясь силой и угрозами склонить непокорных епископов к признанию истинности арианства. Подобно своему предшественнику Дианию, Евсевий увидел, что он один не может оказать авторитетного противодействия притязаниям Валента. Обращение за помощью к Григорию Богослову потерпело неудачу: благородный друг Василия ответил отказом по вполне понятным соображениям, но нашел возможным выступить в качестве примирителя обеих сторон и действовал настолько осторожно и обдуманно, что примирение состоялось. Возвратившись снова к своей деятельности пресвитера, Василий старался не давать повода для подозрительности Евсевия, а этот в свою

очередь, наученный опытом, примирился с тем, что первенствующее место занимал его помощник, а ему пришлось удовольствоваться лишь внешним почетом.

Этот период пресвитерской деятельности Василия является началом его непрерывной и блестящей деятельности на благо Церкви, когда в полной силе раскрылись его дарования как оратора, организатора и благотворителя. Его красноречивое слово, благодаря своей искренности, шло к сердцам слушателей, а благодаря простоте было понятно всем. Он проповедовал о пьянстве, посте и других предметах с поразительной неутомимостью, и его собирались слушать все, начиная с знатных и кончая рабочими Кесарии. В то же время им были произнесены знаменитые девять бесед о шести днях творения. Но словом он пользуется не для одного поучения, но и для утешения народа в любом общественном бедствии. Так, произнесена была им утешительная беседа по случаю засухи. Его благотворительность носила самый широкий характер и свидетельствовала о единении у него слова с делом. Утешая народ в каком-либо бедствии, Василий в то же время оказывал ему и материальную помощь. В 368 году Кесарию поразил страшный голод, который стал еще ощутимей благодаря стремлению богачей спекулировать на хлебе, удерживая запасы его в своих житницах. Василий Великий продал оставшееся после смерти его матери наследство - земельную собственность - и на вырученные деньги кормил голодных Кесарии, не различая пола, возраста и национальности (среди них были и кесарийские иудеи). Этот поступок тронул сердца богачей, и они открыли бедным свои хлебные запасы, и бедствие от голода таким образом было смягчено.

В 370 году Евсевий умер, и городу предстояла необходимость избрать ему преемника. Мнение лучших людей из народа, духовенства и монахов было на стороне Василия. Но его имя настолько было определено и ярко, что против него создалась также и сильная враждебная партия. В нее вошли прежде всего богачи, которых Василий постоянно обличал, затем ариане, так как видели в Василии непреклонного врага всяких ересей, и, наконец, чернь, падкая до цирковых зрелищ, которые Василий также осуждал. Если же прибавить к этому, что, несмотря на все дарования свои и услуги, оказанные Церкви, Василий не располагал большинством голосов и среди провинциальных епископов, которые находили избрание Василия опасным в виду того, что на императорском престоле был арианин Валент, то ясно, что его избрание являлось делом весьма сомнительным. А между тем именно он, и только он был необходим Кесарийской Церкви в это тревожное время. Это сознавали и истинные друзья Церкви: Григорий Богослов, друг Василия, и его отец Григорий. Последний проявил исключительную энергию. Он написал Евсевию Самосатскому, убеждая его непременно отправиться для участия в избрании в Кесарию, и обратился с горячим посланием к народу Кесарии о необходимости избрания в епископы Василия. Эти два письма и решили, в сущности, участь избрания. Сам престарелый епископ, с трудом поднятый с одра болезни и перенесенный на носилках в Кесарию, принял участие в хиротонии Василия. Успех этого дела так поднял дух Григория-отца, что домой он возвратился как бы помолодевшим и выздоровевшим.

Итак, благодаря энергии и влиянию двух Григориев - отца и сына, Василий делается архиепископом Кесарии. Как епископу столицы округа, ему подчинено было 50 хореепископов, его власть распространялась на Понт, Армению, Галатию, Пафлагонию и Вифинию. Православное население отнеслось с восторгом к избранию Василия, а Афанасий Великий прислал ему поздравительное письмо. Но в то же время все, кто явно или тайно были настроены против избрания Василия, с утверждением его на епископской кафедре соединились в своей ненависти к нему, и с первых же шагов своей деятельности Василий встретился с клеветой и поношениями. С отъездом из Кесарии Евсевия Самосатского, епископы возвратились опять в нее с намерением попытаться отменить сделанное избрание. Это им не удалось, но огорчения Василию они доставили немало, как это видно из его писем к брату и к Евсевию Самосатскому. "Я вступил в жизнь, - пишет он первому, - которая измощает мое тело и огорчает даже мою душу". Клевета и вражда к нему свила прочное гнездо не только среди его врагов, но и среди его родственников, что в особенности его удручало. Его дядя Григорий, Каппадокийский епископ, долгое время находился в рядах его

недругов. Другой его родственник Атарвий, епископ Неокесарийский, причинил ему много неприятностей, распространяя о нем клевету и вооружая против него неокесарийцев, хорошие отношения с которыми были особенно приятны и дороги для Василия по воспоминаниям детства и юности. И вот, когда Василий отправился теперь в свое уединение, неокесарийцы, увлеченные Атарвием в савеллианскую ересь и возбужденные им против Василия, отказались от всяких сношений с ним. Даже и среди своих единомышленников Василий часто встречал несочувствие и непонимание. Так, например, кесарийские монахи, которые были на стороне избрания Василия на епископскую кафедру, громко роптали на него и обвиняли его в неправославии. Для устранения подобных нареканий потребовалось даже авторитетное слово Афанасия Великого. "Я удивлен, - писал этот святитель двум пресвитерам Гарса, - безумием тех, которые дерзают говорить против нашего возлюбленного брата Василия, этого истинного служителя Божия". На Василия эти клеветы врагов и непонимание его друзьями действовали временами крайне удручающе. Он делался совершенно больным и готов был вместе с Псалмопевцем повторять: *всякий человек ложь* (Пс. 115, 2).

Все это говорило о том тяжелом состоянии, в котором находилась Церковь. Ереси развили вражду, создали нетерпимость и подозрительность. Василий Великий, однако, стойко выдерживал все клеветы и оскорбления, которые сыпались на него, и достиг того, что враждебность многих епископов заменилась покорностью и преданностью. Григорий Богослов описывает, как епископы переменили тон клеветы и поношений на благоговение, бросились к ногам Василия и признали в нем своего патриарха, законодателя и судию. Этим результатам Василий обязан прежде всего обаянию своей непреклонной, энергичной и вместе с тем для мира Церкви способной к прощению и доброжелательству личности.

Много огорчений доставило Василию и разделение Каппадокии на две провинции, произведенное Валентом с целью ослабить Василия и усилить арианство, причем столицей нового округа был сделан г. Тиана. Хотя разделение Каппадокии на две области относилось только к административному управлению, но Тианский епископ Анфим, поддерживаемый многими враждебными Василию епископами, заявил притязание на полную самостоятельность, и после упорной борьбы с Василием он сделал Тиану самостоятельной митрополичьей кафедрой. Эта борьба была печальна в том отношении, что послужила причиной временного разрыва между двумя великими друзьями - из-за совершенного Василием назначения Григория Богослова епископом маленького городка Сасима.

Среди всех тревог своей епископской деятельности, низких клевет и неудач, происходивших от распри в Церкви, Василий неуклонно выполнял свои обязанности и твердо проводил те преобразования, которые должны были служить ко благу Церкви. У него не было почти никакого имущества, если не считать книг и поношенной одежды, жил он просто и бедно. Все время у него посвящено было работе. Он управлял епархией, проповедовал, писал, являлся защитником народа перед гражданской властью. В деле устройства Церкви Василий прежде всего обратил внимание на упорядочение жизни и деятельности своего клира. В жизни он требовал от него неуклонного исполнения церковных правил. В деле избрания епископов он свел участие народа и гражданских властей к простому утверждению выбора, сделанного епископами и духовенством. Этим он оградил Церковь от смут и часто грубых сцен, которые происходили от участия народа в избрании епископа. Наконец, он строго преследовал рукоположение в пресвитеры и диаконы за деньги, под предлогом подарков. Эта мера обновила состав клира достойными лицами. Вместе с тем, Василий обратил внимание и на церковное Богослужение. Им составлена Литургия, которая дошла до нас в трех списках - греческом, сирийском и александрийском; им же введены всенощные бдения с антифонным пением псалмов. Наконец, Василий Великий создал правильную, разумно поставленную церковную благотворительность. Близ Кесарии он выстроил целый город благотворительных учреждений. Здесь были и рабочие дома со всевозможными мастерскими, и больницы, и изолированные лепрозории для прокаженных, и странноприимные дома. Такие учреждения были введены и в округах подчиненных ему хорепископов.

Богослужение при Василии Великом отличалось величавым благолепием и являлось предметом подражания для других епископов. Оно пленило и арианина Валента, и святого Ефрема Сирина.

Император Валент в 371 году отправился в путешествие по Малой Азии. Цель поездки была склонить епископов в арианство. Уже Галатия и Вифиния в лице своих епископов подчинились его воле. Оставалась Кесария, благодаря Василию являвшаяся оплотом Никейской веры. Валент отправил туда префекта Модеста в сопровождении арианских епископов. Модест был жестокий, грубый человек, способный на все. К тому же он пользовался полным доверием Валента и снабжен был в деле усмирения непокорного епископа самыми широкими полномочиями. Некоторые из друзей Василия советовали ему бежать, но он решил исполнить свой долг до конца. Модест призвал Василия на суд, и между ними произошел разговор, в котором раздражение и ненависть префекта разбивались о непреклонность и хладнокровное спокойствие епископа. Попытки префекта склонить Василия при помощи угроз конфискацией имущества, изгнанием, пыткой окончились неудачей. Пораженный поведением Василия, префект поспешно возвратился к императору и сказал: "Император, мы побеждены епископом Церкви. Он стоит выше угроз, слишком тверд для доводов, слишком силен для убеждения". Но Валент не хотел отказаться от начатого дела. С той же целью он посылал в Кесарию областного начальника Терентия, победителя Прокопия и евнуха Демосфена, но и их постигла неудача. Когда попытки Валента склонить Василия на свою сторону чрез подчиненных ему, Валенту, лиц оказались неудачными, то он отправился к нему сам. В Богоявление 372 года, в сопровождении отряда своих копьеносцев, Валент явился в Кесарийскую церковь. Богослужение совершалось в полном порядке, и появление императора не вызвало никакого замешательства. Стройно пели молящиеся, а за престолом, обратясь лицом к народу, стоял во всем величии своего архипастырского облачения, с посохом в руке, святитель Василий.

Тонкое благородное лицо архиепископа оставалось совершенно спокойным при появлении императора, и взор по-прежнему был обращен лишь к святому престолу. Вокруг престола, подобно ангелам, стояли епископы. Величавое и стройное служение и неземная красота происходящего произвели сильное впечатление на Валента. Наконец, когда царю, по обычаю, нужно было принести свои дары к Трапезе, и с этой целью он продвинулся вперед, то его волнение стало заметным для всех. По-видимому, и у него, и у молящихся было одно настроение: как отнесется Василий к этому приношению, примет ли его, или отвергнет? Прошло тяжелое мгновение. Волнение Валента было так сильно, что он упал бы в обморок на пол, если бы его не поддержал один из пресвитеров. Василий принял приношение, а затем после Богослужения допустил Валента к собеседованию о вопросах веры за завесой алтаря. Разговор шел в мирном и серьезном направлении. К концу собеседования император пришел даже в благодушное настроение. В их богословский разговор с самомнением зазнавшегося выскочки вмешался и евнух Демосфен, специальностью которого раньше было поварское искусство. Намекая на известного оратора Древней Греции Демосфена, Василий в виде возражения по адресу бывшего повара сказал: "Мы здесь имеем, по-видимому, Демосфена, который плохо говорит по-гречески". Беседа с Василием произвела на Валента столь благоприятное впечатление, что он пожертвовал в пользу бедных доходы с своих каппадокийских имений. Он оставил попытки сделать Василия арианским епископом и прекратил против него всякие преследования.

Но злые превозмогли: Василию определено изгнание. "Наступила ночь, приготовлена колесница; враги рукоплескали; благочестивые унывали; путник с охотою готовился к отъезду; исполнено было и все необходимое к этому прекрасному поруганию. И что же? Бог разоряет определение. Поразивший древле первенцев Египта, теперь поражает болезнью сына царева (Галата). И мгновенно! Здесь - писание об изгнании, а там - определение о болезни; и рука писца удержана, муж спасается! Царев сын страдал и изнемогал телом, сострадал с ним и отец. Отовсюду ищет он помощи, избирает лучших врачей, совершает молебствия с усердием, какого не оказывал дотолу. Мать больного видит к недугу сына Божий гнев за гонение Святителя. Но как царь нигде не находил врачевства от болезни, то

прибег к Васильевой вере. Василий пришел к одру болящего, не упоминая о случившемся; с его пришествием облегчается болезнь, отец предается благим надеждам".

Валент, возбужденный против Василия арианами, решился изгнать его. Но промысл опять защитил невинного. Царь взял уже трость, чтобы подписать определение о заточении Святителя: трость в руке его ломается, и другая, и третья также. Валент смутился, изорвал бумагу и отменил приговор об изгнании Василия.

"Сказывают, что в то же время случилась болезнь и с областным начальником (Модестом). Постигшая болезнь и его подклонила под десницу святого". Больной просил Василия придти к нему и помочь ему своими молитвами. Модест выздоровел и всем признавался, что своим выздоровлением обязан молитвам Святителя. С этой поры Василий и Модест сделались друзьями.

Не менее сильное впечатление произвело Богослужение Василия Великого на святого Ефрема Сирина, который в своем молитвенном общении с Богом переживал религиозные чувства высокой напряженности. Его описание совершения святителем Василием Богослужения поэтому является особенно ценным. По рассказу Ефрема Сирина, он, проходя через какой-то город Каппадокии, услышал голос, который сказал ему: "Встань, Ефрем, и иди питаться мыслями". - "Где же я найду их, Господи?" - спросил он. - "Иди в дом Мой, - отвечал голос, - и там ты найдешь царственный сосуд, полный превосходного для тебя питания". Он отправился в церковь и из притвора увидел на ступенях алтаря проповедующего народу архиепископа, на плече которого, шепча ему на ухо, сидел белый, как снег, голубь. Тогда он понял, что он - в Кесарии, и что он видит Василия Великого. "Я видел его, - говорит Ефрем Сирин, - этот сосуд избранный, стоящим пред лицом всей своей паствы, украшенным и обогащенным словами столь же величественными, как драгоценные камни, и все собрание, как казалось мне, сияло Божественным блеском благодати". Василий Великий узнал его, хотя о нем только слышал, но ни разу его не видал. Они обменялись дружественными словами и до самой смерти состояли в переписке.

IV

Но не устройство только подчиненной ему Церкви было задачей деятельности Василия Великого. Как епископа, отдавшего всю душу заботам о благе Церкви, его глубоко угнетали раздоры, порождаемые ересями в Церкви Восточной, торжество в ней арианства и отсутствие мира и единодушия в Церкви Вселенской. Уже с первых шагов своей архиепископской деятельности он старается выполнить свой мудрый и широко задуманный план, который состоял в следующем. В борьбе с арианством, которое становилось все более и более могущественным, Православная Церковь может одержать скоро верх только при условии единодушия всех ее епископов и при авторитетной поддержке Западной Церкви, голос которой тогда еще не утратил своего значения для Востока. Но Православная Церковь ко времени вступления Василия Великого на епископскую кафедру была раздираема раздорами между некоторыми епископами и ослабляема отпадением ее членов в различные ереси. Василий Великий полагал, во-первых, что рядом незначительных уступок, нисколько не нарушающих святости учения Православной Церкви, можно и следует вернуть отпавших от нее. В этом отношении он сходил с Афанасием Великим, который считал безумием допустить, чтобы "две четверти мира были разодраны разногласием о слогах". Однако к терпимости Василия Великого к еретикам большинство монахов и многие из епископов относились подозрительно. Во-вторых, он пытался примирить между собою враждовавших епископов. Но деятельность примирителя редко бывает благодарной, и она, кажется, доставляла Василию Великому больше огорчений, чем удовлетворения. Наконец, окончилась неудачей попытка завязать близкие отношения с Западной Церковью в целях созыва Вселенского Собора, который бы вынес решительное осуждение арианству и гонениям на Православную Восточную Церковь.

История этой попытки очень поучительна, и основанием для нее послужил раздор в Антиохийской Церкви. В Антиохии в это время было три патриарха: арианский, православный Павлин и православный же Мелетий. Благодаря поспешности Люцифера

Каларийского, который посвятил в патриархи Антиохии Павлина при законном патриархе ее Мелетии, в Антиохийской Церкви между этими патриархами поднялась борьба, причем притязания Павлина нашли поддержку у папы Дамаса в Риме и Афанасия в Александрии. Но Василий Великий и вся Восточная Церковь признавали право на Антиохийское патриаршество за Мелетием, в православии которого не было никаких сомнений. Желая прекратить Антиохийскую схизму, Василий Великий обратился к Афанасию с горячей и искренней просьбой о помощи в деле восстановления в Церкви любви и мира. Почти одновременно, а именно в 372 году, он отправил в Рим с Дорофеем такого же содержания письмо Дамасу. Попытка привлечь Афанасия Великого на сторону Мелетия окончилась неудачно, так как Мелетий со своей стороны ничего не предпринял в смысле расположения в свою пользу Афанасия, а из Рима от Дамаса не было получено определенного ответа. Вторично Василий Великий обратился уже непосредственно к епископам Италии. Это оскорбило Дамаса, который думал, что обращение будет сделано непосредственно к нему как блюстителю кафедры апостола Петра. Наконец, Василий еще раз, и тоже безуспешно, написал западным епископам, прося их помощи.

В 376 году промелькнула надежда на успех, так как Рим предполагал решить дело в пользу Мелетия. Но представитель Василия Дорофей чем-то не угодил Риму, и в 377 году прибыл от папы окончательный ответ, который явился полной неожиданностью для Василия. Папа в этом ответе заклеил именем ариан друзей Василия - Мелетия и Евсевия Самосатского - и все дело решил в пользу Павлина. Василий же, будучи убежден в полной невинности Мелетия, отказался принять какое-либо решение. Так печально завершилась столь глубоко задуманная задача - восстановление мира в Церкви.

Василий Великий мог сказать, что он один боролся против разделений, так как ни восточные епископы, ни Запад не хотели по личным расчетам и из-за самолюбия прийти ему на помощь в деле объединения Церквей и внесения мира. Он один в Малой Азии, как в Александрии Афанасий, своим высоким авторитетом и своим служением на пользу Церкви сдержал напор торжествующего арианства и препятствовал его утверждению. Но и те неудачи, которые он испытал в деле объединения Церквей, не свидетельствовали о бесплодности его попыток. Плоды его трудов и в этом направлении обнаружались в полной силе, но уже после его смерти.

Весь погруженный в заботы об устройении Церкви и в управление епархией, Василий Великий находил возможным заниматься и богословскими трудами. Его "Шестоднев" - девять бесед на 1-ю главу (ст. 1 - 26) Книги Бытия замечателен не только своим глубоким религиозным настроением, но и по тем философским и научным выводам, которые сохранили свою ценность и для настоящего времени. "Когда, - говорит Григорий Богослов, - я беру в руки и читаю его "Шестоднев", то прихожу в общение с Творцом". Затем им написаны Беседы на псалмы 1, 7, 14 (две), 28, 29, 32, 33, 44, 45, 48, 59, 61, 114, 115.

К догматическим сочинениям святого Василия принадлежат: 1) три книги против Евномия. В них святитель Василий раскрывает православное учение о Втором Лице Святой Троицы и доказывает несостоятельность ереси Евномия, который являлся одним из крайних толкователей и последователей арианства (4-я и 5-я книги против Евномия, обыкновенно присоединяемые к первым трем, принадлежат Дидиму). 2) О Святом Духе, к Амфилохию Иконийскому. Этот второй труд святитель Василий написал по просьбе Амфилохия, ввиду тех обвинений, которые распространены были о Василии Великом, что он неправильно учит о Святом Духе. В этом сочинении святитель Василий решительно высказывается о еретических учениях и устанавливает правильное учение о Третьем Лице Святой Троицы.

Затем святителем Василием написано много *Слов* и *Бесед*, и он же является составителем нравственных и монашеских правил. Первые, числом 80, подкреплены ссылками на Священное Писание. Вторые подробно определяют и цель, и прохождение монашеской жизни.

Наконец, после Василия Великого осталось большое количество его писем к разным лицам. Эти письма являются драгоценным источником для истории ересей и подробно характеризуют состояние Православной Церкви того времени. Вместе с тем, в них полно

отразилась личность самого святого Василия, а потому они являются прекрасным источником для христианского назидания.

Краткую, но очень верную оценку всех творений Василия Великого дал его друг. "Когда я читаю его толкования, я не удерживаюсь, - говорит Григорий Богослов, - на простой внешней букве, а глубоко проникаю в дух и слышу, как бы это был один глубокий призыв к другому, и я вижу свет, стремящийся к Свету, и таким образом постигаю возвышенное значение Священного Писания".

Василий Великий скончался 1 января 379 года, а через несколько месяцев собрался Константинопольский Собор, председателем которого ему надлежало быть по праву. Таким образом, Василий Великий прожил около 50 лет, из них 30 лет являлись подготовлением к служению Церкви и только 20 лет посвящены были этому служению. Но эти 20 лет были полны такой кипучей энергии, такого непосильного труда, которые быстро подточили его силы. Последние годы его жизни были одною "долгою болезнью". Но не телесные недуги угнетали великого Святителя, угнетали его сознание неустроенности Церкви, отсутствие мира и единения в ней и падение веры. "Каково, - писал он своему другу Асхолию, епископу Фессалоникийскому, - состояние нашего счастья? Любовь охладела. Учение наших Отцов опустошено, совершилось много кораблекрушений веры. Уста благочестивых смолкли". И эти жалобы часто прорывались в его письмах.

И лишь погребение Василия Великого объединило всех в признании огромной для православных утраты, в признании всеми, без различия народностей, его высоких качеств.

"Когда течение скончал и веру соблюдиши, - пишет святитель Григорий, - возжелал святой Василий разрешиться, и наступило время к принятию венцев, тогда совершает он новое чудо. Будучи уже почти мертв и бездыханен, он оказывается еще крепким при произнесении исходной своей молитвы, чтобы отойти отселе с вещаниями благочестия. Василий лежал при последнем издыхании, призываемый к горнему ликостоянию, к коему с давнего времени простирал свои взоры. Вокруг него волновался весь город: нестерпима была потеря; жаловались на его отшествие, как на притеснение; думали удержать его душу, как будто можно было захватить и насильно остановить ее руками и молитвами (горесть делала их безрассудными); и всякий, если бы только мог, готов был приложить ему что-нибудь от своей жизни". Чудо, которое совершилось в день смерти Василия, состояло в следующем. Некто Иосиф еврей, отлично зная врачебное искусство, будучи хорошо знаком Святителю, посетил его, умиравшего, и предсказал ему, что он не проживет и до завтра. "Если же жизнь твоя продлится до завтра, - сказал Иосиф, - я крещусь во имя Того, Который только силою Своего Божественного Всемогущества может продолжить жизнь твою". Иосиф удалился. Святитель Василий, сложив охладевшие свои руки, молился Господу Иисусу даровать умирающим его членам несколько часов жизни и дыхания, дабы душа этого человека (Иосифа) сделалась участницею спасения и блаженства. На другой день Иосиф, увидев святого Василия живого, пал пред постелью его на колена и воскликнул: "Теперь я совершенно уверен, что Бог твой есть Истинный Бог, теперь я в точности исполню свое вчерашнее обещание". Больной сказал: "Я сам буду и крестить тебя". Настал час крещения, и Василий является пред алтарем Господним крестить, и продолжает Богослужение до 3-го часа пополудни в 1-й день января 379 года. В этот же день святитель Василий преставился.

Его гроб провожали христиане, иудеи и язычники. Он был погребен в церкви мученика Евпсихия рядом с другими епископами. Последними предсмертными словами святого Василия Великого были: "В руки Твои предаю дух мой". Память его 1/14 января и 30 янв./12 февр. (Даты даны по старому и новому стилям. - *Ред.*)

Святой Амфилохий, епископ Иконийский, современник Василия Великого, умерший в 394 году, в слове своем в день его смерти говорил: "Великий Василий, великий архиерей Церкви, прошел небеса не телом, но созерцанием и духом. Подражая Первому и Божественнейшему Иерарху - Иисусу Христу, он и сам вошел во внутреннейшее завесы, изнес оттуда закон духа и гром учения, и молниеносною Евангельскою проповедью поразил и низложил закон письмени и обрезания плотского. Василий - ярко горящий светильник Кафолической Церкви, светлое солнце Евангельской истины, осиявающее всю землю лучами

своего Богословия, неподражаемый по делам, недосызаемый по умозрению, совершенный по разуму, жизни и добродетелям, премудрый по наукам Божественным и человеческим, так что в нем, вообще можно сказать, не было никакого несовершенства. Изучив вполне всю мудрость мирскую и все науки человеческие, он все сие скоро поверг к ногам учеников Иисусовых; благоговейно и глубоко проникнув все древние и пророческие священные книги, святой Василий прямо притек чрез них к совершеннейшей вере в Иисуса Христа и утвердился в ней. Имея своим руководителем Евангелие, он достигал таким образом истинного познания пророков, а чрез познание учения пророческого входил в точное разумение Евангелия, и при помощи того и другого приобрел яснейшее ведение Божества. Василий - высокий и величественный столп Церкви Божией, светило Богословия, красота иерархии, истиннейший человек Бога Отца, пламеннейший благовестник Единородного, вернейший приставник и домоправитель Духа Святого, чадо мудрости, чертог разума, сокровищница познания, училище благочестия, истолкователь таинственного и Божественного совета, несокрушимая и незыблемая твердость силы и крепости Христовой, учивший и наставлявший всех людей страху Божию, заповедям Господним и благочестию. Великий Василий - царская труба Слова Божия, огласившая силою звука своего концы вселенной. Громко возвещая обрезание духа в Божественном крещении, он более, нежели кто-либо другой из богословов, содействовал к прекращению обрезания по плоти. Посему не без причины и не случайно Божественный Василий разрешился от тела и преставился от земли к Богу в день Обрезания Иисуса, празднуемый между днем рождения и крещения Христова. Поелику сей блаженнейший, проповедуя и восхваляя рождение и крещение Христово, превозносил обрезание духовное, то и сам, совлекшись тела, удостоился вознестись ко Христу именно в священный день воспоминания Обрезания Христова. Посему-то и установлено в настоящий день ежегодно чтить память Великого празднованием и торжеством. И вот Святая Вселенская Церковь во всех пределах земли ныне совершает священную и все святую память Василия, и, достойно прославляя ее Божественными хвалами, вместе воспеваает и прославляет Христа дивного во святых Своих. <...>

"Сей великий муж принадлежит не к одной Кесарийской Церкви, коей был Святителем, и не в свое только время, не одним соплеменникам своим был полезен, но всем странам и градам вселенной, и всем людям приносил и приносит пользу, и для христиан всегда был и будет учителем спасительнейшим. <...>

Почтим же теперь память сего Богоносного отца, почтим достождно учителя песнопениями и Богодухновенными хвалами силы и добродетели; почтим его как истинного отца, который породил нас Евангелием во Христе Иисусе и своим учением преобразил нас, по внутреннему человеку нашему, в Богоподобных чад".

Святитель Григорий Богослов, прославляя святого Василия Великого, писал, что "он был опора веры, правило истины, образец в Церкви, обитель Духа, муж, превзошедший меру и жизни человеческой, и добродетелей, муж многообъемлющий, великий и святой; душа его была Божественна, он был мужественный подвижник истины, который не иным чем дышал, как благочестивым и спасительным для всего мира учением; для всех был он образцом веры и добродетели, слово его было высокоумудренно, глубоко и совершенно".

В V веке Анатолий Константинопольский, в VIII - Иоанн Дамаскин, Герман Константинопольский, и затем в последующие века - Василий монах и Византий написали священные песни, которыми Церковь и ныне прославляет святителя Василия Великого.

Восхваляя его, Церковь, между прочим, поет: *"Во всю землю изыде вещание твое, яко приемишую слово твое, имже боголепно научил еси: естество сущих уяснил еси, человеческия обычаи украсил еси, царское священство, отче преподобне, моли Христа Бога, спасетися душам нашим"*. (Тропарь Святителю, гл. 1).

На всенощном бдении в день святого Василия Великого, когда бывает праздник и Обрезанию Господа, Церковь произносит в честь этого праздника две паремии и одну в честь Вселенского Учителя и Святителя о высоком совершенстве праведных и благе от них для ближних (Притч. 10, 32 - 11, 12). Евангелие утреннее в честь Святителя то же, что на утрени в день святого равноапостольного Константина (Ин. 10, 9 - 16). На Литургии, которая в день

1 января бывает святого Василия Великого, чтением Апостола в честь его Церковь возвещает о совершеннейшем Архиерее - Сыне Божиим, Которому святитель Василий Великий подражал (Евр. 7, 26 - 8, 2); чтением Евангелия благовествует учение Иисуса Христа о блаженстве нищих духом, алчущих и жаждущих правды и гонимых за веру Христову (Лк. 6, 17 - 23), каким был и святой Василий Великий.

БЕСЕДЫ НА ШЕСТОДНЕВ

Беседа 1.

В начале сотворил Бог небо и землю (Быт. 1, 1)

Кто хочет повествовать о составе мира, для того приличное начало - сказать предварительно о начале устройства видимых вещей. Ибо он должен передать историю о творении неба и земли, которое не само собою произошло, как представляли себе некоторые, но имело причину в Боге.

Какой слух будет достоин великости повествуемого? С каким приуготовлением надобно приступать душе к слышанию таких предметов? Ей должно быть чистою от плотских страстей, не омраченною житейскими заботами, трудолюбивою, изыскательною, вникающею во все, из чего только можно занять понятие о Боге, достойное Бога.

Но прежде нежели исследуем точность речений и рассмотрим многозначительность сих немногих слов, представим себе, кто беседует с нами? Чрез это, хотя бы, по немощи нашего разумения, и не проникли мы в глубину сердца повествователя, однако же обратив внимание на достоверность говорящего, сами собою дойдем до необходимости согласиться на сказанное.

Итак, составивший сие повествование есть Моисей - тот Моисей, о котором засвидетельствовано, что *был прекрасен перед Богом* (Деян. 7, 20), будучи еще грудным младенцем; которого усыновила дочь фараонова и воспитала по-царски, приставив к нему для обучения мудрых египетских наставников; который, возненавидев гордость преобладания и обратившись к униженному состоянию единоплеменников, *лучше захотел страдать с народом Божиим, нежели иметь временное греховное наслаждение* (Евр. 11, 25); который, получив от самой природы любовь к правде, еще прежде нежели вверено ему начальствование над народом, по естественному отвращению от зла оказывается даже до смерти готовым преследовать злых; который, будучи изгнан облагодетельствованными и с радостью оставив египетские мятежи, удалившись же в Эфиопию, там, на совершенной свободе от других занятий, в продолжение целых сорока лет упражнялся в умозрении о существующем; который, будучи уже осьмидесяти лет, видел Бога, как можно видеть человеку, лучше же сказать, как не видал ни один человек, по собственному Божию свидетельству: *если бывает у вас пророк Господень, то Я открываюсь ему в видении, во сне говорю с ним; но не так с рабом Моим Моисеем, - он верен во всем дому Моем: устами к устам говорю Я с ним, и явно, а не в гаданиях* (Числ. 12, 6-8). Сей-то, наравне с Ангелами удостоившийся лицезрения Божия, повествует нам нечто из того, что слышал от Бога. Послушаем же вещаний истины, которые изречены *не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы* (1 Кор. 2, 4), и имеют целью не похвалу слушающих, но спасение поучаемых.

В начале сотворил Бог небо и землю. Изумительность мысли связывает у меня слово. О чем говорить прежде? С чего начать толкование? Обличать ли суетность язычников? Или возвеличить истину нашего учения?

Эллинские мудрецы много рассуждали о природе, - и ни одно их учение не осталось твердым и непоколебимым: потому что последующим учением всегда ниспровергалось предшествовавшее. Посему нам нет и нужды обличать их учения; их самих достаточно друг для друга к собственному низложению. Ибо не знавшие Бога не допускали, что происхождение всех вещей зависит от разумной причины; а сообразно с сим коренным своим неведением заключали и о прочем. Потому одни прибегали к вещественным началам,

и причину всех вещей приписывали стихиям мира; другие же представляли себе, что природу видимых вещей составляют атомы и неделимые тела, тяжесть и скважинность; потому что рождение и разрушение происходит, когда неделимые тела то взаимно сходятся, то разлучаются, а в телах, существующих долее других, причина продолжительного пребывания заключается в крепчайшем сцеплении атомов.

Подлинно ткнут паутинную ткань те, которые пишут это, и предполагают столько мелкие и слабые начала неба, земли и моря. Они не умели сказать: **в начале сотворил Бог небо и землю**. Потому вселившееся в них безбожие внушило им ложную мысль, будто бы все пребывает без управления и устройства и приводится в движение как бы случаем. Чтобы и мы не подверглись тому же, описывающий мироздание прямо в первых словах просветил наше разумение именем Божиим, сказав: **в начале сотворил Бог**.

Какой прекрасный порядок! Сперва упомянул **о начале**, чтобы иные не почли мир безначальным; а потом присовокупил: **сотворил**, - в показание, что сотворенное есть самая малая часть Зиждителява могущества. Как горшечник, с одинаковым искусством сделавший тысячи сосудов, не истощил тем ни искусства, ни силы, так и Создатель этой вселенной, имея творческую силу и не для одного только мира достаточную, но в бесконечное число крат превосходнейшую, все величие видимого привел в бытие одним мановением воли.

А если мир имеет начало и сотворен, то спросим себя: кто дал ему начало, и кто его Творец? Лучше же сказать: чтобы тебе, доискиваясь сего посредством человеческих умствований, не уклониться как-нибудь от истины, Моисей предварил своим учением, вместо печати и ограждения нашим душам наложив досточтимое имя Божие, когда сказал: **в начале сотворил Бог**. Сие блаженное Естество, сия неоскудевающая Благодать, сия Доброта любезная и многовожденная для всякого одаренного разумом существа, сие Начало существ, сей Источник жизни, сей духовный Свет, сия неприступная Мудрость, - вот Кто **сотворил в начале небо и землю!**

Посему, человек, не представляй себе видимого безначальным, и из того, что движущиеся на небе тела описывают круги, - а в круге чувство наше с первого взгляда не может заметить начала, - не заключай, что природа круговращаемых тел безначальна. Да и этого круга, то есть начертания, на плоскости описанного одною чертою, не должны мы предполагать уже безначальным потому, что убегает от нашего чувства и не можем мы найти, где он начался и где окончился. Напротив того, хотя сие и убегает от нашего чувства, однако же в действительности, кто описывал круг из средоточия и известным расстоянием, тот, без сомнения, начал его откуда-нибудь. Так и ты, видя, что тела, описывающие круги, возвращаются в прежнее свое положение, равномерностью и непрерывностью их движения не удерживай себя в той ложной мысли, будто бы мир безначален и нескончаем. **...проходит образ мира сего** (1 Кор. 7, 31), и: **небо и земля прейдут** (Мф. 24, 35).

Предвозвещением же догматов о скончании и изменении мира служит и то, что предано нам ныне кратко в самых начатках Богодухновенного учения: **в начале сотворил Бог**. Начавшееся со временем по всей необходимости и окончится во времени. Если имеет начало временное, то не сомневайся о конце.

Но к какому концу приводят геометрия, арифметические способы исследования о толщах и пресловутая астрономия - эта многопопечительная суета, если изучившиеся сим наукам дошли до заключения, что видимый сей мир совечен Творцу всяческих Богу, и если то, что ограничено и имеет вещественное тело, возвели они в одну славу с Естеством непостижимым и невидимым, не в состоянии будучи выразуметь и того, что где подлежат повреждениям и переименованиям части, там и целое необходимо потерпит некогда одинаковые видоизменения с собственными своими частями? Но они до того **осустились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце: называя себя мудрыми, обезумели** (Рим. 1, 21-22), что одни утверждали, будто бы небо от вечности существует вместе с Богом, а другие говорили, что оно есть Бог безначальный и нескончаемый, причина благоустройства в частях вселенной. И без сомнения, излишество мирской мудрости принесет для них некогда приращение тяжкого осуждения за то, что, с такою осмотрительностью вникая в пустые предметы, произвольно слепотствовали в разумении

истины. Но они, вымерившие расстояние звезд, описавшие звезды, всегда видимые и северные, а также звезды, находившиеся около южного полюса и живущим там видимые, а нам неизвестные, разделившие на тысячи частей и северную широту и зодиакальный круг, с точностью наблюдавшие возвращение звезд, их стояния, склонения и общее движение к прежним местам, а также время, в какое каждая из планет совершает свой период, - они не нашли одного из всех способа, как уразуметь Бога, Творца вселенной и праведного Судию, воздающего каждому достойно по делам, и как вместить в уме вытекающую из понятия о суде мысль о скончании, потому что миру необходимо измениться, если и состояние душ перейдет в другой род жизни. Ибо как настоящая жизнь имеет качества, сродные сему миру, так и будущее существование наших душ получит жребий, свойственный своему состоянию. Но они до того не расположены внимать сим истинам, что даже громким смехом встречают нас, которые возвещаем кончину сего мира и вечное пакибытие.

Поелику начало естественным образом предшествовало тому, что от начала, то повествующий о вещах, получивших бытие во времени, по необходимости всему предположил это выражение: *в начале сотворил*. Было нечто, как вероятно, и прежде сего мира; но сие, хотя и постижимо для нашего разумения, однако же не введено в повествование, как несоответствующее силам новообучаемых и младенцев разумом. Еще ранее бытия мира было некоторое состояние, приличное премирным силам, превышее времени, вечное, присно продолжающееся. В нем-то Творец и Зиждитель всяческих совершил создания - мысленный свет, приличный блаженству любящих Господа, разумные и невидимые природы и все украшение умосозерцаемых тварей, превосходящих наше разумение, так что нельзя изобрести для них и наименований. Они-то наполняют собою сущность невидимого мира, как научает нас Павел, говоря: *ибо им создано все... видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли* (Кол. 1, 16), и ангельские воинства, и архангельские чинопачалы.

А когда уже стало нужно присоединить к существующему и сей мир - главным образом училище и место образования душ человеческих, а потом и вообще местопребывание для всего подлежащего рождению и разрушению, тогда произведено сродное миру и находящимся в нем животным и растениям преемство времени, всегда поспешающее и протекающее и нигде не прерывающее своего течения. Не таково ли время, что в нем прошедшее миновало, будущее еще не наступило, настоящее же ускользает от чувства прежде, нежели познано? А такова природа и бывающего в сем мире: оно то непременно возрастает, то умалется, и явным образом не имеет ничего твердого и постоянного. Посему и телам животных и растений, которые необходимо соединены как бы с некоторым потоком и увлекаются движением, ведущим к рождению или разрушению, прилично было заключиться в природе времени, которое получило свойства, сродные вещам изменяемым. По сей-то причине премудро изъясняющий нам бытие мира, рассуждая о мире, весьма кстати присовокупил: *в начале сотворил*, то есть в сем начале, в начале временном. Ибо, конечно, не во свидетельство того, что мир по своей первобытности предшествует всему сотворенному, именуется его происшедшим в начале; но говорит о начале происхождения сих видимых и чувством постигаемых вещей после невидимого и умосозерцаемого.

Началом называется и первое движение, например: *начало пути блага, еже творити праведная* (Притч. 16, 6), потому что прежде всего праведные дела движут нас к блаженной жизни. Но началом называется и то, с чего начинается какая-нибудь вещь, между тем как в ней есть и другое, например: в доме - основание и в корабле - подводная часть. В таком смысле сказано: *начало мудрости - страх Господень* (Притч. 1, 7), потому что богобоязненность есть как бы основа и опора совершенства. Началом же искусственных произведений именуется искусство, например: мудрость Веселеила была началом украшения Скинии. А началом нравственных поступков бывает часто и полезный конец сделанного, например: началом милостыни - приобретение благоволения Божия, и началом всякого добродетельного действия - ожидающий нас по обетованиям конец.

Поелику же начало берется в стольких значениях, то смотри, нельзя ли к слову сему и в настоящем случае приложить всех знаменований. Ибо тебе можно узнать, с какого времени

началось строение сего мира, если, от настоящего поступая назад, потрудишься найти первый день бытия мира. В таком случае найдешь, с чего во времени началось первое движение. Потом найдешь и то, что как бы некоторыми основаниями и опорами предварительно прочему, положены небо и земля; а потом, что есть какой-то художественный Ум, который распорядился украшением видимых вещей, как показывает тебе самое слово: начало. Найдешь также, что не напрасно и не без цели, но для полезного некоторого конца, представляющего существам обширное употребление, измышлен сей мир, - если только действительно он есть училище разумных душ, в котором преподается им Боговедение и чрез видимое и чувственное руководствует ум к созерцанию невидимого, как говорит Апостол, что *невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы* (Рим. 1, 20).

Или, может быть, поелику действие творения мгновенно и не подлежит времени, то и сказано: *в начале сотворил*; потому что начало есть нечто, не состоящее из частей и не протяженное. Как начало пути еще не путь и начало дома еще не дом, так и начало времени еще не время, а даже и не самонаименьшая часть времени. Если же какой-либо любитель споров скажет, что начало времени есть время, то пусть знает, что сим разделит начало на части, а части сии суть: начало, середина и конец. Но придумывать начало для начала весьма смешно. И кто делит начало надвое, тот из одного сделает два начала, лучше же сказать, много и бесконечное число начал: потому что каждую отделенную часть должен будет непрестанно рассекать на новые части. Итак, чтобы мы уразумели вместе, что мир сотворен хотением Божиим не во времени, сказано: *в начале сотворил*. В означение сего древние толкователи, яснее выражая мысль, сказали: сразу сотвори Бог, то есть вдруг и мгновенно.

Доселе, чтобы из многого сказать немногое, рассуждали мы о начале. Но из искусств одни называются творящими, другие состоящими то в действовании, то в умозрении. Концом искусств, состоящих в умозрении, служит самое действие ума; а концом искусств, состоящих в действовании, - самое движение тела, по прекращении которого ничего уже нет и не осталось для зрителей: так пляска или игра на свирели не дают ничего в произведении, но действие сие ограничивается только само собою. А в искусствах творящих, и по прекращении действия дело на виду; таковы искусства: домостроительства, плотничества, кузнечества, ткачества и сим подобные. Хотя художника и нет налицо, однако же искусства сии сами собою достаточно показывают художнический ум, и ты можешь удивляться домостроителю, кузнецу, ткачу, смотря на его произведение.

Посему и премудрый Моисей, желая показать, что мир есть художественное произведение, подлежащее созерцанию всякого, так что через него познается премудрость его Творца, не другое какое слово употребил о мире, но сказал: *в начале сотворил*. Не сделал, не произвел, но *сотворил*. И поелику многие из представлявших, что мир от вечности существует с Богом, соглашались не на то, что он сотворен Богом, но что сам собою осуществился, будучи как бы оттенком Божия могущества; и потому хотя признавали Бога причиною мира, но причиною произвольною, как тело бывает причиною тени, и сияющее - сияния, то Пророк, поправляя сию ложную мысль, употребил слова с особенною точностью, сказав: *в начале сотворил Бог*. Бог был для мира не сим одним - не причиною только бытия, но сотворил как благий - полезное, как премудрый - прекраснейшее, как могущественный - величайшее. Пророк показал тебе в Боге едва не художника, который, приступив к сущности вселенной, приновляет ее части одну к другой, и производит само себе соответственное, согласное и гармоническое целое.

В начале сотворил Бог небо и землю. Двумя крайностями обозначил сущность вселенной, приписав небу старейшинство в бытии, а о земле сказав, что она занимает второе место по сущности. Без сомнения, ежели есть что-нибудь среднее между небом и землею, то оно сотворено вместе с сими пределами. Почему, хотя не сказано о стихиях: огне, воде и воздухе, но ты собственным своим разумением постигни, во-первых, что все находится во всем. И в земле найдешь и воду, и воздух, и огонь. Огонь выскакивает из камней; и из железа, которое само ведет начало от земли, при ударах обыкновенно блещет неистощимый огонь. И достойно удивления, каким образом существующий в телах огонь

скрывается в них безвредно, но, будучи вызван наружу, делается истребительным для тел, хранивших его в себе прежде. А что в земле есть и водное естество, доказывают копатели колодцев. И о находящемся в нем воздушном естестве свидетельствуют пары, какие выходят из земли влажной и согретой солнцем. Во-вторых, если по природе своей небо занимает верхнее место, а земля составляет самый низ, почему легкое стремится к небу, а тяжелое обыкновенно клонится к земле, верх же и низ противоположны между собою; то упомянувший о небе и земле, которые по самой природе наиболее удалены друг от друга, конечно, обозначил тем совместительно и все, что наполняет средину между ними. А потому и не ищи повествования о каждой стихии, но в сказанном подразумевай и умолченное.

В начале сотворил Бог небо и землю. Исследование о сущности каждого существа, или подпадающего нашему умозрению, или подлежащего нашим чувствам, введет в толкование самые длинные и многосложные рассуждения, и при рассмотрении этой задачи нужно будет потратить более слов, нежели сколько можно сказать о каждом из прочих вопросов. Сверх того, нимало не послужит к назиданию Церкви - останавливаться на таком предмете.

Но касательно сущности неба довольно для нас сказанного у Исаии, который в простых словах дал нам достаточное понятие о природе его, сказав: **небеса исчезнут, как дым** (Ис. 51, 6), то есть для сотворения неба осуществивший естество тонкое, не твердое, не грубое. И об очертании неба достаточно для нас сказано у того же Пророка в славословии Богу: **Он распростер небеса, как тонкую ткань, и раскинул их, как шатер для жилья** (Ис. 40, 22).

То же самое правило предпишем себе и касательно земли: не любопытствовать об ее сущности, *что* она такое, не тратить времени на умствования, исследывая самое подлежащее, не доискиваться какого-то естества, которое лишено качеств, и само в себе взятое бескачественно, но твердо помнить, что все свойства, усматриваемые в земле, будучи восполнением сущности, входят в понятие бытия. Покусившись отвлечь разумом от земли каждое из находящихся в ней качеств, придешь ни к чему. Ибо если отнимешь черноту, холодность, тяжесть, густоту, качества земли, действующие на вкус, или и другие, какие в ней усматриваются, то подлежащим останется ничто.

Посему советую тебе, оставив все это, не доискиваться и того, на чем земля основана. Ибо при таком изыскании мысль придет в кружение от того, что рассудок не найдет никакого несомненного предела. Если скажешь, что воздух подложен под широту земли, то придешь в затруднение, каким образом естество мягкое, заключающее в себе много пустоты, противоборствует такой тяжести, будучи ею сдавлено, а не расплывается во все стороны, убегая из-под гнета и непрестанно переливаясь на верх гнетущего. Опять, если предположишь себе, что вода под землю, то и в таком случае должен будешь спросить, отчего тяжелое и густое не погружается в воду, но слабейшим естеством поддерживается естество, столько превосходящее его тяжестью? Сверх того надобно будет найти опору и самой воде, и опять с недоумением спрашивать: на чем твердом или упорном лежит нижний ее слой? Если же предположишь, что другое тело, которое тяжелее земли, препятствует ей идти книзу, то должен будешь рассудить, что и для него нужно какое-нибудь поддерживающее тело, не позволяющее ему падать вниз. Если же и для него можешь придумать какой-нибудь подкладень, то разум наш опять потребует опоры и для сего подкладня. А таким образом пойдем в бесконечность, для находимых непрестанно оснований придумывая опять новые. И чем далее станем простираться разумом, тем большую принуждены будем вводить поддерживающую силу, которая бы могла противиться в совокупности всему на ней лежащему.

Посему положи пределы своей мысли, чтобы за любопытство, старающееся изведать непостижимое, и тебя не коснулось слово Иова, чтобы и к тебе не мог относиться его вопрос: **на чем утверждены основания**1) *ее* (Иов 38, 6)? Но если слышишь иногда в псалмах: **Я утвержу столпы ее** (Пс. 74, 4), то разумей, что столпами названа сила, поддерживающая землю. Ибо слова: **Он основал ее на морях** (Пс. 23, 2) что означают, как не то, что водное естество повсюду разлито вокруг земли? Как же вода, будучи текучею, и по скату обыкновенно падающая вниз, остается висящею и никуда не стекающею? А ты не

рассуждаешь, что то же или еще большее затруднение представляет разуму земля, сама на себе повешенная, между тем как она по естеству тяжелее. Но согласимся ли, что земля висит сама на себе, или скажем, что она держится на воде, - в обоих случаях необходимо не отступать от благочестивого разума и признавать, что все в совокупности содержится силою Творца. А потому и себе самим, и спрашивающим нас: на чем опирается этот огромный и несдержимый груз земли? - надобно отвечать: *в руке Его все глубины земли* (Пс. 94, 4). Эта мысль и для нас самая безопасная и для слушающих полезная.

Некоторые естествоиспытатели остроумно доказывают, что земля пребывает неподвижно уже и по следующим причинам: поелику она заняла среднее место в мире и во все стороны имеет равное расстояние от краев, то, по недостатку причины уклониться куда-нибудь преимущественно, необходимо остается в своем положении, и окружающее ее отовсюду равенство делает совершенно невозможным движение ее к чему-нибудь. Среднее же место досталось земле не по жребию и не по случаю, но таково естественное и необходимое положение земли. Ибо, рассуждают они, как небесное тело удержало за собою крайнее место вверху, так все тяжести, какие предположим падающими сверху, должны отовсюду устремиться к середине. А куда стремятся части, туда, очевидно, соберется и целое. Если же камни, деревья и все земляные частицы стремятся книзу, то это самое положение будет свойственно и прилично целой земле. А если что легкое устремится прочь от середины, то, очевидно, движение его будет кверху. Посему стремление книзу есть стремление, свойственное веществам тяжелым; словом же низ означает середину. Итак, не дивись, что земля никуда не падает, занимая естественное для нее место - середину. Ибо, по всей необходимости, ей должно пребывать на своем месте, или, приняв противоестественное движение, сойти со свойственного ей основания.

Но если в сказанном доселе кажется тебе что-нибудь правдоподобным, то обратись с удивлением к Божией премудрости, которая так сие устроила. Ибо изумление пред великими предметами не уменьшается, когда открыт способ, каким произошло что-нибудь необычайное. А если и не открыт, то простота веры да будет крепче доказательств от ума.

То же самое можем сказать и о небе, то есть что мирские мудрецы предложили многословные рассуждения об естестве неба. Одни говорили, что оно сложено из четырех стихий, как осязаемое, видимое и содержащее в себе - землю, потому что упорно; огонь, потому что видимо; прочие же стихии, потому что есть смесь. А другие, отринув сие мнение как неправдоподобное, в состав неба ввели какое-то пятое телесное естество, выдумав его самовольно и сами от себя [1]. У них есть какое-то эфирное тело, которое, как говорят они, ни огонь, ни воздух, ни земля, ни вода, ни вообще какое-либо из простых веществ; потому что простым веществам свойственно движение прямолинейное, так как легкие стремятся вверх, и тяжелые - вниз; а это тело ни вверх, ни вниз не движется, но вращается кругообразно; движение же прямолинейное вообще весьма отлично от кругообразного вращения. Но в телах, у которых естественные движения различны, по необходимости, как рассуждают они, и сущности должны быть различны. Невозможно предположить нам и того, что небо сложено из простых тел, или так называемых стихий, потому что сложенное из различных тел не может иметь равномерного и свободного движения, так как каждое простое тело, заключающееся в сложном, имеет по природе свое собственное стремление. По сей причине сложные тела, во-первых, с трудом удерживаются в непрерывном движении, потому что одно движение не может быть соразмерно и дружно со всеми противными движениями. Напротив того, движение, свойственное легкому телу, враждебно движению, которое свойственно самому тяжелому телу. Ибо когда движемся вверх, обременяют нас земляные части, а когда несемся вниз, терпят в нас насилие огненные части, вопреки их природе увлекаемые книзу. Стремление же стихий в противные стороны бывает причиною распада. Принужденное и противоестественное, будучи удержано ненадолго, и то насильственно и с трудом, вскоре разлагается на составные свои части, потому что каждая из частей, вошедших в состав, возвращается в собственное свое место. По сей-то, говорят, необходимости выведенных умозаключений, должны были отвергнуть прежние мнения и составить свое предположение те, которые, для происхождения неба и звезд небесных,

предположили пятое телесное естество. А иной, изобретательный на тонкости, восстав против сих умозаключений, расстроит и опровергнет их, введет же собственное свое мнение. И если мы предпримем теперь говорить о таких предположениях, то сами впадем в такое же пустословие, как и их изобретатели [2].

Но мы, предоставив им низлагать друг друга, сами же, не касаясь рассуждений о сущности и поверив Моисею, что **сотворил Бог небо и землю**, прославим наилучшего Художника, премудро и искусно сотворившего мир, и из красоты видимого уразумеем Превосходящего всех красотой; из величия сих чувственных и ограниченных тел сделаем наведение о Бесконечном, превышем всякого величия, и по множеству Своей силы превосходящем всякое разумение. Хотя и не знаем природы сотворенного, но и то одно, что в совокупности подлежит нашим чувствам, столько удивительно, что самый деятельный ум оказывается недостаточным для того, чтобы изъяснить как следует самомалейшую часть мира и чтобы воздать должную похвалу Творцу, Которому слава, честь и держава во веки веков. Аминь.

Примечания:

[1] В подлиннике, как и у Семидесяти: *krikoi*, собственно - кольца; у Аквилы же и у Феодотиана, *ai baseiz*, основания - что ближе к еврейскому подлиннику.

[2] Предыдущее мнение принадлежит Платону, а последнее Аристотелю.

Беседа 2.

О том, что земля была невидима и нестроена (*Быт. 1, 2*)

На немногих словах остановившись утром, нашли мы в них такую сокровенную глубину мыслей, что приходим в совершенную безнадежность касательно последующих. Ибо если вход во Святаю таков и преддверие храма так досточестно и величественно, таким преизбытком красоты осиявает наши очи и умы, то каково же Святаю Святых? И кто достоин смело взойти во святилище? Или кто простер взор на таинственное? И зрение сих тайн недоступно, и знаменование вмещаемого умом совершенно неизъяснимо.

Впрочем, поелику у Праведного Судии назначены немаловажные награды и за одно преднамерение исполнить должное, то не обленимся заняться исследованием. Ибо хотя не постигнем достоинства предметов, однако же если, при помощи Духа, не уклонимся от намерения Писания, то и сами, конечно, не будем признаны ни к чему негодными и, при содействии благодати, сделаем нечто к назиданию Церкви Божией.

Сказано: **земля же была невидима и нестроена**. Почему, когда то и другое, и небо и земля, сотворены равночестно, небо доведено до совершенства, а земля еще несовершенна и не получила полного образования? Или вообще, что значит нестроенность земли? И по какой причине была она невидима?

Совершенное устройство земли означает обилие ее произведений, прозябание всякого рода растений, появление высоких деревьев, и плодовых и неплодовых, доброцветность и благовоние цветов, и все то, что в скором времени должно было, по Божию повелению, произникнув на земле, украсить породившую все сие. А как ничего этого еще не было, то Писание справедливо наименовало землю нестроеною.

Но то же самое можем сказать и о небе. И оно не имело еще полного образования, не получило свойственного ему украшения, потому что не освещалось луною и солнцем, не венчалось сонмами звезд. Всего этого еще не было; а потому не погрешешь против истины, если и небо назовешь не-строеным.

Невидимую же названа земля по двум причинам: или потому что не было еще зрителя земли - человека, или потому что она погружалась в глубине и от разливающейся на поверхности ее воды не могла быть видимою. Ибо воды не были еще совокуплены в свои **собрания**, которые совокупивший их Бог наименовал впоследствии **морями**. Да и что бывает невидимо? Как то, чего нельзя видеть плотскими глазами, какова наша мысль; так и то, что по природе видимо, но скрывается по причине заграждения наложенным на него телом, как

железо в глубине. В сем значении, как думаю, и теперь названа невидимою земля, покрытая водою. Сверх того, поелику не был еще сотворен свет, то не удивительно, что земля, по причине неосвещенного над ней воздуха лежащая во тьме, и в этом отношении названа в Писании невидимою.

Но поддельвающиеся под истину, не приучившие ума своего следовать Писанию, а напротив того, по собственному усмотрению превращающие смысл написанного, говорят, что сими словами означает материя. Ибо материя, рассуждают они, по природе своей невидима и неустроена; потому что сама в себе взятая - бескачественна, не имеет никакого вида и очертания. И ее-то взяв, Художник, по Своей премудрости, образовал и привел в порядок, а таким образом осуществил из нее видимое.

Итак, если материя не сотворена, то, во-первых, она равностепенна Богу как удостоенная тех же преимуществ. Но что может быть сего нечестивее? Бескачественное, не имеющее вида крайнее безобразие, не получившую никакого образования гнусность (употребляю собственные выражения сих учителей) удостоить одинакового предпочтения с премудрым, всемогущим и прекраснейшим Создателем и Творцом всяческих! Во-вторых, если материя так вместительна, что может принять в себя все ведомое Богу, то чрез это сущность материи уравнивают они некоторым образом с неисследимым Божиим могуществом, как скоро материя достаточна к тому, чтобы измерить собою весь разум Божий. А если материя мала для Божия действия, то и в таком случае учение их обратится в нелепую хулу: потому что недостаточностью материи заставят они Бога остаться в бездействии и не довершить дел Своих.

Но их ввела в заблуждение скудость естества человеческого. Поелику у нас каждое искусство трудится над одним каким-нибудь веществом отдельно, например: кузнечное над железом, плотничное над деревьями; поелику в сих искусствах иное есть материя, иное форма, а иное - производимое по форме, и вещество берется совне, форма же прилагивается искусством, а произведением бывает нечто, сложенное из того и другого - из формы и из материи, то они рассуждают таким же образом и о Божием созидании, что форма дана миру премудростью Творца всяческих, а вещество имел Создатель совне, и произошел сложенный мир, который материю и сущность имеет от иного начала, а очертание и образ получил от Бога. Вследствие сего они отрицают, чтобы великий Бог был полновластен при устройении всего сущего, представляют же Его как бы участвовавшим в складчине и малую только долю вложившим от Себя в бытие существ. Так они, по низости своих умствований, не могут досягать взором до высоты истины, потому что здесь искусства позднее веществ, будучи внесены в жизнь нашу по требованию необходимости. Прежде была шерсть, потом родилось ткацкое искусство, чтобы восполнить от себя недостаток природы. Было и дерево; строительное же искусство, взяв и обделывая сие вещество для каждой представлявшейся нужды, показало нам пользу дерев, доставляя мореходцам весло, земледельцам - веяльную лопату, воинам - древко для копья.

Но Бог, прежде нежели существовало что-нибудь из видимого ныне, положив в уме и подвигшись привести в бытие не сущее, вместе и помыслил, каким должен быть мир, и произвел материю соответственную форме мира. Для неба отделил Он естество приличное небу, и в форму земли вложил сущность, свойственную земле и для нее потребную. Огню же, воде, воздуху и формы дал, какие хотел, и в сущность их привел, как требовало умопредставление каждой из творимых вещей. И целый мир, состоящий из разнородных частей, связал Он каким-то неразрывным союзом любви в единое общение и в одну гармонию; так что части, по положению своему весьма удаленные одна от другой, кажутся соединенными посредством симпатии. Посему да прекратят свои баснословные построения те, которые, при немощи собственных умствований, измеряют могущество, непостижимое для разумения и вовсе неизреченное на человеческом языке!

Сотворил Бог небо и землю: не в половину каждое, но целое небо и целую землю, самую сущность, взятую вместе с формою, потому что Он не Изобретатель только образов, но Зиждитель самого естества существ. Иначе пусть отвечают нам, каким образом встретились между собою и деятельная сила Божия, и страдательная природа вещества;

встретились между собою и вещество, доставляющее материю без образа, и Бог, имеющий знание образов без вещества; встретились так, что недостающее у одного дается другим: дается Зиждчителю то, над чем показать искусство, а веществу то, чтобы отложить свое безобразие и неимение формы? Но о сем довольно. Возвратимся к сказанному вначале.

Земля же была невидима и неустроена. Сказавший: *в начале сотворил Бог небо и землю* умолчал о многом: о воде, о воздухе, об огне и о видоизменениях, из них происшедших. Хотя все это, как служащее к восполнению мира, очевидно, существовало в целом, однако же история не коснулась сего, чтобы приучить ум наш к самостоятельности и дать ему случай по немногим данным делать заключения и о прочем. Посему, когда не сказано о воде, что сотворил ее Бог, но сказано, что земля была невидима, рассуди сам в себе: какую же завесою она была покрыта и не являлась зрению? Огонь не мог ее закрывать, потому что огонь светоносен, и к чему присоединяется, тому сообщает скорее видимость, нежели темноту. Также и не воздух был тогда покровом земли, потому что естество воздуха тонко и прозрачно, принимает в себя все образы видимых вещей и передает их взорам видящих. Итак, остается нам представить, что вода возвышалась на земной поверхности, пока еще влажная сущность не была отделена в особое место. А отсего земля была не только невидима, но и неустроена, потому что излишество влаги даже и ныне бывает препятствием плодородию земли. Итак, одна причина и невидимости и неустроенности, если только под устройством земли разуметь свойственное ей и естественное украшение - жатвы, волнующиеся в долинах, зеленеющие и испещренные различными цветами луга, цветущие холмы и осененные лесами вершины гор. Всего этого еще не было. Земля по силе, вложенной в нее Создателем, хотя готова была породить все сие, однако же ожидала приличного времени, чтобы, по Божию повелению, произвести на свет свои порождения.

Но сказано: *и тьма над бездною* (Быт. 1, 2). Опять новый предлог к баснословию, новые основания к нечестивым построениям для тех, которые извращают слова по собственным догадкам! Ибо не объясняют по-обыкновенному, что тьма есть какой-нибудь неосвещенный воздух, или место, затененное от преграждения света телом, или вообще место, лишенное света по какой ни есть причине, но толкуют, что тьма есть злая сила, лучше же сказать, самое зло, само от себя имеющее начало, противоположное и противодействующее Божией благодати. Если *Бог есть свет* (1 Ин. 1, 5), то сила, Ему противоборствующая, говорят они в сообразность сей мысли, очевидно, будет тьма, - тьма, не от другого кого имеющая бытие, но самобытное зло; тьма, нечто враждебное душам, нечто производящее смерть, противление добродетели. И в самых словах Пророка, по ложному их разумению, показывается, что тьма сия существовала, а не Богом сотворена. И на этом предположении каких ни построено лукавых и безбожных учений! Какие *лютые волки* (Деян. 20, 29), расточающие Божие стадо, устремлялись на души, ведя начала от сего краткого слова [1]! Не отсюда ли Маркионы? Не отсюда ли Валентины? Не отсюда ли мерзкая ересь манихеев, которую если назовет кто гниlostью в церквах, не погрешит в приличии наименования?

Для чего, человек, бежишь вдаль от истины, сам для себя вымышляя случаи к гибели? Просто и для всякого удобопонятно слово; сказано: *земля была невидима*. Какая же тому причина? Та, что земля имела над собою распростертую бездну. Что же за понятие: бездна? Это - множество воды, в котором невозможно достать нижнего предела. Но знаем, что многие тела часто бывают видны сквозь тонкую и прозрачную воду. Почему же ни одна часть земли не показывалась в водах? Потому что разлитый над водою воздух был еще не светел, но темен. Ибо луч солнечный, проходящий чрез воды, показывает часто в глубине мелкие камни. Но в глубокою ночь никто никаким образом не увидит находящегося под водою. Посему словам: *земля была невидима* пояснением служит присовокупленное, что лежала на ней бездна, и бездна была темная.

Итак, бездна - не множество сопротивных сил, как представляли себе некоторые, и тьма - не первоначальная какая-нибудь и лукавая сила, противопоставляемая добру. Ибо две силы, по противоположности одна другой уравнивающиеся, непременно будут одна для другой разрушительны и, состоя между собою в непрекращаемой брани, непрестанно будут иметь и

доставлять друг другу случаи ко вражде. И если одна из противоположных сил превосходит другую могуществом, то делается совершенно истребительною для преодолеваемой силы. Посему если говорят, что сопротивление зла добру равносильно, то вводят непрекращающуюся брань и непрестанное разрушение, поелику каждое отчасти одолевает и одолевается. А если добро превосходит силою, то по какой причине природа зла не истреблена совершенно? А если, чего и выговорить невозможно..., дивлюсь, как не бегут они сами от себя, будучи увлекаемы в такие злостивые хулы!

Но неблагочестиво сказать и то, будто бы зло имеет начало от Бога, потому что противное от противного не происходит. Жизнь не рождает смерти, тьма - не начало свету, болезнь - не содетельница здравия. Напротив того, хотя при перемене состояний бывают переходы из противоположного в противоположное, однако же в рождениях каждая рождающаяся вещь происходит не от противоположного, но от однородного. Итак, спрашивают: если зло и не есть нечто несотворенное и не Богом сотворено, то откуда же имеет свою природу? А что зло существует, сего не будет отрицать никто из причастных жизни.

Что же скажем на сие? То, что зло не живая и одушевленная сущность, но состояние души, противоположное добродетели и происходящее в беспечных чрез отпадение от добра. Посему не доискивайся зла вовне, не представляй себе, что есть какая-то первородная злая природа, но каждый да признает себя самого виновником собственного злонравия.

Все, что ни бывает, всегда приключается с нами частью по природе, например: старость и немощи; частью по случаю, например: неожиданные встречи чего-нибудь нередко скорбного или радостного, происходящие от посторонних причин, как то: роющему колодезь обретение сокровища или идущему на рынок встреча бешеной собаки; частью же от нас зависит, например: взять верх над пожеланиями или не полагать меры удовольствиям, удержаться от гнева или наложить руки на раздражившего, сказать правду или солгать, иметь нрав кроткий и умеренный или гордый и заносчивый.

Посему не ищи вовне начала тому, над чем сам ты господин, но знай, что зло, в собственном смысле взятое, получило начало в произвольных падениях. И если бы оно было не произвольно и не от нас зависело, то как законы не угрожали бы таким страхом обидчикам, так и наказания, налагаемые на преступников в судах по мере вины, были бы тогда неизбежны. Сие пусть будет сказано о зле, в собственном смысле взятом. А болезнь, бедность, бесславие, смерть и другие человеческие скорби не должно и включать в число зол; потому что противоположное им не причисляется нами к величайшим благам, и скорби сии частью бывают по природе, а частью оказываются для многих послужившими в пользу.

Итак, в настоящем случае, заставив умолкнуть всякое переносное и догадочное толкование, изложим понятие тьмы просто, без тонкостей, следуя намерению Писания. Разум спрашивает: сотворена ли тьма вместе с миром и первоначальнее ли она света, а поэтому точно ли худшее старше? Ответствуем, что и сия тьма не что-либо самостоятельное, но видоизменение в воздухе, произведенное лишением света. Какого же света лишенным вдруг нашлось место в мире, так что поверх воды стала тьма?

Полагаем, что если было что-нибудь до составления сего чувственного и тленного мира, то оно, очевидно, находилось во свете. Ибо Ангельские чины, все Небесные воинства вообще, какие только есть, именуемые и неименуемые умные природы и служебные духи, жили не во тьме, но во свете и во всяком духовном веселии имели приличное для себя помещение. И против сего никто не будет спорить, тем паче тот, кто в числе обетованных благ ожидает пренебесного света, о котором говорит Соломон: *свет праведных весело горит* (Притч. 13, 9), и Апостол: *благодаря Бога и Отца, призвавшего нас к участию в наследии святых во свете* (Кол. 1, 12). Ибо если осужденные посылаются во тьму кромешную, то совершившие дела, достойные благоволения, очевидно, имеют упокоение в премирном свете.

Посему, когда по Божию повелению, вдруг распростерто было небо вокруг того, что заключилось внутри собственной его поверхности, и стало оно непрерывным телом, достаточным к тому, чтобы отделить внутреннее от внешнего [2], тогда по необходимости

само небо сделало неосвященным объемлемое им место, пресекши лучи, идущие совне. Ибо для тени нужно быть в одно время свету, телу и неосвященному месту. Таким образом, тьма в мире произошла от тени небесного тела. Сказанное же мною поймешь из очевидного примера, если в ясный полдень поставишь над собою палатку из плотной и непроницаемой ткани и сам себя заключишь в составившуюся мгновенно тьму. Такою же предположи и оную тьму, то есть не чем-нибудь предварительно осуществленным, но следствием других вещей. О сей, конечно, тьме говорится, что она возвышалась над бездною, потому что с поверхностями тел обыкновенно соприкосновенны крайние пределы воздуха; но тогда над всеми телами разлита была вода: почему по необходимости сказано, что тьма веру бездны.

И Дух Божий, - говорит Моисей, - **носился над водою** (Быт. 1, 2). Или дух сей означает разливание воздуха, и ты разумей, что писатель перечисляет части мира, то есть что Бог сотворил небо, землю, воду, воздух, и притом воздух уже разлитый и текущий. Или, что ближе к истине и одобрено прежде нас, духом Божиим назван Дух Святой, потому что Он, по замеченному, преимущественно и исключительно достоин такого упоминания в Писании, и никакой другой дух не именуется Божиим, кроме Святого, восполняющего Собою Божественную и Блаженную Троицу. И ты, допустив такое понимание, извлечешь из него большую пользу.

Как же Он **носился над водою**? Скажу тебе не свое мнение, но мнение одного Сириянина, который был столько же далек от мирской мудрости, сколько близок к ведению истинного. Итак, он говорил, что сирский язык выразительнее и, по сродству с еврейским, несколько ближе подходит к смыслу Писания. Разумение же сего речения таково: слово **носился**, как говорит он, в переводе употреблено вместо слова **согревал** и **оживотворял** водное естество, по подобию птицы, насиживающей яйца и сообщающей нагреваемому какую-то живительную силу. Подобная сей мысль, говорят, означает сим словом и в настоящем месте. Дух **носился**, то есть приготавливал водное естество к рождению живых тварей. Таким образом, из сего достаточно объясняется предлагаемый иными вопрос: без действия ли оставался Дух Святой в деле творения?

И сказал Бог: да будет свет (Быт. 1, 3). Первое Божие слово создало природу света, разогнало тьму, рассеяло уныние, обвеселило мир, всему дало вдруг привлекательный и приятный вид. Явилось небо, покрытое дотоле тьмою, открылась красота его в такой мере, в какой еще и ныне свидетельствуют о ней взоры. Озарился воздух, лучше же сказать, в целом объеме растворил все количество света, повсюду, до самых своих пределов, распространяя быструю передачу лучей; ибо вверх простирался он до самого эфира и неба, а в широту все часта мира - северные и южные, восточные и западные - освещал в быстрое мгновение времени. Такова природа воздуха: она тонка и прозрачна, и потому проходящий чрез него свет не имеет нужды ни в каком временном протяжении. Как не во времени переносит он зрение наше к видимым предметам, так и приливы света во все свои пределы приемлет мгновенно, в сравнении с чем нельзя и мысленно представить кратчайшего мига времени. И эфир стал приятнее при свете: воды сделались светлее, не только принимая в себя лучи, но и испуская их от себя чрез отражение света, потому что вода во все стороны отбрасывала отблески. Божиим словом все изменено в приятнейший и честнейший вид. Как пускающие в глубину масло производят на том месте блеск, так и Творец всяческих, изрекши слово Свое, мгновенно вложил в мир благодать света. **Да будет свет**. И повеление стало делом: произошло естество, приятнее которого к наслаждению невозможно ничего и представить человеческим разумом.

Когда же приписываем Богу глас, речь и повеление, тогда под Божиим словом не разумеем звука, издаваемого словесными органами, и воздуха, приводимого в сотрясение посредством языка, но, для большей ясности учащимся, хотим в виде повеления изобразить самое мановение в воле.

И увидел Бог свет, что он хорош (Быт. 1, 4). Можем ли мы сказать что-нибудь достаточное в похвалу света, когда он предварительно имеет о себе свидетельство Сотворившего: **что он хорош**? И в наших делах разум предоставляет судить глазам, когда не может ничего сказать с такою же силою, с какою предварительно свидетельствует

чувство. Но если красота тела состоит во взаимной соразмерности частей и в наружной доброцветности, то как понятие красоты удерживает место в свете, который по природе прост и однороден? Не потому ли, что свету приписывается соразмерность не в отношении к собственным его частям, но в отношении к неболезненному и приятному действию на зрение? Так и золото прекрасно, хотя имеет привлекательность для взора и приятность не по соразмерности частей, но по одной доброцветности. И вечерняя звезда прекраснее всех звезд не потому, что соразмерны части, из которых она состоит, но потому, что лучи ее падают на глаза, не производя никакого болезненного ощущения и с приятностью. Сверх того Бог произносит теперь суд о красоте, без сомнения не имея в виду приятности для зрения, но предусматривая пользу света впоследствии, потому что глаза не судили еще о красоте света.

И отделил Бог свет от тьмы, то есть Бог соделал природу их несоединимую и совершенно противоположную, потому что удалил их друг от друга и отделил великою средою.

И назвал Бог свет днем, а тьму ночью (Быт. 1, 5). Ныне, по сотворении уже солнца, день есть освещение воздуха солнцем, которое сияет в полушарии, лежащем над землею, а ночь - покрытие земли тенью, когда сокрывается солнце. Но тогда, не по солнечному движению, но потому что первобытный оный свет, в определенной Богом мере, то разливался, то опять сжимался, происходил день и следовала ночь.

И был вечер, и было утро: день един. Вечер есть общий предел дня и ночи; подобным образом и утро есть смежность ночи со днем. Посему, чтобы старейшинство бытия приписать дню, Моисей сперва наименовал конец дня, а потом конец ночи, так как ночь следует за днем. Ибо состояние в мире, предшествовавшее сотворению света, было не ночь, но тьма, а что стало отлично от дня, то названо ночью; сему и наименование дано после дня.

Итак, **был вечер, и было утро.** Пророк понимает продолжение дня и ночи, но не наименовал дня и ночи, а дал наименование только превосходнейшему. Тот же обычай найдешь и во всем Писании: при измерении времени счисляются дни, а не вместе и ночи со днями. **Дней лет наших,** говорит Псалмопевец (Пс. 89, 10). И Иаков также говорит: **дней странствования моего сто тридцать лет; малы и несчастны дни жизни моей** (Быт. 47, 9). И еще сказано: **все дни жизни моей** (Пс. 22, 6). Таким образом, преданное ныне в виде истории служит законом и для последующего.

И был вечер, и было утро, день един. Почему назван не первым, но единым? Хотя намеревающемуся говорить о втором, и о третьем, и четвертом днях было бы приличнее наименовать первым тот день, с которого начинаются последующие, однако же он назвал единым. Или определяет сим меру дня и ночи и совокупляет в одно суточное время, потому что двадцать четыре часа наполняют продолжение одного дня, если под днем подразумевать и ночь. Почему, хотя при поворотах солнца случается, что день и ночь друг друга превосходят, однако же продолжение дня и ночи всегда ограничивается одним определенным временем. И Моисей как бы так сказал: мера двадцати четырех часов есть продолжение одного дня, или возвращение неба от одного знака к тому же опять знаку совершается в один день. Почему всякий раз как от солнечного обращения наступают в мире вечер и утро, период сей совершается не в большое время, но в продолжение одного дня. Или главное сему основание скрывается в таинственном знаменовании, именно, что Бог, устроив природу времени, мерою и знаменами оного положил продолжения дней и, измеряя время седмицею, повелевает, чтобы седмица, исчисляющая движение времени, всегда круговращалась сама на себя, а также и седмицу наполнял один день, семикратно сам на себя возвращающийся. А образ круга таков, что сам он с себя начинается и сам в себе оканчивается. Конечно же, и век имеет то отличительное свойство, что сам на себя возвращается и нигде не оканчивается. Потому Моисей главу времени назвал не первым, но единым днем, чтобы день сей по самому наименованию имел сродство с веком. И он, как обнаруживающий в себе признак одинокости и несообщимости с чем-либо другим, в собственном смысле и прилично наименован единым. Хотя Писание представляет нам многие веки, часто говоря: век века и веки веков, однако в нем не перечисляются ни первый, ни второй, ни третий век, чтобы из этого были нам видны более различия состояний и

разнообразных вещей, нежели ограничения, окончания и преемство веков. Ибо сказано: **велик день Господень и светел** (Иоиш. 2, 11). И еще: **для чего вам этот день Господень? он тьма, а не свет** (Ам. 5, 18), - тьма же, очевидно, для достойных тьмы. Ибо по нашему учению известен и тот невечерний, не имеющий преемства и нескончаемый день, который у Псалмопевца наименован **осьмым** (Пс. 6, 1), потому что он находится вне сего седмичного времени. Посему назовешь ли его днем или веком, выразишь одно и то же понятие; скажешь ли, что это день или что это состояние, всегда он один, а не многие; назовешь ли веком, он будет единственный, а не многократный. Посему и Моисей, чтобы вознести мысль к будущей жизни, наименовал единым сей образ века, сей начаток дней, сей современный свету, святой Господень день, прославленный воскресением Господа. Потому и говорит: **был вечер, и было утро, день един.**

Но рассуждения об одном вечере, застигнутые настоящим вечером, здесь полагают конец нашему слову. Отец истинного света, украсивший светом небесным, просветливший ночь блеском огня, предуготовавший упокоение будущего века в духовном и непрекращающемся свете, да просветит сердца ваши в познании истины и да соблюдет жизнь вашу непреткновенною, даровав вам **как днем, будем вести себя благочинно** (Рим. 13, 13), чтобы воссиять подобно солнцу во светлости святых, в мое похваление, в день Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Примечания:

[1] То есть слово: *тьма*.

[2] Дуцей советует здесь читать: *внешнее от внутреннего*, согласно с Феодоритом, который в вопросе 6-м на книгу Бытия заимствует все сие место у св. Василия.

Беседа 3. О тверди

Дела первого дня, лучше же сказать (не будем отнимать у него естественного преимущества, какое получил он от Создателя, будучи произведен особенно и не включен в один разряд с другими днями), дела единого дня, именно то, что произведено в оный, изобразило слово вчера и, преподав толкование слушателям, составило для душ как утреннее препитание, так и вечернее веселие; а теперь переходим к чудесам второго дня. Говорю же так, приписывая это не силе толкователя, но изяществу Писания, потому что оно естественным образом нравится, привлекательно и вожделенно для всякого сердца, предпочитающего истинное правдоподобному. Так и Псалмопевец, весьма выразительно изображая усладительность истины, говорит: **как сладки гортани моей слова Твои: лучше меда устам моим** (Пс. 118, 103). Почему, увеселив вчера души ваши, по мере возможности, собеседованием о словесах Божиих, опять собрались мы ныне - на другой день, чтобы обозреть чудеса дел второго дня.

Но не сокрыто от меня и то, что среди нас стоят многие ремесленники, которые, занимаясь художествами рукодельными, с трудом добывают себе пропитание дневною работою: и они-то обсекают у меня слово, чтобы не надолго отвлекаться от работы. Что же скажу им? То, что часть времени, данная взаим Богу, не пропадает, но вознаграждается Им с великим прибытком. Ибо все те обстоятельства, которые способствуют к делу, благоустроит Господь предпочитающим духовное, подав в делах их и крепость тела, и усердие души, и удобство к сбыту работ, и благоуспешность в целой жизни. Но хотя бы в настоящей жизни плоды трудов наших и не соответствовали надеждам, по крайней мере, для последующего века доброе сокровище - учение Духа. Посему отложи из сердца всякое житейское попечение и весь соберись теперь сам в себя. Ибо мало пользы, если телом ты здесь, а сердце твое занято земным сокровищем.

И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды (Быт. 1, 6). И вчера уже слышали мы слова Божии: **да будет свет**, и ныне слышим: **да будет твердь**. Но в настоящем случае они, по-видимому, заключают в себе нечто большее; потому

что слово не ограничилось простым повелением, но определило и причину, по которой требуется устройство тверди. Сказано: *да отделяет она воду от воды*.

Остановившись на первом, спрашиваем: как говорит Бог? Так же ли, как и мы, то есть сперва в мысли рождается образ предметов, потом, по представлении их, избрав значения, свойственные и соответственные каждому предмету, Он излагает, а потом, передав мыслимое на производство словесных органов, таким уже образом, чрез сотрясение воздуха, нужное к членораздельному движению голоса, делает ясною тайную Свою мысль? И не походит ли на басню утверждать, что Богу нужно столько околичностей для обнаружения Своей мысли? Или благочестивее будет сказать, что Божие хотение и первое устремление мысленного движения есть уже Божие слово? Писание же изображает Бога многословно, дабы показать, что Он не только восхотел бытия твари, но и привел ее в бытие чрез некоего Содейственника. Как сказало оно в начале, так могло бы выразиться и обо всем; сказав: *в начале сотворил Бог небо и землю*, потом могло бы сказать: *сотворил свет*, а потом: *сотворил твердь*. Но теперь, представляя Бога повелевающим и разглагольствующим, самым умолчанием указывает на того, кому Бог повелевает и с кем разглагольствует, нимало не скупясь в сообщении нам ведения, но распаляя в нас желание тем, что набрасывает некоторые следы и указания Неизреченного. Ибо приобретенное с трудом и с радостью приемлется, и тщательно соблюдается. А где приобретете удобно, там и обладание не важно. Посему Писание как бы окольную дорогою и постепенно приближает нас к мысли об Единородном.

Но для естества бестелесного и в этом случае не было нужды в слове, произносимом посредством голоса, потому что Содействующему самые мысли могли быть переданы. Ибо какая нужда в слове тем, которые могут друг другу сообщать изволения свои мысленно? Голос для слуха и слух по причине голоса. А где нет ни воздуха, ни языка, ни уха, ни извилого прохода, который бы переносил звуки к сочувствию в голове, там не нужны речения, но передаются самые, как сказал бы иной, сердечные помышления воли. Посему, как замечено, для того чтобы возбудить ум наш к исследованиям о Лице, к Которому изречены слова, премудро и искусно употреблен этот образ разглагольствия.

Во-вторых, должно исследовать, иное ли что отличное от неба, сотворенного в начале, эта твердь, которая и сама называется небом, и точно ли два неба?

Любомудрствовавшие о небе согласились бы лучше лишиться языка, нежели признать сие истинным. Ибо они предполагают, что небо одно, и что нет естества, из которого могло бы произойти второе, третье, и так далее, небо; потому что вся сущность небесного тела, как они думают, издержана на составление одного неба. И круговращающееся тело, говорят они, одно и притом ограничено: если же оно употреблено на первое небо, то ничего не остается к происхождению второго и третьего неба. Так представляют себе те, которые, кроме Создателя, вводят несотворенное вещество и, сложив первую басню, увлекаются к последующей лжи.

Но мы просим эллинских мудрецов не смеяться над нами, пока они не кончат между собою своих споров. Ибо есть между ними и такие, которые говорят, что небес и миров бесчисленное множество. Но когда изобличат они невероятность последнего мнения, употребив самые сильные доводы, и с геометрическою неизбежностью докажут, что по природе невозможно быть другому небу, кроме одного, тогда особенно посмеемся над их чертежною мудростью и ученым пустословием, если только они, видя, что от одинаковой причины происходят и один пузырь и многие пузыри, при всем том сомневаются касательно многих небес, достаточно ли зиждительной силы к проведению их в бытие. Ибо думаем, что крепость и величие небес немного превосходят эту влагу, в виде пустого шара надувшуюся в родниках, если обращено будет внимание на превосходство Божия могущества. Так смешно их понятие о невозможном! А мы столь далеки от мысли не верить второму небу, что взыскуем и третьего неба, видеть которое удостоен был блаженный Павел (2 Кор. 12, 2). Псалом же, наименоывая *небеса небес* (Пс. 148, 4), подал мне мысль и о большем числе небес.

И это нисколько не страннее тех семи кругов, по которым, как все почти согласно признают, вращаются семь звезд и которые, как говорят, приравнены друг к другу наподобие кадей, одна в другую вложенных, и, двигаясь противоположно вселенной, по причине рассеиваемого ими эфира, издают какой-то благозвучный и гармонический голос, который превосходит всякую приятность сладкопения. Потом, когда у говорящих это требуют чувственного удостоверения, что отвечают они? То, что мы по первоначальной привычке к сему звуку и, прислушавшись к нему с первого мгновения бытия, от долговременного упражнения в слушании потеряли ощущение, подобно людям, у которых уши постоянно бывают поражаемы стуком в кузницах. Обличать ухищренность и гнилость таких рассуждений, когда это ясно показывает каждому собственный его слух, не дело человека, который умеет беречь время и предполагает слушателей людьми разумными.

Но внешние учения оставляя внешним, возвратимся к учению церковному. Некоторыми прежде нас сказано, что это не творение второго неба, но полнейшее повествование о первом небе; потому что там описывается вообще творение неба и земли, а здесь Писание передает нам, как происходили и небо и земля окончательным образом. Но мы говорим, что поелику передано нам и другое имя и особенное назначение второго неба, то оно отлично от сотворенного в начале, имеет естество более плотное и служит во вселенной для особенного употребления.

И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды... И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью (Быт. 1, 6-7).

Прежде нежели коснемся смысла написанного, попытаемся решить возражение, как делают другие. Ибо спрашивают у нас: если тело тверди шарообразно, как показывает зрение, а вода текуча и скатывается с возвышенностей, то как было возможно утвердиться воде на кривой окружности тверди? Что будет отвечать на сие? - То особенно, что ежели видим какую вещь с внутренней вогнутости кругообразною, нет еще необходимости заключать, что и внешняя ее поверхность сделана шаровидно, вся выточена на станке и гладко выведена. Иногда видим каменные потолки в банях и постройку пещеровидных зданий, которые, если смотреть изнутри, выведены полукружием, а сверху строения имеют часто ровную поверхность. Посему ради таких причин не должны и сами они затрудняться в деле, и нас затруднять, как будто не можем удержать воды вверху.

Теперь следует сказать, какое естество имеет твердь, и для чего повелено ей занимать средину между водою.

Наименование тверди в Писании обыкновенно дается тому, что имеет превосходную крепость; например, когда говорится: ***Господь - твердыня моя и прибежище мое*** (Пс. 17, 3); и: ***Я утвержу столпы ее*** (Пс. 74, 4); и: ***хвалите Его на тверди силы Его*** (Пс. 150, 1). А писатели внешние называют твердым тело как бы плотное и наполненное, в отличие от тела геометрического. Геометрическое же тело есть то, которое состоит в одних измерениях, то есть в широте, глубине [1] и высоте; между тем как твердое тело сверх измерений имеет и упорство. Но в Писании обыкновенно, что имеет силу и неуступчиво, то называется твердью; так, часто употребляется сие слово и о сгустившемся воздухе, например, когда говорится: ***утверждающий гром*** (Ам. 4, 13). Ибо твердость и упорство духа, заключенного в полостях облаков и усиленным исторжением производящего громовой треск, Писание наименовало утверждением грома.

Посему думаем, что и теперь употреблено сие слово о каком-нибудь твердом естестве, достаточном к удержанию воды, которая удобно скатывается и разливается. Но на том основании, что, по общепринятому мнению, твердь представляется происшедшею из воды, не следует еще почитать ее подобною или отвердевшей воде, или такому веществу, которое получает начало чрез процеживание влаги, как например, камень кристалл, который, как сказывают, превращается из воды вследствие чрезвычайного ее отвердения, или слюда, образующаяся между металлами; а это такой прозрачный камень, имеющий преимущественно ему свойственный и самый ясный блеск, что если найден в чистом своем виде, не источен какою-нибудь гниlostью и не наполнен внутри трещинами, то

прозрачностью подобен почти воздуху. Посему мы не уподобляем тверди ничему такому. Ибо, конечно, детскому и простому разуму свойственно иметь такие понятия о небесном. А также, хотя и все находится во всем: огонь в земле, воздух в воде, и прочие стихии одна в другой, так что из стихий, подпадающих чувствам, ни одна не бывает в чистом состоянии и не в сообщении с чем-нибудь или средним или противоположным, однако же не осмеливаемся поэтому утверждать, что твердь состоит или из одного простого вещества, или из смешения простых веществ; ибо мы научены Писанием не давать себе свободы представлять умом что-либо, кроме дозволенного.

Но не оставим без замечания и следующего. После того как Бог повелел: *да будет твердь*, сказано не просто: *и стала твердь*; но: *и создал Бог твердь*, и еще: *отделил воду*. Пусть глухие слышат и слепые прозрят! И кто же глух, кроме не слышащего, когда столь громогласно вопиет Дух? И кто слеп, кроме не видящего столь ясных доказательств об Единородном? *Да будет твердь*, - это вещание первоначальной Вины! *Создал Бог твердь*, - это свидетельство о Силе творческой и зиждительной!

Но обратим слово к продолжению толкования. - Сказано: *и отделил воду, которая под твердь, от воды, которая над твердь*. Разлитие вод было беспредельно; как, вероятно, они со всех сторон омывали собою землю и возвышались над нею, так что, по-видимому, выходили из соразмерности с прочими стихиями. Посему-то выше было сказано, что бездна отовсюду облегалась собою землю.

Причину такого множества воды покажем впоследствии. Между тем, конечно, никто из вас, хотя он много работал умом и хорошо проник во все, что касается до сего тленного и текущего естества, никто, говорю, не нападает на сию мысль, будто бы мы вопреки разуму предполагаем что-нибудь невозможное и вымышленное, и не потребует от нас изысканий о том, на чем было утверждено водное естество. На каком основании говорят, что земля, которая тяжелее воды, висит посредине и удалена от краев, на том же основании должны, без сомнения, согласиться, что и это необъятное количество воды, по естественному стремлению книзу и по причине равного тяготения во все стороны, держалось около земли. Таким образом, водное естество в безмерном множестве было разлито вокруг земли, не в соразмерности с нею, но во много крат превосходило ее; ибо так из начала предусматривал будущее великий Художник и в первых распоряжениях соображался с последующею потребностью.

Какая же была потребность в том, чтобы вода избыточествовала в такой чрезмерности? Во вселенной необходима огненная сущность, не только для благоустройства земных вещей, но и для восполнения вселенной. Целое было бы не полно при недостатке самой важной и благопотребной из всех стихий. Но огонь и вода противоположны между собою и друг для друга разрушительны, именно: огонь для воды, когда преодолевает ее силою, и вода для огня, когда превосходить его множеством. А надобно было, чтобы и между ними не происходило мятежа, и совершенное оскудение того или другого из них не послужило к разрушению вселенной. Посему-то Домостроитель вселенной приуготовил важное естество в такой мере, чтобы оно, постепенно истребляемое силою огня, пребывало во все то время, какое назначено стоять миру. А Расположивший все весом и мерою (ибо по слову Иова: *изочтены же Ему суть капли дождевныя*, - Иов 36, 27) знал, сколько времени определить пребыванию мира и сколько нужно приготовить пищи огню. Такова причина преизбытка воды во время творения!

А что касается до необходимости огня в мире, то нет человека, столько не знакомого с нуждами жизни, чтобы потребовал о сем учении разума. Не только огненного содействия требуют все искусства, служащие к поддержанию нашей жизни (разумею: ткацкое, кожевное, строительное и земледелие), но даже и произрастание деревьев, и созревание плодов, и рождение животных земных и водных, и также все, служащее к их питанию, или в начале не состоялось бы, или со временем не могло бы продолжаться, если бы не было теплоты.

Посему, как необходимо было создание теплоты для образования и пребывания всего рождающегося, так необходимо было и обилие влаги по причине непрестанного и неизбежного истребления ее огнем. Обозри все твари и увидишь, что сила теплоты

владевает во всем рождающемся и разрушающемся. Для сего и множество воды, которое разлито по земле, поднято выше видимого тобою, и также рассеяно во всех земных глубинах. От сего неоскудеваемость родников, скопление воды в колодцах, течения рек и не пересыхающих, и образующихся во время дождей, по причине соблюдаемой влажности во многих и различных хранилищах. С востока [2], от зимних поворотов течет река Инд; это, как повествуют описатели окружностей земли, самая большая водотечь из всех речных вод. С среднего же востока текут Бактр, Хоасп и Аракс, от которого отделившийся Танаис вливается в Меотийское озеро. Кроме сих, Фазис, вытекающий из Кавказских гор, и множество других рек от северных стран стремятся в Эвксинский Понт. А от летнего запада из-под горы Пиринейской выходят Тартис и Истр, из которых первый впадает в море за Столпами, а Истр, протекая чрез Европу, вливается в Понт. И к чему перечислять другие реки, порождаемые Рифейскими горами, лежащими за внутреннейшей Скифией? В числе их находится Родан и множество других рек даже судоходных, которые все, омывши страны западных галатов, кельтов и соседственных с ними варваров, вливаются в западное море. Другие реки текут с полудня из верхних стран чрез Эфиопию, и одни входят в наше море, а другие вливаются в море, неизвестное мореходцам. Таковы: Егон, Низис, так называемый Хреметис, и сверх того Нил, который не походит даже на реку, когда, подобно морю, наводняет Египет. Так, вся часть населенной нами земли объемлетя водою, окружаемая необъятными морями и орошаемая тысячами непересыхающих рек, по неизреченной премудрости Предустроившего, чтобы естество, противоборствующее огню, было неудобоистребимо. Но настанет время, когда все будет иссушено огнем, как говорит Исаия, обращая речь к Богу всяческих: **Который бездне говорит: "иссохни!" и реки твои Я иссушу** (Ис. 44, 27). Посему, отринув объюродевшую мудрость, вместе с нами прими учение истины, хотя и не ученое по слову, но непогрешительное в познании.

Посему **да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды**. Сказано, что значит в Писании наименование: **твердь**, а именно: не естество упорное, твердое, имеющее тяжесть и сопротивление, называет оно твердию (в таком случае, в более собственном смысле принадлежало бы сие именованье земле), - напротив того, поелику все, лежащее выше, по природе своей тонко, редко и для чувства неуловимо, то в сравнении с сим тончайшим и неуловимым для чувства она названа твердию. И ты представь себе какое-то место, в котором отделяются влаги, и тонкая процеженная влага пропускается вверх, а грубая и землянистая отлагается вниз, чтобы, при постепенном истреблении влажностей, от начала до конца сохранялось то же благорастворение.

Но ты не веришь множеству воды, а не обращаешь внимания на множество теплоты, которая и в малом количестве имеет силу истреблять много влажности. Ибо она притягивает влагу, подверженную ее действию, как видно в рожке, всасывающем кровь; притянутую же влагу истребляет, подобно огню в светильнике, который всасываемое посредством светильни горючее вещество тотчас, по изменении его, сожигает. Кто же сомневается об эфире, что он не огнен и не в раскаленном состоянии? Если бы Творец не сдерживал его необходимым законом, что воспрепятствовало бы ему, воспламеняя и сожигая все приближающееся, истребить вдруг всю влажность, какая есть в существах? Посему-то, чтобы не обхватил всего раскаляющий все эфир, есть воздушная вода, и она образуется чрез увлажнение горних мест поднимающимися парами, какие дают из себя реки, источники, болота, озера и все моря.

Видим, что и это солнце летом, в самое короткое продолжение времени, страну часто влажную и болотистую делает сухою и совершенно безвлажною. Где же эта вода? Пусть покажут нам знатоки всего. Не всякому ли известно, что она поглощена, раздробленная теплотою солнечною? Но они говорят, что солнце не имеет даже теплоты. Так у них на все готово слово. И смотрите, на какой опираясь довод, доходят они до очевидности. Говорят: поелику солнце цветом бело, а не красно и не желто, то посему самому, по природе своей, оно не огненное, теплота же его происходит от скорого обращения. Что же думают приобрести себе из этого? - Доказать, что солнце не истребляет влажности. А я, хотя сказанное и несправедливо, не отвергаю сего потому, что оно служит к подтверждению моего слова. Ибо сказано было, что множество вод нужно по причине истребления их

теплотой. Но нет разности - быть ли теплым по природе своей или стать раскаленным вследствие какого-либо видоизменения, для произведения тех же перемен в тех же веществах. Если деревья, приведенные во взаимное трение, возжигают огонь и дают пламень, или если они загораются от возженного пламени, - в обоих случаях конец бывает равный и сходный. Но мы видим, что великая премудрость Правителя вселенной переводит солнце из одного места в другое, чтобы оно, оставаясь всегда в одном месте, не расстраивало порядка избытком теплоты. Напротив того, во время зимнего поворота, уводит солнце в южную часть неба, потом перемещает в равноденственные знаки, и оттуда, во время летнего поворота, ведет на север; так что, чрез постепенное переходящее солнце соблюдается на земной окружности благорастворение. И пусть рассудят, не противоречат ли сами себе те, которые говорят, что море не прибывает от рек по причине убыли, производимой солнцем, и что сверх того оно остается соленым и горьким вследствие поглощения теплотой всего тонкого и годного к питию, что опять производится по большей части посредством отделения влаги солнцем, которое, похищая легкое, оставляет грубое и землянистое, как некоторую тину и отсед, отчего вода в море получает горький, соленый и жгучий вкус. И те же, которые утверждают сие о море, переменяя свое мнение, говорят, что никакого уменьшения во влаге не производится солнцем.

И назвал Бог твердь небом (Быт. 1, 8). Хотя название сие собственно приличествует другому, но и твердь, по подобию, приемлет то же наименование. Примечаем же, что небом называется часто видимое пространство, - по причине густоты и непрерывности воздуха, который ясно подлечит нашим взорам, и, как видимый, получает наименование неба; например, когда говорится: **птиц небесных** (Пс. 8, 9), и еще: **полетят... по тверди небесной** (Быт. 1, 20). Подобно сему выражение: **восходят до небес** (Пс. 106, 26). И Моисей, благословляя колена Иосифово, дает благословения **вождеденными дарами неба, росой и дарами бездны... вождеденными плодами солнца и вождеденными произведениями луны, превосходнейшими произведениями гор древних и вождеденными дарами холмов вечных** (Втор. 33, 13-15); потому что, при благоустройстве всего этого, углубляется окружность земли. Но и в проклятиях Израилю сказано: **и небеса твои, которые над головою твоею, сделаются медью** (Втор. 28, 23). Что сие означает? Совершенную сухость и оскудение воздушных вод, которыми земле сообщается плодородие.

Посему, когда говорится, что роса или дождь приносится с неба, тогда представляем в уме те воды, которым назначено занимать горную страну. Ибо если испарения собрались в высоте и сгнетаемый ветрами воздух сгустился, то, как скоро парообразно и в тонких частицах рассеянные дотоле по облаку влаги между собою сблизятся, тотчас образуются капли, тяжестью соединившихся частиц влекомые книзу - и таково происхождение дождя. Когда же влага, раздробленная стремительностью ветров, обратится в пену, потом, до крайности охлажденная в целом своем объеме, замерзнет, тогда, по расторжении облака, падает вниз снег. И вообще, таким же образом можешь ты рассмотреть все влажное естество, составившееся в воздухе над нашими головами.

Но простоту и неприуготовленность духовного учения никто да не сравнивает с пытливостью любомудрствовавших о небе. Сколько красота в женах целомудренных предпочтительнее красоты любодейной, столько же разности между нашими учениями и учениями внешних. Ибо внешние вводят в учения натянутое правдоподобие; а здесь предлагается истина, обнаженная от всяких измышлений ума. И нужно ли нам трудиться над обличением их лжи? Не довольно ли и того, чтобы, сличив между собою собственные их книги, в совершенном покое оставаться зрителями их борьбы? Ибо и числом не меньше и достоинством не ниже, а по многословию гораздо еще преимущественнее защитники противного сим учения, которые утверждают, что вселенная сгорает и опять оживотворяется из семенных начал, какие остаются по перегорении. Отсюда производят они бесчисленное множество разрушений и обновлений. Так, в ту и другую сторону уклоняясь от истины, и здесь и там находят себе новые стези к заблуждению!

Но нам о разделенных водах нужно сказать одно слово тем церковным толковникам, которые под видом применения и возвышенных размышлений прибегли к иносказаниям,

утверждая, что под водами, в переносном смысле, понимаются духовные и бесплотные силы, и что вверху, над твердью, силы совершенные, а внизу, в местах надземных, наполненных грубейшим веществом, удержались силы лукавые [3]. Посему-то, рассуждают они, и воды, **которые превыше небес** (Пс. 148, 4), хвалят Бога, то есть добрые силы, по чистоте владычественного в них, достойны воздавать Творцу подобающую хвалу. А воды, которые ниже небес, суть духи лукавые, с естественной своей высоты ниспавшие во глубину повреждения; и они-то, как беспокойные и мятежные, волнующие бурями страстей, и именуется морем по удобоизменяемости и непостоянству движений воли.

Отринув подобные сим учения как толкование снов и басни старых женщин, мы под водою будем разуметь воду, и разделение, произведенное твердью, будем принимать сообразно с изложенною выше причиною. Хотя к славословию общего всех Владыки приобщаются иногда и воды, **которые превыше небес**, однако же на сем основании не признаем их разумною природою. Ибо **небеса** неодушевлены, когда **проповедуют славу Божию**, и **твердь** - не животное, одаренное чувством, когда **и о делах рук Его вещает твердь** (Пс. 18, 2). Если кто скажет, что небо означает силы созерцательные, и твердь - силы деятельные, приводящие в исполнение, что прилично, то принимаем сие как остроумное слово, но не согласимся вполне, чтобы оно было истинно. Иначе **и роса, и иней, и холод, и зной**, которым у Даниила (3, 64-72) повелевается хвалить Зиждителя всяческих, будут природы умные и невидимые. Напротив того, и в сих творениях людьми, имеющими ум, созерцательно постигнутый закон служит восполнением к славословию Творца; ибо не только вода, которая выше небес, как удостоенная преимущественной чести по превосходству своих совершенств, приносит хвалу Богу, но сказано: **хвалите Господа от земли, великие рыбы и все бездны** (Пс. 148, 7). Посему и бездна, которую иносказательно толкующие причислили к худшей части - и она у Псалмопевца не признана достойною отвержения, но включена в общее ликостояние твари, и она, по вложенным в нее законам, стройно возносит песнопение Творцу.

И увидел Бог, что это хорошо (Быт. 1, 8). Созидаемое Богом не очам Божиим доставляет приятность; и одобрение красоты у Бога не таково, как у нас. Для Него прекрасно то, что совершенно по закону искусства и направлено к благопотребному концу. Посему-то Предположивший явственную цель созидаемого одобрял творимое по частям, сообразуясь со Своими художественными законами, поколику оно служило к достижению конца. Когда рука лежит сама по себе, а глаз особо, и каждый член статуи положен отдельно, тогда не для всякого покажутся они прекрасными. А если все поставлено на своем месте, то красота соразмерности, часто и с первого взгляда, усматривается даже невеждою. Но художник и прежде сложения знает красоту каждой части и хвалит ее отдельно, возводя мысль свою к концу. Подобным художником, одобряющим каждое свое произведение порознь, изображается теперь и Бог. Но Он воспишет приличную похвалу и целому миру вместе взятому, когда будет он совершен.

Сим да прекратится у нас слово о втором дне, чтобы трудолюбивым слушателям осталось времени исследовать слышанное, и что полезно, то удержать в памяти, и посредством тщательного размышления, как бы посредством некоторого переваривания, приуготовить к изнесению из себя служащего на пользу; и чтобы снискивающим пропитание трудами иметь досуг кончить свои попечения в остающееся свободным время и с душою, чистою от забот, придти на вечерний пир слова.

Бог же, создавший великое и устроивший, чтобы сказано было сие маловажное, да даст вам во всем разумение истины Его, чтобы вы из видимого познавали невидимое, из величия и красоты тварей собирали подобающее понятие о Сотворшем нас. **Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны** (Рим. 1, 20). Да даст нам и в земле, и в воздухе, и в небе, и в воде, и в ночи и во дне, и во всем видимом собирать ясные напоминания о Благодетеле. Ибо не оставим никакого времени грехам, не уступим места врагу в сердцах своих, если чрез непрестанное памятование будем вселять в себе Бога, Которому всякая слава и поклонение, ныне и всегда, и во веки веков. Аминь.

Примечания:

[1] Т.е. длине.

[2] Следующие за сим сведения о реках взяты св. Василием большею частью из Аристотеля.

[3] Иероним, в письме 61, приписывает сие мнение Оригену.

Беседа 4. О собрании вод

Есть города, в которых жители с глубокого утра до самого вечера насыщают взоры всякого рода представлениями чудесников, и сколько ни слушают каких-нибудь нескромных и неблагочестивых песен, от которых в душах необходимо зарождается много бесстыдства, однако не могут их наслушаться. Даже многие почитают таких людей счастливыми, потому что они, оставив торговлю на рынках или занятия искусствами, необходимыми для жизни, в праздности и забавах проводят определенное им время жизни, не зная, что позорище, обильное нескромными зрелищами, для присутствующих на нем служит общим и народным училищем распутства; и что самые стройные звуки свирелей и блуднические песни, напечатлевшись в душах слушателей, ни к иному чему побуждают всех, как только к бесчинству, к тому, чтобы подражать бряцаниям играющих на гусях или на свирели. А страстные охотники до конских ристалищ и во сне состязаются о конях, перепрыгают колесницы, переменяют возничих, и вообще даже в сонных мечтаниях не покидают дневного безумия. Итак, мы ли, которых Господь, великий Чудотворец и Художник, создал теперь, чтобы явить нам дела Свои, мы ли отяготимся созерцанием, или обленимся выслушать словеса Духа? Не обступим ли, напротив того, сию великую и полную разнообразия Художническую храмину Божия созидания и, востекши каждый своею мыслию ко временам давним, не будем ли рассматривать украшение вселенной? - Небо, по слову Пророка, поставленное *как шатер* (Ис. 40, 22); землю, при безмерной ее величине и тяжести, утвержденную на себе самой; воздух, разлитый, мягкий и по природе влажный, тварям дышащим доставляющий сродную им и всегдашнюю пищу, по мягкости своей уступающий телам движущимся и легко ими рассекаемый (так что нет от него никакого препятствия проторгающимся сквозь него, и он всегда удобно передвигается и переливается назад рассекших его тел); и естество воды, и питательной и на другие потребности приготовленной, также правильное ее собрание в определенные места, - все сие увидишь из прочтенного нам недавно.

И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. И собралась вода под небом в свои места, и явилась суша. И назвал Бог сушу землею, а собрания вод назвал морями (Быт. 1, 9-10). Сколько представлял ты мне затруднений в предыдущих беседах, требуя причины, почему земля была невидима, когда во всяком теле естественно есть цвет, а всякий цвет осязателен для зрения! И, может быть, тебе показалось неудовлетворительным сказанное, что земля названа невидимую не по природе, но относительно к нам, по причине заграждения водою, которая покрывала тогда всю землю. Вот слушай теперь, как Писание объясняет само себя. ***Да соберется вода... и да явится суша.*** Снимаются завесы, чтобы открылась земля, дотоле невидимая.

Но, может быть, иной сверх сего спросит еще и о следующем. Почему, во-первых, принадлежащее воде по природе, то есть силу стремиться вниз по скату, Писание приписывает повелению Зиждителя? Ибо вода, доколе стоит на ровном месте, - неподвижна, потому что некуда ей течь; а как скоро встретит какую-либо покатость, по немедленном устремлении передней части на место ее вступает непосредственно с нею соединенная, а на место сей последней - за нею следующая; и таким образом непрестанно предшествующая часть убегает, последующая же гонит ее. И стремление сие бывает тем быстрее, чем большую тяжесть имеет падающая вниз вода, и чем больше впадина, в которую сток. Если же таково свойство воды, напрасно дано ей повеление собраться ***в одно место***. Ибо вода

сама собою, по естественному стремлению вниз, неминуемо должна была стекать туда, где была наибольшая впадина, и не прежде остановиться, как по сравнении поверхности. Ибо ничто не бывает так плоско, как поверхность воды. А во-вторых, говорят: почему водам повелено собраться *в одно место*, когда видим многие моря, и притом отделенные одно от другого весьма большим пространством?

На первый из сих вопросов отвечаем, что тебе особенно известны стали движения воды после повеления Владыки. Теперь она везде растекается, непостоянна, по природе стремится в покатые и вогнутые места; но какую силу имела она прежде, нежели вследствие сего повеления произошло в ней такое стремление к движению, сего сам ты не знаешь и не мог слышать от какого-либо очевидца. Рассуди же, что глагол Божий творит самое естество, и повеление, данное тогда твари, определило порядок сотворенного и на последующее время. День и ночь созданы однажды, но с тех пор и доныне не перестают попеременно следовать друг за другом и делить время на равные части.

Да соберется вода. Водному естеству повелено течь, и по сему повелению, непрестанно поспешая, оно никогда не утомляется. Говорю же сие, имея в виду текущую часть вод. Ибо иные воды сами собою текут, например, родниковые и речные, а другие собраны в одно место и непроточны. Теперь же у меня слово о водах движущихся.

Да соберется вода... в одно место. Тебе, стоявшему при роднике, дающем обильную воду, не приходила ли когда-либо мысль спросить: кто гонит эту воду из недр земли? Кто заставляет ее спешить вперед? Каковы хранилища, из которых она выходит? Что за место, куда она поспешает? Почему и хранилища не оскудевают, и место стоков не наполняется? - Все сие зависит от первого Божия глагола: им дана воде сила течь. При всяком повествовании о водах, помни этот первый глагол: *да соберутся воды*. Им надлежало течь, чтобы занять свойственное им место, а потом, достигнув определенных мест, оставаться в своем положении и далее не поступать. Посему-то, как говорит Екклесиаст, *все реки текут в море, но море не переполняется* (1, 7); ибо, если воды текут, то сие по Божию повелению; и если море заключено внутри своих пределов, то сие есть следствие первого законоположения.

Да соберутся воды в собрание едино. Чтобы текучая вода, выливаясь из мест, принявших ее в себя, непрестанно переходя далее и далее и наполняя одно место за другим, не потопила постепенно всей твердой земли, повелено ей собраться в собрание едино. Посему-то море, нередко приводимое в ярость ветрами и на весьма большую высоту вздымающее волны, как скоро коснется берегов, отступает назад, истощив свою стремительность в одну пену. *Меня ли вы не убоитесь, говорит Господь... Я положил песок границею морю* (Иер. 5, 22)? Песком, который слабее всего, обуздывается невыносимое насилие моря. Ибо что воспрепятствовало бы Чермному морю наводнить собою весь Египет, который в сравнении с ним составляет впадину, и соединиться с морем, прилежащим к Египту, если бы оно не было связано повелением Создателя? А что Египет ниже Чермного моря, в этом самом деле уверили хотевшие соединить между собою сии моря - Египетское и Индийское, на котором и Чермное. По сей-то причине отказались от своего предприятия и египтянин Сестолис, который первый начал дело, и Дарий Мид, который хотел его докончить [1]. Это сказано мною, чтобы уразуметь нам силу повеления: *да соберутся воды в собрание едино*: то есть после сего собрания не должно быть другого, но в первом собрании будет оставаться собранное.

Потом Повелевший водам собираться *в собрание едино* показал тебе, что были многие воды, разделенные по многим местам. Ибо и впадины в горах, изрытые глубокими оврагами, имели в себе собрание вод. А также многие покатые равнины, не уступающие пространством самым великим морям, бесчисленное множество долин и лощины, образующие всякого рода впадины, которые все были тогда наполнены водами, вдруг опустели по Божественному повелению, как скоро вода устремила отовсюду в собрание едино. И никто не говори, что ежели вода была выше земли, то по необходимости и все впадины, которые теперь вместили в себя море, были уже наполнены водою. А следовательно, некуда было и собираться водам, по предварительном занятии водою сих впадин. На сие скажем, что в то же время, когда воде

надлежало отделиться в один состав, приуготовлены были и вместилища. Ибо не было еще моря за Гадесом, а также и того великого и страшного для пловцов, которое омывает Британский остров, и западных ибериян: но тогда, по повелению Божию, устроилось обширное вместилище, и в него стекло множество вод.

А на возражение, будто бы учение о нашем миротворении противоречит опыту (ибо, по-видимому, не в одно собрание вод стеклась вся вода), можно сказать многое, и это само по себе известно всякому. Да и едва ли и не смешно препираться с делающими подобные возражения. Неужели они укажут нам на болотные и от дождей собирающиеся воды, и будут думать, что сим опровергли наше учение? Но Творец наименовал собранием единым самое великое и полное сборище вод. Ибо и колодцы делаются рукотворенными собраниями вод, когда в углубление земли стекает рассеянная влага. Посему, словом **собрание** означает не какое-либо стечение вод, но преимущественное и наибольшее, в котором оказывается собранную целая стихия. Ибо, как огонь и раздроблен на мелкие части для здешних потреб, и в совокупности разлит в эфире; и как воздух и разделен по малым долям, и совокупно занял все надземное пространство - так должно разуметь и о воде. Хотя есть отдельные небольшие собрания вод, но **собрание**, отделяющее целую стихию от прочих стихий, только одно. Ибо и озера, какие находятся в странах северных, на пределах Греции, в Македонии, Вифинии и Палестине, конечно, суть собрания: но теперь у нас слово о **собрании** из всех наибольшим и по величине равняющемся земле. Никто не спорит, что в сих озерах много воды; но никто, однако же, не назовет их в подлинном смысле морями, несмотря на то, что некоторые, подобно великому морю, содержат в себе множество соли и земляных частиц, как например, Асфальтовое озеро в Иудее и Сирбоново между Египтом и Палестиною, простирающееся в Аравийскую пустыню. Это озера, а море одно, как повествуют путешествовавшие вокруг земли. Хотя некоторые полагают, что моря Гирканское и Каспийское заключены в особых пределах, но если сколько-нибудь достойны внимания землеописания повествователей, то и сии моря имеют между собою сообщения, и все вместе впадают в великое море, как и о Черном море говорят, что оно соединяется с морем, лежащим позади Гадеса [2].

Но скажут: почему же Бог собрания вод назвал морями? - Потому что, хотя воды стеклись **в собрание едино**, однако же и сборища вод, то есть заливы, которые имеют особенный вид свой, будучи заключены окружающею землею, Господь наименовал морями. Есть море Северное, море Южное, море Восточное, а также и Западное. Морям даются и собственные имена: Эвксинский Понт, Пропонтида, Гелленспонт; моря Эгейское, Ионическое, Сардийское, также Сицилийское и Тарренское. И имена морей бесчисленны, так что теперь перечислять их подробно было бы долго и неприлично. Посему-то Бог **собрания вод** назвал морями. Но хотя уже к этому привела нас связь речи, однако же, возвратимся к началу.

И сказал Бог: да соберется вода в собрание едино, и да явится суша. Не сказал: да явится земля, чтобы не показать ее еще неустроенною, грязною, смешанною с водою, не получившею свойственного ей образа и надлежащей силы, а вместе, чтобы причину осушения земли не приписали мы солнцу, Создатель произвел сухость земли до сотворения солнца. Вникни же в смысл написанного: не только излишек вод стек с земли, но даже вода, смешанная с землею во глубине, вышла из нее, повинувшись непреложному повелению Владыки.

И стало так. Сия прибавка достаточно показывает, что слово Создателя пришло в исполнение. Но во многих списках присовокупляется: **и собралась вода под небом, в свои места, и явилась суша**, - каковых слов не передали прочие толковники, да, кажется, и у евреев они не читаются. Ибо, действительно, по засвидетельствовании, что **стало так**, излишне повествование опять о том же. Почему в исправных списках слова сии отмечены чертами, а такая черта служит знаком исключения.

И назвал Бог сушу землею, и собрания вод назвал морями. Почему как выше сказано: **да соберется вода в собрание едино, и да явится суша**; а не написано: **и да явится земля**, так и здесь опять: **да явится суша; и назвал Бог сушу землею?** - Потому что суша есть

свойство, служащее как бы отличительным признаком природы предмета, а земля есть голое наименование сего предмета. Как разумность есть свойство человека, а слово человек означает самое животное, в котором есть сие свойство, так сухость есть свойство земли, и свойство преимущественное. Итак, в чем собственно есть сухость, то названо землею; подобно как то, чему собственно принадлежит способность ржать, названо конем.

И сие имеет не в одной только земле, но и каждая из прочих стихий имеет свойственное себе и исключительное качество, по которому отличается от прочих стихий и сама в себе познается, какова она. Вода собственным своим качеством имеет холодность, воздух - влажность, огонь - теплоту. Впрочем, и земля, и вода, и воздух, и огонь, только как первые стихии сложных вещей, представляются разуму с поименованными качествами; а когда они сопоставлены в теле и подлежат чувствам, тогда имеют уже сопряженные качества: и ничто видимое и чувствам подлежащее не бывает в отрешенном смысле одиноко, или просто, или чисто; напротив того, земля суха и холодна, вода влажна и холодна, воздух тепел и влажен, а огонь тепел и сух. Таким образом, вследствие сопряженного качества, происходит в стихиях возможность смешиваться каждой с каждою: ибо каждая стихия, вследствие общего качества, сорастворяется с смежною к ней стихиею, а вследствие общения в сродном, соединяется и с противоположною. Например, земля, будучи суха и холодна, соединяется с водою по сродству холодности, а через воду соединяется с воздухом, потому что вода, поставленная в середине между землею и воздухом, каждым из своих качеств, как бы наложением двух рук, соприкасается к той и другой из прилежащих к ней стихий, - холодностью к земле, а влажностью к воздуху. Опять, воздух через посредство свое делается примирителем враждебных природ воды и огня, вступая в единение влажности - с водою, а посредством теплоты - с огнем. А огонь, будучи по природе тепел и сух, посредством теплоты соединяется с воздухом, а посредством сухости входит опять в общение с землею. И таким образом составляется круг и стройный лик, по причине взаимного согласия и соответствия всех стихий. Почему весьма прилично дано им и название стихий [3].

Это сказал я, чтобы представить причину, почему Бог землю назвал сушею, а не сушу нарек землею. Именно сухость есть нечто не впоследствии приданное земле, но с самого начала восполнявшее ее сущность. А что служит одинаковою причиною бытия, то по природе первоначальнее привзошедшего после. Посему справедливо измышлены признаки, заимствованные от предсуществовавшего и старейшего.

И увидел Бог, что это хорошо. Писание показывает не то, что Богу открылся какой-то приятный вид моря. Ибо Творец не очами рассматривает красоту тварей, но с неизреченною премудростью созерцает происходящее. Усладительно, правда, зрелище - море белеющееся, когда царствует на нем постоянная тишина; усладительно также, когда хребет его, зыблемый тихими ветрами, представляется зрителям в пурпуровом или лазурном цвете, когда оно не ударяет сильно в смежную сушу, но как бы лобзает ее в мирных объятиях: однако не должно думать, чтобы, по словам Писания, и Богу в таком же смысле казалось море прекрасным и приятным; напротив того, в Писании красота определяется относительно к мирозданию.

Во-первых, морская вода служит источником всей земной влаги. Ибо она рассеяна по неприметным скважинам, как доказывают рыхлые места и пещеры в твердой земле, в которые проникает текучая морская вода. И когда бывает она заперта в кривых и не прямо идущих проходах, тогда, гонимая движущим ее духом, стремится наружу, проторгая поверхность, и делается годною к питию, чрез процеживание теряя горечь. Когда же во время перехода заимствует у металлов качество теплоты, тогда, по таковой же причине, заключающейся в движущем духе, делается она часто кипящею, даже огненною, что можно видеть на многих островах и во многих приморских странах. А если сравнивать малое с великим, иногда и в середине материка некоторые места, смежные с речными водами, терпят почти то же самое. К чему же я сказал это? К тому, что вся земля имеет в себе множество проходов, и чрез неприметные скважины из начал моря расходится по ней вода.

Итак, море прекрасно пред Богом, потому что влага из него идет по земным глубинам; оно прекрасно также и потому, что служит приемником рек, принимает в себя отовсюду потоки и не выступает из своих пределов. Прекрасно и потому, что служит началом и

источником воздушных вод, когда нагревается лучами солнечными, и отлагает от себя, посредством испарения, тонкие частицы воды, которые, будучи привлечены в горное пространство и потом охлаждены, как возвысившиеся далее нежели куда простираются лучи, отражаемые земною поверхностью, при возрастающем холоде, также и от тени облаков, делаются дождем и утучняют землю. И в этом, конечно, никто не усомнится, если представить себе поставленные на огонь котлы, которые, будучи наполнены влагою, нередко делаются пустыми, потому что все варимое в них разрешилось в пары. Можно еще видеть, как мореплаватели варят самую морскую воду и, собирая пары губками, в случае нужды удовлетворяют несколько свои потребности. Но море прекрасно пред Богом и в другом отношении, потому что ограничивает собою острова, и служит им вместе и украшением и ограждением; а еще и потому, что приводит собою в связь самые отдаленные друг от друга части твердой земли, доставляя беспрепятственное сообщение мореплавателям, чрез которых снабжает нас сведениями о неизвестном, обогащает купцов, удобно удовлетворяет нашим жизненным потребностям, доставляет возможность избилующим сбывать излишнее, а нуждающимся вознаграждать свои недостатки.

Но каким образом могу во всей подробности рассмотреть красоту моря, в какой явилось оно очам Творца? Если море прекрасно и достойно похвалы пред Богом, то не гораздо ли прекраснее собрание такой Церкви, в которой, подобно волне, ударяющейся в берег, совокупный глас мужей, жен и младенцев воссылается к Богу в наших к Нему молитвах? Глубокая тишина хранит ее неизблемою, потому что лукавые духи не возмogli возмутить ее еретическими учениями. Будьте же достойны благословения Господня, соблюдая сколько возможно благолепнее сие благочиние, о Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Примечания:

[1] Аристотель, в своей *Метеорологии* кн. I, гл. 14, говорит, что Сезострис первый из древних предпринял соединить сии моря, но нашел, что море выше земли. Это же впоследствии заставило и Дария прекратить работы.

[2] Здесь разумеется соединение Индийского, или Южного, океана с океаном Атлантическим, которое во времена Св. Василия, по неизвестности южных стран Африки, не было еще ясно доказано, а подлежало догадкам.

[3] От *στειχω*, чинно иду.

Беседа 5. О прозябениях земли

И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя по роду... и дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле (Быт. 1, 11). После того как земля, сложив с себя бремя воды, успокоилась весьма прилично, ей дано повеление произращать сперва траву, потом дерева, что, как видим, совершается еще и ныне. Ибо тогдашний глагол и первое оное повеление сделались как бы естественным некоторым законом и остались в земле и на последующие времена, сообщая ей силу рождать и приносить плоды.

Да произрастит земля. В происхождении растений первое есть появление ростка; потом, когда ростки несколько поднимутся, является былие [1]; а потом, увеличиваясь, оно делается травою, при постепенном развитии растения и приближении его к совершенству, то есть к осеменению. Ибо зеленение и созревание во всех одинаково.

Да произрастит земля зелень, траву. Земля сама собою должна произвести прозябение, не имея нужды ни в каком постороннем содействии. Поелику некоторые думают, что причина произрастающего из земли в солнце, которое притяжением теплоты извлекает на поверхность земли таящуюся в глубине силу, то земля украшается прежде солнца, чтобы заблуждающиеся перестали поклоняться солнцу и признавать, будто оно дает

причину жизни. Посему, если убедятся, что вся земля украшена до сотворения солнца, то уменьшат безмерное к нему удивление, рассудив, что оно по бытию позднее травы и зелени.

Но когда заготовлена была пища скотам, неужели мы одни оказались недостойными какого-либо промысления? Напротив того, Заготовивший корм волам и коням наипаче приуготовляет богатство и наслаждение для тебя. Ибо Питающий твой скот умножает тем твои жизненные запасы. Притом, самое произведение семян - что иное, как не запас для твоего продовольствия? Сверх того, многие травы и зелья сами по себе служат пищею людей.

Сказано: **да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя по роду**. Посему, хотя иной род травы полезен другим, но ее польза возвращается к нам, и нам предоставлено употребление семян. Посему смысл сказанного таков: **да произрастит земля зелень, траву и семя сеющее по роду**. Ибо таким образом можно будет восстановить порядок речи, в которой теперь сочинение слов представляется нестройным; и тогда соблюдется необходимая последовательность в том, что производит природа. Ибо сначала росток, потом зелень, потом возрастание травы, потом совершение возвращенного чрез семя.

Скажут: как же Писание представляет, что все произрастающее из земли осеменено, когда ни тростник, ни полевица, ни мята, ни шафран, ни чеснок, ни бутом, ни другие бесчисленные роды растений, по-видимому, не производят семени? На сие ответим, что многие из земных произрастаний в нижней своей части и корне имеют силу семени. Например, тростник по однолетнем росте пускает от корня некоторый отпрыск, и он на будущее время заступает место семени. То же делают и другие бесчисленные растения, которые, будучи рассеяны по земле, силу продолжать свой род содержат в корнях. Итак, всего несомненнее, что в каждом растении или есть семя, или скрывается некоторая семенная сила. И это значит слово: **по роду**. Ибо отпрыск тростника не производит маслины, а напротив того, от тростника бывает другой тростник, и из посеянных семян произрастает сродное им. И, таким образом, что при первом сотворении изникло из земли, то соблюдается и донныне чрез сохранение рода последовательностью преемства.

Да произрастит земля. Представь себе, что, по малому речению и по столь краткому повелению, холодная и бесплодная земля вдруг приближается ко времени рождения, подвигнута к плодородию и, как бы сбросив с себя печальную и горестную одежду, облекается в светлую ризу, веселится своим убранством и производит на свет тысячи родов растений.

Мне желательно тверже укоренить в тебе удивление к твари, чтобы ты, где ни находишься и какой род растений ни встречаешь, всегда возобновлял в себе ясное воспоминание о Творце. Посему, во-первых, когда видишь на траве зелень и цвет, приведи себе на мысль человеческое естество, припоминая изображение мудрого Исаии: **всякая плоть - трава, и вся красота ее - как цвет полевой** (Ис. 40, 6). Кратковременность жизни, непродолжительность радостей и веселий человеческого благоденствия нашли себе у Пророка самое приличное уподобление. Сегодня цветет телесно, утучнен от наслаждений, сообразно с цветущим возрастом имеет свежую доброцветность, бодр, развязен, неудержим в стремлении; а наутро он же самый жалок или увянув от времени, или ослабев от болезни. Иной обращает на себя взоры избытком богатства: вокруг него множество льстецов, сопровождение притворных друзей, уловляющих его благосклонность; множество сродников, которые носят на себе личину; многочисленный рой слуг, то заботящихся о его пище, то исполняющих другие его потребности, которых влачит он за собою, выходя из дому и возвращаясь домой, и тем возбуждает зависть встречающихся. Присовокупи к богатству какую-либо гражданскую власть, или почести от царей, или начальство над войском, провозвестника, который громко взывает перед ним, жезлоносцев, которые здесь и там вселяют в подначальных сильный ужас, побои, описание имущества, взятие под стражу, темницы, что все увеличивает в подчиненных нестерпимый страх. И что же после сего? Одна ночь, или горячка, или боль в боку, или воспаление легких, похитив сего человека из среды людей, сводят с позорища, и место его действия вдруг делается опустевшим, и эта слава

оказывается ничем как сновидение. Посему-то составилось у Пророка уподобление человеческой славы самому слабому цветку.

Да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя по роду и по подобию. И теперь еще порядок растительности свидетельствует о первобытном постановлении. Ибо и всякой зелени и траве предшествует появление ростка. Выходит ли что от корня из подземного отростка, как например шафран и полевица, оно должно сперва дать росток и взойти наружу; вырастает ли что от семени - и в сем случае необходимо быть сперва ростку, потом зелени, потом зеленеющей траве, а потом плоду, зреющему уже на сухом и дебелим стебле.

Да произрастит земля зелень, траву. Когда семя упадет в землю, которая имеет в себе соразмерную влажность и теплоту, тогда оно, разбухнув, сделавшись многоскважным и объемлемое близлежащею землею, привлекает к себе что ему свойственно и сродно, самые же тонкие частицы земли, приставая к скважинам и входя в них, расширяют объем семени, отчего оно пускает вниз корни и идет вверх, давая из себя стебли по числу корней. А при постоянном согревании ростка, привлекаемая корнями влага притяжением теплоты извлекает из земли сколько нужно питательного и разделяет это стеблю, коже, влагалищем зерен, самым зернам и колосьям. Таким образом, при постепенном возрастании, каждое растение приходит в свойственную ему меру, будет ли оно из рода хлебных или бобовых, или овощных, или растущих кустарником.

Одна травка или одна былинка достаточна занять всю мысль твою рассмотрением искусства, с каким она произведена, как например, стебель пшеницы опоясывается коленцами, чтобы они, подобно связкам, удобно поддерживали тяжесть колосьев, когда исполненные плодами клонятся к земле. Посему стебель у овса совершенно пуст, так как вершина его ничем не обременена; и стебель пшеницы природа защитила такими связками, зерно же заключила во влагалище, чтобы не могло быть похищено птицами, и длинными остями, подобными иглам, предотвратила вред от мелких животных. Что мне сказать? И о чем умолчать? В богатых сокровищницах творения трудно найти предпочтительное прочему, а если оставим что без внимания, урон будет несносен.

Да произрастит земля зелень, траву. Вместе с питательным произросло и вредное: вместе с пшеницею и болиголов, и вместе с другими питательными растениями - чемерица, борец, мандрагора и маковый сок. Итак, что же? Ужели откажемся приносить благодарение за полезное и станем обвинять Создателя за разрушительное для нашей жизни? А не рассудим того, что не все создано для нашего чрева? Напротив того, как назначенное нам в пищу у нас под руками и всякому известно, так каждая сотворенная вещь в целом творении выполняет какой-нибудь свой особенный закон. Поелику воловья кровь для тебя яд, то ужели по сему самому надлежало или не творить сего животного, или сотворить вола бескровным, хотя сила его для стольких потреб нужна нам в жизни? Но тебе довольно живущего в тебе разума, чтобы предохранить себя от вредного. Если овцы и козы умеют избегать злотворного для их жизни, посредством одного чувства различая вредное, то скажи мне, ужели трудно уклониться от ядоносного тебе, у которого есть и разум, и врачебная наука, указывающая полезное, и опыт предшественников, внушающий убежать вредного? Но и из сего ничто не сотворено напрасно и без пользы. Ибо оно или служит пищею какому-либо животному, или с помощью врачебной науки открывается годным для нас самих, служа к облегчению каких-нибудь недугов. Скворцы питаются болиголовом и по устройству своего тела не терпят вреда от яда; имея в сердце тонкие скважины, они, кажется, переваривают поглощенное прежде нежели производимое им охлаждение коснется главных членов. Чемерица служит пищею перепелам, и они по своему сложению остаются невредимыми. Но сии же самые растения и нам иногда бывают полезны. Мандрагорою врачи наводят сон, и опиумом успокаивают жестокие боли в теле. А некоторые болиголовом усмиряли ярость вожделений, чемерицею же искореняли многие застарелые болезни. Посему за что думал ты обвинять Творца, то самое обратилось для тебя в побуждение к большей благодарности.

Да произрастит земля зелень, траву. Сколько разумеет под сим Писание снедей, которые сами собою готовы для нас то в корнях, то в зелени, то уже в плодах! Сколько еще снедей, которые присоединяются нашим трудом и земледелием! Бог повелел земле не вдруг

произвести семя и плод, но сперва дать ростки и зелень, а потом уже закончить семенем, чтобы первое повеление служило природе уроком к соблюдению порядка на последующее время. Говорят: как же земля приносит семена по роду, а между тем часто, посеяв пшеницу, собираем черное пшеничное зерно [2]? Но это не изменение в другой род, а как бы недуг и болезнь семени. Здесь пшеница не перестала быть пшеницею, но почернела от обожжения, как можно видеть из самого названия. Загорев от чрезмерной стужи, она приняла другой цвет и вкус. Но сказывают, что она и опять, если будет иметь пригодную землю и благорастворенный воздух, обращается в первоначальный вид. Посему ничего не найдешь в растениях, что совершилось бы вопреки сему повелению. А так называемый куколь и все другие вносные семена, какие только примешиваются к употребляемым в пищу и в Писании обыкновенно называются плевелами, происходят не чрез изменение пшеницы, но имеют собственное свое начало, и составляют свой особенный род. Они изображают собою тех, которые искажают учение Господне, не изучили Писания как должно, и повреждены учением лукавого, но присоединяются к здоровому телу Церкви, чтобы неприметно сообщить свое повреждение незараженным. Но Господь и усовершенные уверовавших в Него уподобляет возрастанию семян, говоря: **как если человек бросит семя в землю, и спит, и встает ночью и днем: и как семя всходит и растет, не знает он, ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе** (Мк. 4, 26-28).

Да произрастит земля зелень, траву. И земля, соблюдая законы Создателя, начав с ростка, в краткое мгновение времени прошла все виды возрастания и тотчас довела прозябения до совершенства. Луга наполнились изобильною травою; плодоносные равнины, воздымаясь от жатв, в колебании класов сохранили подобие волнующегося моря. Всякая зелень и всякий род овощей, все что растет кустарником и что приносит стручковые плоды, во всем изобилии явились тогда на земле. Ибо ничто тогда не останавливало произрастания: неопытность земледельцев, неблагоприятность воздуха и какая-либо другая причина не делали вреда изникнувшему. Осуждение еще не препятствовало плодородию земли: все сие было прежде греха, за который осуждены мы в поте лица своего есть хлеб.

Но сказано: **и дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле.** По сему глаголу сгустились кустарники, выбежали из земли все деревья, обыкновенно достигающие чрезвычайной высоты, - ели, кедры, кипарисы, певги; все мелкие деревья сделались вдруг ветвистыми и густыми; явились употребляемые для венцов растения - розы, мирты и лавры. Ничего этого прежде не было на земле, и все в одно мгновение времени пришло в бытие, с принадлежащим каждому свойством, самыми явными разностями отличное от растений инородных и узнаваемое по свойственному для каждого признаку. Но роза была тогда без шипов: впоследствии уже к красоте цвета присоединены терния, чтобы неподалеку от приятности наслаждения имели мы и готовую скорбь, вспоминая о грехе, за который земля осуждена возвращать нам **терния и волчцы** (Быт. 3, 18).

Но скажут: повелено земле **произрастить дерево плодовитое, приносящее плод, в котором семя его на земле;** а между тем видим, что многие деревья не имеют ни плодов, ни семян. Что ответить на сие? То, что здесь упомянуты преимущественно растения предпочтительнейшие по природе; а сверх того, при тщательном рассмотрении окажется, что все растения имеют или семя, или нечто равносильное семени. Ибо осокори, ивы, ильмы, тополи и другие им подобные деревья, по-видимому, не приносят явно плода, но тщательный испытатель найдет, что каждое из них имеет семя. Ибо лежащее под листом зерно, которое умеющие давать всему свои имена называют *μῖδχος* [3], имеет силу семени. Деревя же, которые обыкновенно разводятся от ветвей, пускают от них во множестве корни. А может быть значение семени имеют и отростки корней, чрез отнятие которых садовники размножают род. Но, во-первых, как сказано, удостоены упоминания те деревья, которые наипаче поддерживают жизнь нашу и которые должны были, снабжая человека своими плодами, уготовлять ему обильную пищу. Таков виноград, производящий вино, которое **веселит сердце человека.** Такова олива, доставляющая плод, который может **умасстить лицо елеем** (Пс. 103, 15).

Сколько стеклось вместе производимого природою с такою поспешностью! Корень виноградной лозы, зеленеющие и большие ветви, кругами раскидывающие по земле, зародыш, завивание лозы, зеленые ягоды, спелые грозди! Достаточно для тебя одного взора, и разумный взгляд на виноградную лозу внушит тебе, о чем напоминает природа. Ибо помнишь, конечно, об уподоблении Господа, Который называет Себя *лозою*, а Отца *виноградарем*, каждого же из нас именует *ветвью*, чрез веру насажденною в Церкви, и побуждает нас к многоплодию, чтобы не преданы мы были огню по осуждению за бесполезность (Ин. 15, 6). И Он не престаёт везде уподоблять человеческие души виноградным лозам. Ибо сказано: *у Возлюбленного моего был виноградник на вершине утучненной горы, и Он обнес его оградою... и насадил в нем отборные виноградные лозы* (Ис. 5, 1-2). Очевидно, что под виноградом понимает человеческие души, для которых оградил ограждение, оплот заповедей и охранение от Ангелов. Ибо *ополчится Ангел Господень вокруг боящихся Его* (Пс. 33, 8). Потом и окоп сделал около нас, *иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в третьих, учителями* (1 Кор. 12, 28). Примерами же древних и блаженных мужей возводя мысли наши на высоту, не оставил их поверженными долу и достойными поспрашивать. Он хочет также, чтобы мы, как бы некоторыми завивками, соплетались с ближними объятиями любви и упокоивались в них, и, всегда стремясь к горнему, как вьющиеся виноградные ветви старались уравниваться с вершинами самых высоких. Он требует еще, чтобы мы терпели, когда окапывают нас. А душа окапывается чрез отложение мирских забот, которые составляют бремя для наших сердец. Посему отложивший плотскую любовь и привязанность к богатству и признавший презренным и смешным пристрастие к здешней бедственной славе как бы окопался и обновился в силах, свергнув с себя напрасное бремя земного мудрования. Не должно же, по слову притчи, разрастаться в ветви [4], то есть жить напоказ и домогаться похвалы за внешность; но надобно быть благоплодным, представляя истинному Земледельцу показание дел. А ты будь *как зеленеющая маслина в доме Божиим* (Пс. 51, 10), никогда не совлекаясь упования, но имея в себе всегда цветущее спасение, приобретаемое чрез веру. Ибо таким образом будешь подражать всегдашней зелени сего растения и соревновать его многоплодию, во всякое время подавая обильную милостыню.

Но возвратимся к рассмотрению Художнических распоряжений. Сколько произошло тогда родов растений плодовых, годных к созиданию кровов, к строению кораблей, к сожжению! И здесь опять в каждом дереве устройство частей его разнообразно, а также едва можно отыскать свойство каждого дерева и усмотреть взаимные различия дерев разнородных. Отчего одни из них пускают корень вглубь, а другие стелят по земной поверхности? одни растут прямо и имеют один ствол, другие низки и от самого корня разделены на многие отростки? Отчего у дерев, имеющих ветви длинные и далеко раскинутые по воздуху, корни глубоки и простираются вокруг на большое пространство, как будто природа положила основания, соразмерные тяжести верхних частей? Сколько различий в древесной коре! У одних дерев кора гладкая, у других морщиноватая; у одних однослойная, а у других многослойная. А что удивительно, и в растениях найдешь признаки, похожие на человеческую юность и старость. Ибо на деревьях молодых и здоровых кора бывает вокруг плотно обтянута, а на состарившихся она морщится и твердеет. Одни деревья, будучи срезаны, прозябают вновь; другие, потерпев посечение, как бы это было для них смертью, остаются без преемства. А некоторые заметили даже, что срубленные и обожженные сосны превращались в дубы. Известно и то, что в некоторых деревьях естественный порок исправляется попечением земледельцев. Например, кислые гранаты и горькие миндали, когда ствол у корня будет провернут и в самую середину сердцевины впущен тучный клин из певга, переменяют горький свой сок на приятный. Посему да не отчаивается в себе никто из провождающих жизнь во грехе, зная, что как земледелие изменяет качество растений, так попечительность души о добродетели может одержать верх над всякими недугами.

В плодоношении же плодовых растений столько разности, что невозможно описать сего словом. Ибо не только на деревьях разнородных плоды различны, но много разностей

бывает даже в одном и том же виде дерева. Иной отличительный признак плода бывает иногда на растении мужского пола, и иной на растении женского пола, как различают сие садовники, которые и финиковые деревья делят на два пола: мужеский и женский. И можешь видеть, что иногда растение, как называют они, женского пола, опускает ветви, как будто оно возбуждено вожделением и желает мужеских объятий; ходящие же за растениями бросают на ветви нечто подобное мужеским семенам, что называется у них *φηνεξ* [5]; и в таком случае деревья как бы чувствуют услаждение, снова выпрямляют свои ветви и многолиственные вершины их приходят в прежний свой вид. То же самое рассказывают о смоковницах. Посему дикие смоковницы сажают вместе с садовыми; а другие врачуют бессилие садовых смоковниц, приносящих вкусные плоды, тем, что привязывают к ним незрелые смоквы и поддерживают сим плод, который уже начал истаивать и рассыпаться.

О чем же дает тебе разуместь эта загадка природы? О том, что мы часто и у людей чуждых веры должны заимствовать себе побуждение к показанию добрых дел. Если видишь, что живущий в язычестве или отторгнутый от Церкви какою-либо превратною ересью, целомудрен по жизни и во всем прочем старается о нравственном благочинии, то тем паче ты напрягай свое старание уподобиться плодоносной смоковнице, которая собирает силы из приближенных к ней диких смоковниц, перестает истаивать и тщательнее питает свой плод.

Столь многочисленны различия в образе рождения плодов, если из многого сказать только немного! Но кто же опишет разнообразие самых плодов, их вид, цвет, свойства соков и пользу каждого? Отчего некоторые созревают на солнце обнаженные, а другие приходят в полноту, сокрытые в оболочках? Отчего, у которых плод нежен, у тех лиственный покров груб, - как на смоковнице; а у которых плоды закрыты, у тех лиственная одежда легка, - как на орешнике? Потому что первые по своей слабости имеют нужду в большей помощи, а последним более плотная оболочка причинила бы вред тенью от листьев. Какие разрезы на виноградных листьях, чтобы гроздь была и защищена от вредных действий воздуха, и по причине редкости листьев в обилии принимала на себя солнечные лучи! Ничто не без причины, и ничто не случайно: везде видна какая-то неизглаголанная мудрость.

Какое же слово будет для сего достаточно? Как ум человеческий исследует все в подробности, чтобы и свойства усмотреть, и взаимные разности различить явственно, и без недостатка представить сокровенные причины? Одна и та же вода, притянутая корнем, иначе питает самый корень, иначе - кору ствола, иначе - древесину, и в ней опять иначе - сердцевину. Одно и то же и листом делается, и разделяется по сучьям и ветвям, и доставляет рост плодам; от той же причины происходит и сок в растении, и вытекающая из него наружу влага. Какая же есть разность между всем этим, не объяснит никакое слово. Иная влага, вытекающая из масличника, и иной сок бальзамического дерева; а некоторые нарды в Египте и Ливии источают другой род сока. Сказывают также, что и янтарь есть сок растений, отвердевший в камень. И такое мнение подтверждают примечаемые в янтаре травинки и мелкие животные, которые, будучи захвачены, когда сок был еще мягкий, остаются в нем. И вообще, кто не изведал опытом различия соков относительно к их качеству, тот не найдет и слова к объяснению их действий. Как опять из одной и той же влаги в винограде составляется вино, а в маслине - масло? И удивительно не одно то, каким образом влажность в винограде сделалась сладкою, а в маслине тучною, но и то, что в сладких плодах неисчислимо различие качеств. Ибо иная сладость в винограде, иная в яблоке, смоковнице и финиковом дереве. И я желаю, чтобы ты еще подумал об этом вопросе: отчего одна и та же вода то мягка для ощущения, когда, находясь в известных растениях, делается она сладкою, то жестка для вкуса, когда, пройдя чрез другие растения, окисляется и, опять обратившись в крайнюю горечь, нестерпима для ощущения, когда находится в полыни и в скаммонее [6], а в желудях, или в плоде дерева превращается в острое и вяжущее качество; в терпентинных же растениях и в орехах изменяется в свойство нежное и маслянистое? И нужно ли говорить о чем-либо малоизвестном, когда в одной и той же смоковнице вода переходит в противоположные качества? Та же влага весьма горька в древесном соке, и весьма сладка в самом плоде; и в винограде имеет самый вяжущий вкус - в сучьях, и самый приятный - в ягодах.

Но сколько различий в цветах! Можешь видеть на лугах, что одна и та же вода в одном цветке румяна, в другом багрова, в этом голуба, а в этом бела. И опять, еще больше разности представляет она в запахах, нежели сколько имеет разнообразия в цветах. Но вижу, что слово мое, от ненасытного желания все обозреть, преступает меру, и если не наложу на него уз и не возведу к необходимому закону творения, то не достанет у меня дня на изображение пред вами великой мудрости, сокрытой в вещах самых маловажных.

Да произрастит земля дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод... на земле. И тотчас вершины гор осенились кудрями, устроились сады, и берега рек украсились тысячами родов растений; и одни уготовились украшать собою человеческую трапезу, а другие предложили в пищу скотам и листья и плоды. Но они доставляют нам и врачевные пользы в своих соках, влагах, прутьях, коре, плодах. И, одним словом, что открыл нам долговременный опыт, из частных случаев собирая полезное, то привел в бытие вдруг все объемлющий Промысл Творца, предусмотрев из начала.

А ты, когда видишь растения садовые или дикие, прозябающие в воде или на суше, приносящие цветы или бесцветные, в малом познавая великое, усугубляй непрестанно свое удивление и возражай в любви к Творцу. Размысли, как Он иные растения сотворил всегда зеленеющими, а другие обнажающимися, и всегда зеленеющие - то меняющимися листья, то не теряющими листьев. Ибо меняют листья и олива и сосна, хотя перемена сия происходит непременно, так что, по-видимому, они никогда не обнажаются от зелени. Но финиковое дерево не теряет листьев и до конца сохраняет те же листья, которые получило с первого прозябения. Потом прими во внимание и то, отчего мирика [7] есть как бы водоземное растение, причисляется к растущим в воде и разводится в местах пустынных. Посему и Иеремия (17, 6) справедливо уподобляет такому растению нравы лукавые и преклонные на доброе и худое.

Да произрастит земля. Краткое сие повеление тотчас стало великою природою и художественным словом, быстрее нашей мысли произведя бесчисленные свойства растений. То же повеление, и донныне действуя в земле, побуждает ее по истечении каждого года обнаруживать силу свою, какую она имеет к производству трав, семян и дерев. Как кубарь, по силе первого данного ему удара, совершает последующие обращения, когда описывает круги, соблюдая в себе средоточие неколеблемым, так и последовательный порядок природы, получив начало с первым повелением, простирается на все последующее время, пока не достигнет общего скончания вселенной. К нему будем поспешать и мы все, плоднося добрые дела и преисполняясь ими, да **насажденные в доме Господнем... во дворах Бога нашего цветут** (Пс. 91, 14) о Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Примечания:

[1] Зелень.

[2] Это пшеница, родящаяся собственно в Сицилии, но также вырождающаяся и из обыкновенной пшеницы, в употреблении безвредная.

[3] У Гезихия читаем следующее объяснение сему слову: так называют то, чем примыкается к растению или плод, или лист, зерно на листе.

[4] Здесь св. Василий, вероятно, имеет в виду место из Осии Пророка 10, 1, которое, по переводу Симмаха, читается: "виноград многоветвистый Израиль".

[5] Плодотворная пыль на дереве мужеского пола, которую некоторые древние естествослы представляли в виде червячков или мошек, к чему привело их, вероятно, наблюдение над смоковничными деревьями. Ибо насекомое, известное под именем орехотворки, гнездясь на сих деревьях и покрываясь пылью из тычинок, переносит сию пыль на женские цветки и оплодотворяет их.

[6] Из рода вьюнчиков (*convolvulus*); дает из корня сок острый и молочный, имеющий сильное слабительное свойство.

[7] Иначе - дрок.

Беседа 6. О сотворении небесных светил

Кто смотрит на подвизающихся, тот и сам должен напрягать несколько свои силы. Это всякий может видеть из зрелищных уставов, которые требуют, чтобы заседающие на поприще сидели с открытою головою. А сие, мне кажется, для того, чтобы каждый не только был зрителем подвизающихся, но в некоторой мере и сам сделался подвижником. Подобным образом и ценителю великих и сверхъестественных зрелищ, и слышателю подлинно высшей и неизреченной мудрости, приходя сюда, надобно иметь уже в себе некоторое стремление к созерцанию предлагаемого и по мере сил участвовать со мною в подвиге, являясь не столько судиею, сколько сподвижником, чтобы не лишиться нам случая открыть истину и чтобы моя ошибка не сделалась общим вредом для слушающих. К чему же говорю сие? К тому, что поелику нам предлежит исследовать состав мира и рассмотреть вселенную не по началам мирской мудрости, но как научил сему служителя Своего Бог, глаголавший с ним **явно, а не в гаданиях** (Чис. 12, 8), то совершенно необходимо, чтобы любители великих зрелищ имели ум, не необученный к уразумению предлагаемого нам. Итак, если ты когда-нибудь, среди ясной ночи смотря на несказанную красоту звезд, составлял себе понятие о Художнике всяческих, Кто сей испестривший небо сими цветами и почему в видимом мире более необходимого, нежели приятного; и опять, если во время дня трезвенным разумом изучал ты дивные чудеса, то пришел ты сюда готовым слушателем, достойным того, чтобы восполнить собою сие честное и блаженное поприще.

Приступите же! Как в городах берут за руку и всюду водят людей, в них не бывавших, так и я введу вас в сокровенные чудеса сего великого града. А в этом граде, в котором древнее наше отечество и из которого изгнал нас человекоубийца-демон, поработивший человека своими приманками, - в этом граде увидишь ты первое бытие человека и вскоре постигшую нас смерть, которую породил грех, - этот первородный плод начальника зла - демона. Здесь познаешь и себя самого, земного по природе, но дело Божиих рук, много уступающего бессловесным в силе, но поставленного властелином над бессловесными и неодушевленными тварями, умаленного в том, чем снабдила природа, но по превосходству разума способного возноситься в самое небо. Если сие изучим, то познаем себя самих, уведем Бога, поклонимся Творцу, поработаем Владыке, прославим Отца, возлюбим нашего Питателя, почтим Благодетеля, не престанем поклоняться Началовождю нашей и настоящей и будущей жизни, - Тому, Который дарованным уже богатством удостоверяет и в обетованных благах и, по изведании нами настоящего, делает для нас несомненным ожидаемое. Ибо если временное таково, то каково же вечное? И если видимое так прекрасно, то каково невидимое? Если величие неба превосходит меру человеческого разумения, то какой ум возможет исследовать природу Присносущего? Если сие подлежащее разрушению солнце так прекрасно, так велико, так быстро в своем движении и совершает чинные обращения, имеет величину соразмерную вселенной, и не выступает из своих отношений к целому, а по красоте своего естества составляет как бы светлое око, украшающее собою тварь; и если им не насыщается зрение, то каково по красоте Солнце правды? Если не видеть сего солнца - большая потеря для слепого, то какая утрата для грешника быть лишенным истинного Света?

И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной для освещения земли и для отделения дня от ночи (Быт. 1, 14). Всему предшествовали небо и земля; после них сотворен свет, различены ночь и день; потом опять твердь и явление суши; потом вода совокуплена в постоянное и определенное собрание; земля наполнилась собственными порождениями, произрастив бесчисленные роды трав и обогатившись растениями всякого рода. Но солнца и луны еще не было, дабы неведущие Бога не именовали солнца начальником и отцом света и не почитали его зиждителем земных произрастений. Посему настал четвертый день, и тогда **сказал Бог: да будут светила на тверди небесной.**

Как скоро слышишь о Говорящем, присоединяй немедленно в мысли и Внемлющего: **сказал Бог: да будут светила. ...И создал Бог два светила** (Быт. 1, 16). Кто сказал, и Кто

сотворил? Не проразумеваешь ли в сем свойственности Лиц? Везде с повествованием таинственно всеян и сей догмат Богословия.

Указывается и потребность, по которой сотворены светила. Сказано: *светить на землю*. Если сотворение света предшествовало, то почему говорится, что и солнце теперь сотворено также светить? Во-первых, да не возбуждает в тебе ни малого смеха своеобразность речения, если мы не следуем вашей разборчивости в словах и не стараемся о стройности их сочинения. У нас нет ваятелей слова, и везде предпочитается не благозвучие речений, но ясность именований. Итак, смотри, не достаточно ли Моисей словом: *светить* выразил то, что хотел? Ибо он сказал: *светить* вместо: быть светлым. Но сие нимало не противоречит сказанному уже о свете. Тогда произведено было самое естество света, а теперь приуготовляется это солнечное тело, чтобы оно служило колесницею тому первобытному свету. Иное есть огонь, а иное - светильник: один имеет силу издавать свет, а другой устроен светить кому нужно. Так и оному чистейшему, ясному и невещественному свету устроится теперь колесница, то есть светила. Как Апостол говорит о некоторых *светилах в мире* (Флп. 2, 15), но иное есть истинный Свет мира, чрез причастие Которого святые соделались светилами для душ, ими наставленных и освобожденных от тьмы неведения, так и Зиждитель всяческих возжег теперь в мире сие солнце, наполнив его оным светозарнейшим светом.

И никому да не кажется невероятным утверждаемое, что иное есть блистательность света, а иное - тело, в котором находится свет. Во-первых, видно сие из того, что все сложное делится у нас таким же образом на вмещающую сущность и на приданное ей качество. Посему как по природе иное есть белизна, а иное - тело выбеленное, так и теперь упоминаемые [1], будучи различны по природе, соединены силою Творца. И не говори, что нельзя отделить их друг от друга. Я и не утверждаю, чтобы для меня или для тебя было возможно отделение света от солнечного тела; но говорю только, что представляющееся нам раздельным в мыслях может быть и в самой действительности разделено Творцом их природы. Тебе невозможно отделить попадающую силу огня от светозарности: но Бог, желая обратить внимание Своего служителя чудным видением, вложил в купину огонь, в котором действовала одна светозарность, а сила жечь пребывала в покое. Так и Псалмопевец свидетельствует, говоря: *глас Господа высекает пламень огня* (Пс. 28, 7). Отсего и о воздаянии за дела жизни нашей некоторое учение втайне преподает нам, что естество огня будет разделено, и свет предоставлен в наслаждение праведным, а мучительность жжения назначена наказываемым.

А потом удостоверение в исследуемом можно нам находить и в видоизменениях луны. Ибо когда она исходит и убывает, тогда не тело ее совершенно истребляется, но представляет она нам явления уменьшения и возрастания тем, что слагает с себя и опять восприимлет облекающий ее свет. А что самое тело луны при ее исходе не уничтожается, ясным тому свидетельством служит видимое. Ибо в чистом и свободном от всякого тумана воздухе, даже когда луна имеет вид самого тонкого серпа, можно тебе, всмотревшись, увидеть несветлую и неосвещенную ее часть, описанную такою же дугою, которая очерчивает целую луну во время полнолуний; так что ясно усматривается полный круг, если зрние сводит вместе с освещенною частью и ту, которая помрачена и темна. И не представляй мне, что свет луны заимствованный, потому что она ущербает, приближаясь к солнцу, и опять возрастает, удаляясь от него. Не сие подлежит нашему исследованию в настоящем случае, но то, что иное есть тело луны, а иное - освещающее. Подобно же нечто представляй о солнце, и, кроме того, что оно, однажды прияв свет и имея его растворенным в себе, не отлагает света. Но луна, постоянно как бы совлекающаяся света и опять в него облекающаяся, удостоверяет собою и в сказанном о солнце.

Сим светилам повелено *управлять днем и ночью, и отделять свет от тьмы*; но тогда природу их привел Он в противоположность, чтобы они не смешивались между собою, и у света не было никакого общения с тьмою. Ибо что днем есть тень, то (надобно представлять себе) ночью составляет природу тьмы. Если всякая тень от тел, освещенных каким-нибудь лучом, падает со стороны противоположной свету и утром простирается к

западу, вечером склоняется к востоку, а в полдень бывает северною, то и ночь отступает в сторону, противоположную лучам, будучи по природе своей не что иное, как земная тень. Как днем тень неразлучна с преграждающим луч, так и ночь обыкновенно происходит, когда воздух около земли затенен. И сие значит сказанное: *отделять свет от тьмы*; ибо тьма убегает вторжений света вследствие того естественного побуждения чуждаться друг друга, какое вложено в них при первом сотворении. А теперь Бог повелел солнцу измерять день; и луну, когда она бывает в полном своем круге, сделал предводительницею ночи. Ибо тогда светила бывают почти диаметрально противоположны друг другу; потому что во время полнолуний, как с восхождением солнца луна переходит в невидимую часть неба, так опять, при захождении солнца, она большею частью восходит на востоке. Если же при других видах луны свет ее не вместе с ночью появляется, то сие не относится сюда. По крайней мере, луна, когда бывает полна, начинает собою ночь, светом своим превосходя звезды и освещая землю, и также наравне с солнцем определяет меры времени.

И для знамений, и времен, и дней, и годов (Быт. 1, 14). Для человеческой жизни необходимы указания светил. И если кто не через меру многого ищет в их знамениях, то при долговременном наблюдении найдет полезные приметы. Многое можно узнавать об изобилии дождя, многое о засухе и о движении ветров, или местных или повсюдных, сильных или легких. Одно из указаний солнца предал нам и Господь, говоря: *сегодня ненастье, потому что небо багрово* (Мф. 16, 3). Когда солнце поднимается сквозь туман, тогда лучи его помрачатся и оно кажется огненного и кровавого цвета, потому что густота воздуха производит в глазах такое представление. Но сгущенный и остоявшийся воздух, которого не рассеяли и солнечные лучи, очевидно, не мог быть ими преодолен по причине избытка земных паров, и по множеству влаги произведет ненастье в тех странах, где он собирается. Подобным образом, когда луна кажется увлажненною или когда солнце окружают так называемые венцы, сие служит признаком или множества воздушной воды, или движения сильных ветров. Или когда вместе с солнцем идут так называемые побочные солнца, они бывают знаком каких-нибудь воздушных перемен. А также столпы радужного цвета, являющиеся на облаках в прямом положении, показывают дожди, или жестокие бури, или вообще большой переворот в воздухе. И в луне возрастающей или убывающей упражнявшиеся в этом заметили многие признаки, а именно, что вместе с ее видоизменениями необходимо изменяется и окружающий землю воздух. Если трехдневная луна тонка и чиста, то предвещает постоянную ясную погоду; а если она представляется с толстыми рогами и красноватою, то угрожает или обилием воды из облаков, или сильным южным ветром. Кто же не знает, сколько полезного доставляется такими указаниями? Пловец, предусматривая опасности от ветров, может удержать ладью свою в пристани. Путешественник, по мрачности воздуха ожидающий перемены, заранее может уклониться от вреда. А земледельцы, занимающиеся посевами и хождением за растениями, отсюда заключают о благовременности всякого дела. Господь же предсказал, что в солнце, луне и звездах явятся даже знамения разрушения вселенной. Солнце обратится в кровь, *и луна не даст света своего* (Мф. 24, 29. Ср.: Иоил. 2, 31). Таковы знамения скончания вселенной!

Но преступающие границы обращают слова Моисеевы в защищение науки о днях рождения и говорят, что жизнь наша зависит от движения небесных тел; а на сем основании у халдеев сделаны по звездам указания, чему должно с нами случиться. И это простое выражение Писания: *для знамений* по усмотрению своему разумеют они не о состояниях воздуха и не о переменах годовых времен, но о жребиях жизни. Ибо что говорят? Стечение известных движущихся звезд с звездами, находящимися на зодиаке, когда они, сошедшись между собою, составляют известную фигуру, производит определенные рождения; а иное расположение звезд доставляет противоположный жребий жизни.

О сем не бесполезно, может быть, рассудить, начав, для ясности, несколько выше. Но скажу не что-либо собственное свое, а воспользуюсь к обличению их собственными их словами, чтобы зараженным таким недугом доставить некоторое врачевание и прочих предостеречь от падения в подобные заблуждения.

Изобретатели этой науки о днях рождения, заметив, что в продолжительные части времени ускользают от них многие фигуры, заключили меры времени в возможно тесные пределы; потому что в самое малое и краткое время и, как выражается Апостол, *вдруг, во мгновение ока* (1 Кор. 15, 52), бывает величайшая разность между рождением и рождением. И родившийся в сию точку времени будет обладателем городов, князем народов, станет изобиловать богатством и властвовать; родившийся в другое мгновение времени будет попрошайкою и нищим, и ради насущного пропитания станет ходить от дверей к дверям. Посему, разделив на двенадцать частей так называемый зодиакальный круг, поелику солнце сию двенадцатую часть так называемой неподвижной сферы проходит в тридцать дней, каждую двенадцатую часть разделили они на тридцать частей. Потом каждую таковую часть подразделив на шестьдесят частей, каждую из шестидесятих рассекли опять на шестьдесят.

Итак, предполагая, что для родившихся есть известные положения неба, посмотрим, возмогут ли они соблюсти такую точность в разделении времени. Как скоро родился младенец, бабка начинает рассматривать, мужского или женского пола родившийся, а потом дожидается крика, который бы служил признаком жизни в новорожденном. Сколько шестидесятих долей протечет в это время! Вот объявила она халдею о новорожденном. Сколько надобно положить мельчайших частей на пересказ бабки, особливо если случится, что замечающий час стоял вне женского отделения в доме? Ибо тому, кто хочет рассмотреть гороскоп, надобно с точностью описать час, будет ли это дневное или ночное время. Какое же множество шестидесятих долей протечет еще в это время? Рассматривающему гороскоп надобно найти о звездах не только в какой они из двенадцатых частей, но и в какой доле двенадцатой части, и в какой шестидесятой доле из тех, на которые, по сказанному, разделена каждая из первых долей, или, чтобы дойти до точности, в какой шестидесятой из тех, на которые подразделяются первые шестидесятие. И такое столько дробное и неуловимое вычисление времени, говорят они, надобно сделать для каждой из планет, чтобы найти, какое положение имели они в рассуждение неподвижных звезд, и какую фигуру составляли из себя взятые в совокупности звезды во мгновение рождения младенца. Посему, если невозможно с точностью определить время, а замена одной кратчайшей доли другою делает погрешительным все, то смешны те, которые трудятся над этою несостоятельною наукою и с разверстым ртом углубляются в себя, как будто могут узнать, что с ними будет.

Каковы же и выводы? Говорят: этот будет кудряв волосом и с голубыми глазами, потому что родился в час Овна, и таково по виду сие животное. Но он будет и человек великого духа, потому что овен имеет в себе владычественное; а также щедр и промышлен, потому что животное сие без огорчения слагает с себя волну и удобно облекается в новую, по действию природы. А родившийся в Тельце, говорят они, будет терпелив в трудах и раболепен, потому что телец носит ярмо. Родившийся в Скорпионе охотник до драк, по подобию с сим животным. Родившийся же в Весах правдив, по причине верности наших весов.

Что же может быть смешнее сего? Овен, от которого берешь ты время рождения человека, есть одна из двенадцатых частей неба, в которой находящееся солнце касается весенних знаков. А также Весы и Телец суть двенадцатые части так называемого зодиакального круга. Как же, говоря, что там находятся главные причины человеческой жизни, даешь человеческим нравам отличительные признаки, взятые от скотов, родящихся у нас? Родившийся в Овне щедр не потому, что такой нрав производит та часть неба, но потому что таково свойство овцы. Для чего же страшась нас достоверностью звезд и стараешься уверить блеяньем овец? Если небо имеет такие свойства нравов, заимствовав их у животных, то и оно само подлежит посторонним началам, как имеющее причины, зависимые от скотов. Но если смешно говорить таким образом, то гораздо смешнее усилие придавать достоверность учению от вещей, между которыми ничего нет общего. Но такие их мудрования подобны паутинным тканям, в которых если увязает комар или муха или что-нибудь столько же бессильное, то остается связанным; но если приближается к ним другое, сильнейшее животное, то удобно освобождается, и слабую паутину разрывает и уничтожает.

Но они не останавливаются на сем одном, а приписывают небесным телам причину и того, в чем властно произволение каждого из нас, то есть причину расположения к добродетели или к пороку. С одной стороны, смешно оспаривать их, а с другой, поелику многие заражены сим заблуждением, может быть, необходимость требует не оставлять сего и в молчании.

Итак, прежде всего, спросим у них: не каждый ли день тысячекратно изменяются фигуры из звезд? Ибо так называемые планеты непрестанно движутся, и одни скорее друг с другом сходятся, а другие совершают медлительнейшие обращения, часто бывают в один и тот же час и в виду одна у другой, и скрыты друг от друга. А в минуту рождения, как они говорят, весьма великую имеет силу - быть в виду у благотворной или у злотворной звезды. И нередко, по незнанию одной самомалейшей доли, не найдя времени, по которому звезда показывала себя благотворною, описывали ее как стоящую в числе неблагоприятных. Ибо я вынужден употреблять собственные их речения.

Но в словах сих, конечно, много неразумного, а гораздо больше нечестивого. Ибо злотворные звезды причину своей злотворности переносят на Творца своего. Если зло им естественно, то Создатель - творец зла. А если они делаются злыми по произволению, то, во-первых, они суть живые существа, одаренные произволом, предающиеся непринужденным и свободным стремлениям. Утверждать же сие о вещах неодушевленных есть верх безумия. Потом, сколько несообразно с разумом, чтобы зло и добро уделялось каждому не по достоинству, но чтобы звезда была благотворною, потому что находится в таком-то месте; и чтобы она же делалась злотворною, потому что усматривается под такою-то звездою, и опять тотчас забывала свою злокачественность, если несколько уклонилась от известной фигуры! И о сем довольно.

Если же в каждое мгновение времени взаимное положение звезд из одного вида превращается в другой, а при бесчисленности таковых перемен не один раз в день составляются очертания, показывающие рождение царей, то почему не каждый день рождаются цари? Или почему достается им царство по наследству от отцов? Ибо, конечно, не всякий царь тщательно соображает рождение своего сына с царственным очертанием звезд? Да и какой человек властен в этом? Как Озия родил Иоафама, Иоафам Ахаза, Ахаз Езекию? И ни одному из них не случилось родиться в час рабский?

Сверх того, если начала поступков порочных и добродетельных не от нас зависят, но необходимы вследствие рождения, то напрасно есть законодатели, определяющие, *что* нам делать и *чего* убегать, напрасно есть и судии, награждающие добродетель и наказывающие порок. Ни вор, ни убийца не виновен в преступлении: ему, если бы и хотел, невозможно было удержать руки, потому что к сим поступкам неизбежно побуждала его необходимость. А всех более обманываются трудящиеся над искусствами. Напротив того, земледelec соберет обильные плоды и семян не бросая в землю, и не точа косы; а купец обогатится, хочет ли того или нет, потому что судьба соберет ему кучи денег. Великие же надежды христиан обратятся у нас в ничто, потому что ни праведность не будет почтена, ни грех осужден, так как люди ничего не делают по собственному произволу. Ибо где господствуют необходимость и судьба, там не имеет никакого места воздаяние по достоинству, что и составляет преимущество правосудия.

Довольно сказано держащимся сего заблуждения. Ибо вы не имеете нужды в большем числе доводов, будучи здравы сами по себе, а время не позволяет распространяться сверх меры и с ними. Возвратимся же к последующим словам Писания.

Сказано: **для знамений, и времен, и дней, и годов.** О знамениях у нас говорено, а под временами, как полагаем, разумеются перемены годовых времен: зимы, весны, лета и осени, которые возвращаются у нас в непрестанном порядке вследствие установленного движения светил. Ибо зима бывает, когда солнце замедляет в южных частях, и в наших местах производит длинное ночное помрачение, отчего охлаждается окружающий землю воздух, и все влажные испарения, собравшиеся около нас, делаются причиною дождей, стужи и обильного снега. Когда же солнце, возвратившись опять из полуденных стран, достигает середины, так что делит время между ночью и днем поровну, тогда чем более замедляет оно

над каким-либо местом на земле, тем большее в каждом производит благорастворение. И наступает весна, виновница прозябения во всех растениях, доставляющая оживление большей части дерев, и чрез преемство рождающихся поддерживающая роды всех животных, живущих на суше и воде. Отсюда уже солнце, переходя на самый север к летним поворотам, производит у нас самые долгие дни; а тем, что наибольшее время действует на воздух, как распяет самый воздух, находящийся у нас над головою, так иссушает и землю, способствуя чрез то семенам созреть и пробуждая древесные плоды приходить в спелость. Тогда и самое солнце наиболее опалает, и тени в полдень делает короткими, потому что осиявает наши страны с высоты. Ибо те дни бывают должайшие, в которые имеют место самые короткие тени; и опять, те дни кратчайшие, в которые имеют самые длинные тени. И сие бывает у нас, называемых однотенными и населяющих северную часть земли. Ибо из живущих на полдень есть такие, что у них по два дня в продолжение целого года совершенно не бывает тени. Солнце, сияя у них над головою, равно освещает со всех сторон, так что и в глубине колодцев вода освещается чрез узкие отверстия. Отсего называют их и бестенными. А живущие далее страны, изобилуемой ароматами, имеют тени попеременно в ту и другую сторону. Ибо они, одни в обитаемой нами вселенной, в полдень отбрасывают тень к югу, отчего некоторые называют их и круготенными. Все же сие бывает, когда солнце переходит уже в северную часть. А из сего можно заключать, какое разгорячение в воздухе бывает от солнечного луча и какие производятся сим явления. Наступающее у нас за сим осеннее время года ослабляет излишний жар и, постепенно уменьшая теплоту посредством растворения, безвредно вводит нас за собою в зиму, между тем как солнце из северных стран переходит опять в южные. Сии-то круговращения годовых времен, следующие за движениями солнца, распоряжаются и нашею жизнью.

Но сказано, и *для... дней*, не для того, чтобы производить дни, но чтобы начальствовать над днями. Ибо день и ночь были до сотворения светил. Это показывает нам и Псалом, говоря: поставил *солнце - для управления днем... луну и звезды - для управления ночью* (Пс. 135, 8-9). Как же солнце имеет власть над днем? Оно носит в себе свет и, как скоро восходит над нашим горизонтом, рассеив тьму, доставляет нам день. Посему не погрешит, кто даст такое определение дню: это воздух, освещенный солнцем; или: день есть мера времени, в которую солнце пребывает в полушарии над землею.

Но солнцу и луне повелено быть также и *для... годов*. Луна, совершив двенадцатикратное свое течение, исполняет год, кроме случаев, в которых, для точного совпадения годовых времен, бывает нередко нужен дополнительный месяц. Так изменяли год в Ветхом Завете евреи и древнейшие из эллинов. Солнечный же год есть возвращение солнца, вследствие собственного его движения, из известного знака в тот же самый знак.

И создал Бог два светила великие (Быт. 1, 16). Слово *великий* имеет иногда отрешенный смысл; например: великое небо, великая земля, великое море; а во многих случаях употребляется сравнительно с другим, например: великий конь и великий вол, ибо подобные сим вещи свидетельство о своей величине заимствуют не от чрезмерной громадности тела, но от сравнения с чем-либо подобным. Посему в каком смысле возьмем здесь великое? В таковом ли же, в каком муравья, или иное что по природе малое, называем великим, свидетельствуя о превосходстве по сличению с однородным? Или возьмем теперь великое так, что величина оказывается в собственном устройстве светил? Я полагаю последнее. Светила сии велики не потому, что они больше меньших звезд, но потому, что имеют объем, достаточный к тому, чтобы изливаемыми из них лучами осиявать небо и воздух и вдруг распростираться по всей земле и морю. В какой части неба ни бывают они, восходят ли и заходят или занимают средину неба, отовсюду представляются людям равными; а сие служит ясным доказательством чрезмерной их величины, пред которою широта земли ничего не значит и не может сделать, чтобы они показались большими или меньшими. Ибо предметы, далеко отстоящие, видим несколько меньшими, и чем более к ним приближаемся, тем большею находим величину их. Но в рассуждении солнца никто ни ближе, ни дальше; а напротив того, обитателям всех частей земли представляется оно в равном расстоянии. Доказательством же сему то, что и инды и британцы видят его равным.

Ибо для живущих на востоке не убывает оно в величине по захождении, и для живущих на западе не кажется меньшим при восхождении и, находясь в середине неба, не переменяет своего вида для тех или других.

Ты не обманывайся видимостью, и из того, что солнце для смотрящих представляется величиною в локоть, не заключай, что такова действительная его величина. Ибо на больших расстояниях величина видимых предметов обыкновенно сокращается, потому что сила зрения оказывается недостаточною пробежать разделяющее пространство, но как бы поглощается средою и только малою своею частью приражается к видимым предметам. Посему зрение наше, сделавшись малым, заставляет почитать малыми и видимые предметы, перенося на них собственный свой недостаток. А если зрение обманывается, то и суд его неверен. Припомни о собственных своих ошибках, и сам в себе будешь иметь подтверждение сказанного. Если ты сматривал когда-нибудь с вершины высокой горы на обширную и низкую равнину - какими представлялись тебе пары запряженных волов? Каковы были сами земледельцы? Не казались ли они тебе в виде муравьев? И если с башни, обращенной к великому морю, простирал ты взоры вдоль морской поверхности - как великими почитал ты самые большие острова? И каким казался тебе один из грузных кораблей на белых парусах, плывущий по лазоревому морю? Не представлялся ли он тебе по виду менее всякого голубя? Посему, как сказал я, поглощаемое воздухом зрение, сделавшись слабым, недостаточно к точному представлению видимых предметов. Так и величайшие из гор, прорезанные глубокими пропастями, зрение признает повсюду выпуклыми и гладкими, потому что приражается к одним выдавшимся местам, а в находящиеся между ними впадины, по слабости своей, проникать не может. Посему и очертания тел не сохраняет зрение таким, каково оно действительно, а, напротив того, четверугольные башни почитает круглыми. Таким образом, из всего видно, что зрение на весьма больших расстояниях получает представление о телах не совершенное, но слитное. А следственно небесное светило, согласно с свидетельством Писания, велико и до бесконечности больше, нежели каким представляется.

Но ясным также признаком величины солнечной может служить для тебя и следующее. Хотя звезд на небе бесчисленное множество, однако же совокупного их света недостаточно к тому, чтобы рассеять сумрачность ночи. Но одно солнце, явившееся на горизонте или даже только еще ожидаемое, не успеет стать совершенно над землею, как уже и тьма исчезла, и звезды им помрачены, и воздух, дотоле сгущенный и сжатый около земли, разжижается и делается текучим. От сего бывают утренние ветры, и росы увлажняют землю в ясную погоду. Но при какой величине земли, как могло бы солнце в одно мгновение времени осветить всю ее, если бы не из великого круга посылало лучи свои. Из сего познай премудрость Художника, Который солнцу дал теплоту, соразмерную такому расстоянию. Жар солнца таков, что не пожигает земли чрезмерностью и не оставляет ее, по причине недостатка жара, охлажденною и бесплодною.

И о луне представляй нечто подобное сказанному о солнце. И ее тело велико и после солнца самое светлое. Впрочем, величина ее не всегда пребывает видимою, а, напротив того, является то полною, в виде круга, то не достигающею до полного круга и уменьшенною, показывающею остаток той или другой своей части. Ибо луна одною своей частью помрачается, когда возрастает, а другая ее часть закрывается во время ущерба. И премудрый Создатель имел какую-нибудь тайную причину сего разнообразного изменения видов луны.

Может быть, нам хотел Он дать явственный образец нашего естества, что ничто человеческое не постоянно, но иное из небытия приходит в совершенство, а другое, достигнув своей зрелости и возросши до наибольшей своей меры, чрез постепенные убавления истощается и утрачивается и, уменьшаясь, истребляется. Посему, взирая на луну, можем познать самих себя и, составив себе понятие о скорой превратности всего человеческого, не думать высоко о благоденствии жизни, не восхищаться своим могуществом, не превозноситься неверным богатством, презирать плоть, которой свойственна изменяемость, иметь же попечение о душе, которой благо непоколебимо. Если тебя огорчает луна, при постепенных уменьшениях теряющая свет, то пусть еще более

огорчает тебя душа, которая стяжала добродетель и по нерадению обращает в ничто свою доброту, никогда не остается в том же расположении, но, по неосновательности мыслей, непрестанно обращается туда и сюда, и изменяется. Ибо действительно, по сказанному, **безумный изменяется, как луна** (Сир. 27, 11).

Но думаю, что лунные перемены имеют немалое влияние на устройство животных и на прочие земные произведения. Ибо иное состояние тел, когда луна убывает, и иное, когда она возрастает. Но если с ущербом луны делаются они тонки и тощи, то, при возрастании луны и приближении ее к полноте, и тела опять полнеют; потому что луна неприметным образом сообщает им какую-то влажность, растворенную с теплотою и проникающую во внутренность. Доказывают же сие те, которые спят на лунном свете, и у которых головные пустоты наполняются излишнею влагой, а также мяса недавно убитых животных, которые от падения на них лунных лучей скоро портятся, и еще: мозги животных, влажность животных морских и сердцевины дерев. Но всего этого луна не могла бы изменять вместе с своим изменением, если бы в ней, согласно со свидетельством Писания, не было чего-то особенного и превосходного по силе.

Но и видоизменения в воздухе бывают согласны с переменами луны, как свидетельствуют нередко после тихой и ясной погоды случающиеся у нас при новолунии бури от движения и взаимного столкновения облаков, также обратные течения еврипов, прилив и отлив в так называемом океане, по замечанию прибрежных жителей в точности следующий времени лунных кругообращений. Ибо еврипы при прочих видах луны текут в ту и другую сторону, а во время рождения ни на минуту не остаются в покое, но находятся в волнении и непрестанном колебании, пока луна, сделавшись опять видимою, не введет некоторой последовательности в обратных течениях. А западное море подвержено отливам и приливам то убывая, то опять прибывая, как будто бы луна своими выдыханиями отвлекает его назад, и опять своими же выдыханиями гонит до свойственной ему высоты.

Сие сказано мною в доказательство величины светил и в подтверждение, что в Богодухновенных словах нет ничего напрасно сказанного даже и до единого слова, хотя наше слово и не коснулось почти ничего главного. Ибо о величинах и расстояниях солнца и луны можно многое найти посредством умозаключений, если кто не поверхностно рассмотрит их действия и силы. И нам должно искренно признаться в своей немощи, чтобы кто не стал нашим словом измерять величайших созданий, а, напротив того, из немногочисленных нами сказанного сам вывел заключение о том, сколь многое нами опущено и как оно важно.

Посему измеряй луну не глазом, но рассудком, который при открытии истины гораздо вернее глаз. Повсюду распространились смешные какие-то басни - бред пьяных старух, будто бы луна, сдвинутая со своего основания какими-то чародействами, низводится на землю. Каким же образом наговоры чародеев подвигнут ту, которую основал Сам Вышний? Да и где поместится она, сведенная с неба?

Хочешь ли из малых признаков заимствовать доказательство об ее величине? Города, наиболее отстоящие один от другого во вселенной, все равно принимают лунный свет на стогны свои, обращенные к востоку. Но если бы луна не была всем прямо противоположна, то она, без сомнения, освещала бы узкие улицы, на одной прямой с ней лежащие, а в улицы, выходящие из ее широты, бросала бы наклоненные лучи, идущие наискось. Это можно видеть на светильниках, зажигаемых в домах. Когда около светильника стоят многие, тень стоящего на одной с ним прямой лежит прямо, а прочие тени уклоняются в ту или другую сторону. Посему если бы лунное тело не было огромно и не имело превосходной величины, то не находилось бы одинаково против всех. Ибо когда луна восходит в местах равноденственных, одинаково видят ее живущие в холодном поясе под кругом Медведицы и жители жаркого пояса, вдавшегося на полдень. Ко всем им обращена она прямо своею широтою, и тем дает самое ясное свидетельство о своей величине. Кто же будет еще спорить, что тело ее весьма велико, как равняющееся вдруг столь многим предметам и на таких больших расстояниях? И сего довольно о величине солнца и луны.

Но Даровавший нам разумение, чтобы и из малейших творений познавать великую мудрость Художника, да подаст силы из великих тварей приобрести еще большие понятия о

Творце - хотя в сравнении с Создателем и солнце и луна не более муравья и мошки. Ибо из них нельзя заимствовать такого умозрения, которое было бы достойно величия Бога всяческих, но могут они возводить нас только к малым некоторым и неясным представлениям, равно как и каждое из самых малых животных или былий. Удовольствуемся сказанным, и возблагодарим: я - Даровавшего мне сие малое служение слова, а вы - Питающего духовными брашнями. Он и ныне напитал вас малоценностью моей речи, как бы ячменным каким хлебом, и да питает всегда, по мере веры подавая вам **явление Духа** (1 Кор. 12, 7), о Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Примечания:

[1] Свет и светлое тело.

Беседа 7. О пресмыкающихся

И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной (Быт. 1, 20). По сотворении светил наполняются и воды животными, чтобы и эта область была украшена. Земля получила уже украшение в свойственных ей произрастениях; и небо имело также цветы свои - звезды, и, как бы два ока, украшала его чета великих светил: оставалось и водам дать приличное украшение. Вышло повеление - и тотчас реки производят, и озера рождают свойственные себе и естественные породы, и море чревоболезнует всякого вида плавающими животными. Где только ни была вода: в болотах и тинистых местах, - она не остается бездейственной и не участвующею в размножении тварей. Ибо нет сомнения, что из воды воскипели жабы, мошки и комары. Видимое ныне служит доказательством и прошедшего. Так, всякая вода спешила исполнить Зиждителя: деятельная и самодвижная жизнь тварей, которых породы даже неисчислимы, немедленно явлена великою и неизреченною Божией силою, потому что повелением Божиим сообщена водам способность живорождать.

Да произведет вода пресмыкающихся, душу живую. Теперь в первый раз создается животное одушевленное и одаренное чувством. Ибо растения и деревья, хотя им приписывается жизнь как имеющим питательную и растительную силу, - еще не животные и не одушевленные твари. Для сего-то **да произведет вода пресмыкающихся**. Все плавающее, плавает ли по поверхности вод или рассекает водные глубины, принадлежит к природе пресмыкающихся, потому что влачит тело по воде. Хотя некоторые из водяных животных имеют ноги и могут ходить (особенно таковы многие из водоземных, как-то: тюлени, крокодилы, бегемоты, жабы и раки), но им свойственнее плавать. Посему **да произведет вода пресмыкающихся**. Какая порода опущена в сих немногих словах? Что не включается в этом зиждительном повелении? Не включаются ли живородящие, каковы: тюлени, дельфины, гнуси и подобные им так называемые хрящеватые рыбы? Не включаются ли мечущие икру, каковы почти все породы рыб твердочешуйных и мягкочешуйных, снабженных перьями и не снабженных ими? Глас повеления краток, или лучше сказать, это не глас, а только мановение и устремление воли, но мысль, заключающаяся в повелении, столько же многообъемлюща, сколько есть различий и сходств у рыб, которых всех описать подробно то же значит, что и счесть морские волны или попытаться ладонью вымерять воду в море.

Да произведет вода пресмыкающихся. В числе их находятся и морские, и прибрежные, и водящиеся в глубинах, и живущие на камнях, плавающие стадами и поодиночке, киты, огромные и мелкие рыбы. От той же силы, от одинакового повеления получает бытие и великое и малое.

Да произведет вода. Сим показано тебе, что плавающие животные имеют естественное сродство с водою; почему рыбы, ненадолго разлученные с водою, умирают, ибо не имеют дыхания, чтобы втягивать в себя этот воздух. Но что для земных животных воздух, то для породы плавающих вода. Причина сему очевидна. В нас есть легкое, наполненное пустотами

и скважинами, и грудобрюшня, которая, чрез расширение груди принимая в себя воздух, проветривает и прохлаждает внутренний жар, а у них расширение и сжатие жабр, принимающих и выпускающих воду, заступает место дыхания. У рыб собственное свое назначение, собственная своя природа, отдельная пища, своеобразная жизнь. Поэтому ни одно из плавающих животных не может сделаться ручным и вообще терпеть прикосновения руки человеческой.

Да произведет вода пресмыкающихся, душу живую... по роду. Теперь повелевает произойти начаткам каждой породы и как бы некоторым семенам естества, а множество живых тварей сокрыто в последующем преемстве, когда нужно им будет расти и множиться. К иному роду принадлежат так называемые черепокожные, например: раковины, гребенки, морские улитки, веретенки и тысячи разнообразных устриц. Иной опять кроме сего род составляют так именуемые мягкочерепные: крабы, раки и тому подобное. К иному сверх сего роду принадлежат так названные слизняки, имеющие плоть мягкую и губчатую: полипы, каракатицы и им подобные. И между сими опять есть бесчисленные различия: ибо драконы, мурены, угри, которые водятся в илистых реках и озерах, по сходству природы своей приближаются более к ядовитым пресмыкающимся, нежели к рыбам. Иной род мечущих икру, и иной - живородящих. Живых детей рождают вьюны и мокрицы, и вообще животные, так называемые хрящеватые. Живородящие суть: большая часть китов, дельфины и тюлени, о которых рассказывают, что они новорожденных детей своих, чем-нибудь испуганных, приняв опять в чрево, прячут там.

Да произведет вода... по роду. Иной род составляют киты, и иной - мелкие рыбы. И опять, между рыбами есть бесчисленные разности, различаемые по родам: у них и имена свои, и пища несходная, и наружность, и величина, и качество плоти - все разделено между собою, имеет весьма великие разности и относится к различным видам. Кто из наблюдавших свойства рыб в состоянии перечислить нам разности пород? Хотя они говорят о себе, что в великих стадах рыб могут определять даже число, однако же кто из состарившихся на взморьях и берегах может рассказать нам подробную историю всех рыб? Иные породы известны рыболовам Индийского моря, иные - рыбным промышленникам Египетского залива, иные - островитянам, иные - маврузиям [1]. Но все, и малое и великое, одинаково произведено оным первым повелением, оною неизреченною силою. Много несходств в образе жизни, много разностей и в расположении каждой породы. Большая часть рыб не насиживают яиц, как птицы, не вьют гнезд, не вскармливают с трудом детей своих, но вода, приняв выметанную икру, производит из нее животное. И у каждой породы способ расплождения неизменен и бывает без смешения с другою природою. Невозможно такое же расплождение рыб, как распложаются лошаки на суше, или невозможны такие же совокупления, какие бывают у некоторых птиц, производящих от себя смешанные породы. Между рыбами нет вооруженных зубами вполонину, как у нас вол и овца, ибо ни одна из них не имеет жевания, исключая разве скара, о котором сие рассказывают. Но все рыбы снабжены весьма частыми и острыми зубами, чтобы пища при продолжительном жевании не растекалась; ибо, если бы не скоро была раздробляема и передаваема чреву, то во время самого измельчения могла бы уносима быть водою.

Пища же различным рыбам определена различная, по роду каждой. Одни питаются илом, другие поростами, иные довольствуются травами, растущими в воде, большая же часть пожирает друг друга, и меньшая из них служит пищею большей. Иногда случается, что овладевшая меньшею себя делается добычею другой, и обе переходят в одно чрево последней. Что же иное делаем и мы люди, угнетая низших? Чем различается от сей последней рыбы, кто по ненасытому богатолюбию во всепоглощающие недра своего лихоимства сокрывает бессильных? Он овладел достоянием нищего, а ты, уловив его самого, сделал частью своего стяжания. Ты оказался несправедливее несправедливых и любостяжательнее любостяжательного. Смотри, чтобы и тебя не постиг одинаковый конец с рыбами - уда, верша или сеть. Без сомнения же и мы, совершив много неправд, не избегнем последнего наказания.

Примечая уже и в слабом животном много хитрости и лукавства, желаю, чтобы ты избегал подражания делающим зло. Рак жаден до мяса устрицы, но ему трудно поймать эту добычу, у которой оболочкою череп. Ибо сама природа несокрушимым оплотом обезопасила нежную плоть устрицы, почему и называется она черепоконной. И поелику две вогнутые раковины, плотно приложенные одна к другой, совершенно закрывают устрицу, то клещи рака по необходимости остаются недействительными. Что же он делает? Как скоро видит, что устрица в безветренном месте с наслаждением греется и открывает половинки своего черепа солнечным лучам, не приметно вбросив в них камень, препятствует закрыться и овладевает добычею, недостаток силы заменив выдумкою. Такая злоумышленность животных, не одаренных ни разумом, ни словом! А я хочу, чтобы ты, подражающий уменью и ловкости раков снискивать пищу, удерживался от вреда ближним. Таков тот, кто с коварством приходит к брату, содействует невзгодам ближнего, увеселяется чужими бедами. Бегай того, чтобы подражать людям предосудительным; довольствуйся собственным. Нищета, при истинном самодовольстве, для целомудренных предпочтительнее всякого наслаждения.

Не могу умолчать о лукавстве и вороватости полипа, который всякий раз принимает цвет камня, к которому легко пристаёт; почему многие рыбы, без опасения плавая, приближаются к полипу, точно как к камню, и делаются готовою добычею хитреца. Таковы нравом те, которые угождают всякой преобладающей власти, каждый раз сообразуются с обстоятельствами, не держатся постоянно одного и того же намерения, удобно делаются то тем, то другим: с целомудренными уважают целомудрие, с невоздержными невоздержны, в угодность всякому переменяют расположения. От таких людей нелегко уклониться и спастись от наносимого ими вреда, потому что задуманное ими лукавство глубоко закрыто личиною дружбы. Людей такого нрава Господь называет волками хищными, которые являются во одеждах овчих (Мф. 7, 15). Бегай на все изворотливого и многоличного нрава, помогайся истине, искренности и простоты. Змея пестровидна, за то и осуждена пресмыкаться. Праведник не лукав, как Иаков (Быт. 25, 27). Посему **Бог вселяет единомышленных (с Ним) в дом** (Пс. 67, 7).

Это море великое и пространное: там пресмыкающиеся, которым нет числа, животные малые с большими (Пс. 103, 25). Однако же у них есть мудрый и благоустроенный порядок. Мы не осуждать только должны рыб; у них есть нечто и достойное подражания. Каким образом каждая порода рыб, получив в удел удобную для себя страну, не делает нашествий на другие породы, но живет в собственных своих пределах? Ни один землемер не отводил им жилищ, они не ограждены стенами, не отделены рубежами, но бесспорно каждой породе уступлено полезное. Один залив прокармливает такие породы рыб, а другой - другие; во множестве водящиеся здесь рыбы редки в других местах. Не разделяет гора, возносящая острые вершины, не пересекает перехода река; но есть какой-то закон природы, который равно и правдиво, сообразно с потребностями каждой породы, распределяет им места жительства. Но мы не таковы. Из чего сие видно? Из того, что **передвигаем между давнюю, которую провели отцы наши** (Притч. 22, 28). Перерезываем землю, **прибавляем дом к дому... поле к полю, так что другим не остается места** (Ис. 5, 8). Киты знают определенное им природою местопребывание: они заняли море, лежащее вне обитаемых стран, не имеющее островов, за которым нет уже никакой твердой земли; почему оно не кораблеходно: ни любопытство, ни какая-либо нужда не побуждает пловцов пускаться в него. Сие-то море заняв, киты, величиною, как сказывают самовидцы, уподобляющиеся величайшим горам, пребывают в собственных своих пределах, не делая вреда ни островам, ни приморским городам. Так, каждая порода поселяется в назначенных ей частях моря как бы в городах, или селах, или древних родовых отчинах.

А есть и переходные рыбы. Они, как бы по общему совещанию собравшись на переселение, все отправляются под одним знаменем. Ибо как скоро наступит определенное для них время чадородия, поднявшись из разных заливов и побуждаемые общим законом природы, спешают в северное море. Во время сего восхождения увидишь рыб, соединенных как бы в один поток и текущих чрез Пропонтиду в Эвксинский Понт. Кто же их

движет? Какое царское повеление, какие указы, прибитые на площади, извещают о наступившем сроке? Кто у них проводники? Видишь, как Божие распоряжение все заменяет собою и доходит до самых малых тварей!

Рыба не прекословит Божию закону, а мы, человеки, не соблюдаем спасительных наставлений. Не презирай рыб потому, что они совершенно безгласны и неразумны, но бойся, чтобы не сделаться тебе неразумнее и рыб чрез противление постановлению Творца. Выслушай, что едва не говорят тебе рыбы своими действиями: "Мы для продолжения рода собираемся в это дальней странствование". У них нет своего разума, но есть естественный закон, крепко в них основанный и показывающий, что им делать. "Пойдем, - говорят они, - в северное море". В нем вода слаще, нежели в прочих морях, потому что солнце стоит над ним не долго и не извлекает из него лучами всего годного к питию. А сладости любят и обитатели морей, почему часто уплывают в реки и стремятся вдаль от моря. Поэтому Понт предпочитается ими прочим заливам как благоприятный к рождению и воспитанию детей. Но как скоро достаточно выполнено желаемое, опять всю толпою возвращаются они домой. И какая тому причина? Выслушаем у безмолвных. "Северное море, - говорят они, - неглубоко и, будучи открыто для сильных ветров, мало имеет берегов и убежищ, почему ветры удобно взволновывают его до самого дна, так что и глубокий песок мешают с волнами. К тому же оно зимой порою холодно, как наполняемое многими и большими реками". Посему рыбы, в известной мере насладившись им во время лета, к зиме опять спешают в теплоту глубин и в страны, лежащие под солнцем, и, избегая бушевания северных ветров, укрываются в заливах менее обуреваемых.

Видел я это, и дивился во всем Божией премудрости. Если неразумные твари догадливы и искусны в попечении о собственном своем спасении, и если рыба знает, что ей избрать и чего ей бегать, что скажем мы, отличенные разумом, наставленные законом, побужденные обетованиями, умудренные Духом, и при всем том распоряжающиеся своими делами неразумнее рыб? Ибо они умеют промышлять несколько о будущем, а мы, отринув надежду на будущее, губим жизнь в скотском сластолюбии.

Рыба меняет столько морей, чтобы найти какое-нибудь удобство; что же скажешь ты, провождающий жизнь в праздности? Праздность - начало злых дел. Никто да не извиняется неведением. В нас вложен природный разум, который учит присвоить себе доброе, а удалять от себя вредное.

Но перестану представлять в пример морских обитателей, потому что они подлежат нашему рассмотрению. Слышал я от одного приморского жителя, что морской еж, животное, конечно, малое и презренное, часто дает знать пловцам о тишине и буре. Когда предчувствует он волнение от ветров, взоидя на какой-нибудь значительный камень, на нем, как на якоре, с твердостью выносит бурю, потому что тяжесть камня препятствует увлечь его волнам. И как скоро мореходцы усматривают этот признак, знают, что надобно ожидать сильного движения ветров. Никакой звездочет, никакой халдей, предугадывающий по восхождению звезд волнения в воздухе, не учил сему ежа, но Господь моря и ветров и в малом животном положил ясные следы великой Своей премудрости. У Бога ничто не оставлено без промышления и попечения: все назирает сие недремленное Око, всему Оно присуще, предустроя спасение каждой твари. Ежели и ежа не исключил Бог из Своего надзора, то как не надзирать Ему за твоею жизнью?

Мужья, любите своих жен (Еф. 5, 25), хотя вы чужды были друг другу, когда вступали в брачное общение! Сей узел естества, сие иго, возложенное с благословением, да будут единением для вас, бывших далекими! Ехидна, самая лютая из пресмыкающихся, для брака сходится с морскою муреною и, свистом извещая о своем приближении, вызывает ее из глубин для супружеского объятия. И она слушается и вступает в соединение с ядовитой ехидной. К чему клонится сия речь? К тому, что если и суров, если и дик нравом сожитель, супруга должна переносить это и ни под каким предлогом не соглашаться на расторжение союза. Он буен? Но муж. Он пьяница? Но соединен по естеству. Он груб и своенравен? Но твой уже член и даже драгоценнейший из членов.

Да выслушает и муж приличное ему наставление! Ехидна, уважая брак, предварительно извергает свой яд; ужели же ты из уважения к союзу не отложишь жестокосердия и бесчеловечия? Но пример ехидны, может быть, и иначе послужит нам в пользу, потому что соединение ехидны с муреною есть некоторое прелюбодеяние в природе. Да вразумятся же те, которые посягают на чужое брачное ложе; какому пресмыкающемуся уподобляются они? У меня одна цель - все обращать в назидание Церкви. Да укротятся страсти невоздержных - обуздываемые примерами, взятыми с суши и моря.

Здесь принуждают меня положить конец слову и телесная немощь и вечернее время, хотя для любителей слушания и мог бы я присовокупить еще много достоудивительного о морских произведениях, самом море: как вода отвердевает в соль; как многоценный камень коралл в море бывает травой, а когда вынесен на воздух, получает твердость камня; откуда природа в самое малоценное животное - устрицу - вложила драгоценный бисер. Чего домогаются царские сокровищницы, то рассыпано на взморьях при берегах, около диких камней, и лежит в оболочках устриц. Из чего морские перья [2] возвращают золотую волну, цвету который доселе не умел подражать ни один красильщик? Из чего улитки дарят царям порфиры, которые доброцветностью превзошли и полевые цветы?

Да произведут воды. И что ж из необходимого не произведено ими? Что из многоценного не даровано жизни? Одно сотворено на службу человекам, а другое для того, чтобы он созерцал чудеса творения; иное же для нас страшно, чтобы вразумлять нашу нерадивость.

Сотворил Бог рыб больших [3] (Быт. 1, 21). Великими названы они не потому, что больше, нежели сквилла и мена [4], но потому, что огромностью тел равняются с самыми великими горами, а иногда кажутся островами, если всплывают на поверхность воды. И они при такой величине не у берегов водятся и не на взморьях, но живут в так называемом Атлантическом море. Таковы животные, созданные нам в страх и в ужас. Но если слышишь, что малейшая рыбка прилпуша останавливает величайшие корабли, при благополучном ветре несущиеся на полных парусах, и что она долгое время держит корабль неподвижным, как будто бы им среди самого моря пущены корни, то и в этой малой рыбке не имеешь ли такого же доказательства о могуществе Творца? Ибо не только мечи, пилы, акулы, балены и молотки рыбы страшны, но не менее страшны - жала рыбы пилохвоста, даже мертвой, и рыба пинагорь, потому что они приносят скорую и неизбежную гибель. Таким образом, Творец всем хочет приучить тебя к бдительности, чтобы ты, в надежде на Бога, избегал причиняемого ими вреда.

Но, спасшись из глубин, прибегнем на твердую землю. Ибо чудеса мироздания, одно за другим подавляя нас собою, как бы подобно волнам, частыми и непрерывными притоками держали слово ваше погруженным в водах; хотя для меня и то будет удивительно, если мысль наша не встретит на твердой земле еще больших чудес и, по примеру Ионы, не побежит опять к морю. Но мне кажется, что слово мое, увлекшись тысячами чудес, забыло соразмерность и подверглось одной участи с плавающими по морю, которые, не имея неизменных знаков к измерению своего движения, часто не знают, далеко ли уплыли. То же, кажется мне, случилось и с нами: пока слово обтекало творение, мы и не почувствовали множества нами сказанного. Но хотя честное сие собрание и имеет охоту к слушанию, и для слуха рабов приятно повествование о чудесах Владычных, однако же здесь введя слово в пристань, подождем дня, чтобы пересказать остальное. Восстанем же все, возблагодарим за сказанное и помолимся об исполнении оставшегося. Да будет у вас и во время принятия пицы предметом застольных бесед как то, чего коснулось слово утром, так и то, что излагало оно вечером; в мыслях о сем застигнутые сном, и почивая, да насладитесь дневным веселием, чтобы можно было сказать вам о себе: *я сплю, а сердце мое бодрствует* (Песн. 5, 2), день и ночь поучаясь в законе Господа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Примечания:

[1] Жителям Мавритании.

[2] Так называются раковины, в которых заключающиеся животные выпускают из себя шелк.

[3] В церк.-слав. Библии - *киты великии* (Ред.).

[4] Породы морских раков.

Беседа 8. О птицах

И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так (Быт. 1, 24). Вышло повеление, следовавшее по порядку, и земля получила свойственное ей украшение. Там сказано: **да произведет вода пресмыкающихся, душу живую**; здесь: **произведет земля душу живую**. Ужели земля одушевлена? И правы суетумудрые манихеи, которые и в землю влагают душу? Когда сказал: **да произведет**, не значит, что земля износит уже находившееся в ней; но Давший поведение даровал земле и силу произвести. Ибо когда земля услышала: **да произрастит зелень, траву... и дерево плодовитое**, не сокрытую какую-нибудь в ней траву извела из себя, не таившиеся где-нибудь внизу в недрах ее пальмы, или дуб, или кипарис пустила на свою поверхность, но Божие слово созидает естество тварей. **Да произрастит земля**, да изринет не то, что имеет, но да приобретает то, чего не имеет, поскольку Бог дарует силу действовать. Так и теперь: **да произведет земля душу**, не ту, которая уже в ней, но ту, которая дана ей Богом чрез самое сие повеление. Притом, учение манихеев само собою обращается против них. Ибо если земля извела душу, то себя оставила она уже лишенную души. Но мерзость их учения сама собою очевидна.

Почему, однако же, водам повелено извести пресмыкающихся, душ живых, а земле - душу живую? Потому как рассуждаем, что естество плавающих причастно невидимому, жизни менее совершенной, по самому обитанию своему в грубой воде. И слух у них тяжел, и видят они тупо, потому что смотрят сквозь воду; у них нет ни памяти, ни представления, ни понятия о свычке. Посему слово как бы показывает, что в водных животных плотская жизнь управляет душевными движениями: а в животных, живущих на суше, так как жизнь в них совершеннее, все владычество вручено душе. У большей части четвероногих чувства больше уяснены, представления настоящего изошрены, памятование прошедшего подробно. Посему, как кажется, в водных сотворены одушевленные тела (ибо пресмыкающиеся изведены из воды), в живущих же на суше повелено произойти душе, управляющей телом, чтобы обитающие на земле несколько более причастны были жизненной силы. Ибо хотя и живущие на суше животные бессловесны, однако же каждое из них естественным своим голосом выражает многие их душевные состояния, ибо и радость, и скорбь, и знание привычного, и недостаток пищи, и разлуку с пасущимися вместе и другие многие состояния оно обнаруживает звуком. Водные же животные не только безгласны, но не могут быть ни укрощаемы, ни обучаемы, и ко всякому общению в жизни с людьми неподручны. **Вол знает владетеля своего, и осел ясли господина своего** (Ис. 1, 3), но рыба не может знать того, что ее кормит. Осел знает привычный голос, знает дорогу, по которой много раз ходил, а иногда бывает путеказателем и человеку, сбившемуся с дороги; такой же остроты слуха, какая у сего животного, говорят, не имеет ни одно из живущих на суше животных. Какое из морских животных могло бы подражать памятозлобию верблюда, его гневливости и продолжительности гнева? Верблюд, если давно когда-нибудь ударен, долгое время таит гнев; как скоро улучшает удобный случай, отмщает за обиду. Слышите, жестокосердые, старающиеся укоренить в себе как добродетель памятозлобие, кому вы подобны, когда огорчение на ближнего, как искру, сокрытую в пепле, храните в себе до тех пор, как получив предлог, подобно пламени, распалаете гнев?

Да произведет земля душу живую. Для чего земля изводит душу живу? Чтобы ты знал различие между душою скота и душою человека. Вскоре узнаешь, как сотворена душа человеческая, а теперь слушай о душе бессловесных. Поелику, по Писанию, **душа тела в крови** (Лев. 17, 11), а сгустившаяся кровь обыкновенно обращается в плоть и истлевшая

плоть разлагается в землю, то, по всей справедливости, душа скотов есть нечто земное. Итак, **да произведет земля душу живую**. Рассмотрим связь души с кровью, крови - с плотью, плоти - с землею, и опять в обратном порядке переходим от земли к плоти, от плоти к крови, от крови к душе, и ты найдешь, что душа скотов есть земля. Не думай, что она старше телесного их состава и что она пребывает по разрушению тела. Убегай бредней угрюмых философов, которые не стыдятся почитать свою душу и душу пса однородными между собою и говорят о себе, что они были некогда и женами, и деревьями, и морскими рыбами. А я хотя не скажу, бывали ли они когда рыбами, однако же со всем усилением готов утверждать, что когда писали сие, были бессмысленнее рыб.

Да произведет земля душу живую. Для чего, при обильном течении слова, молчал я немалое время, удивляются, может быть, многие. Но внимательнейшим из слушателей, конечно, неизвестна причина, по которой прервана речь. Из чего же сие видно? Из того, что они, взглядывая друг на друга и подавая друг другу знаки, обратили на себя мое внимание и привели меня на мысль опущенное мною. Ибо целый ряд тварей, и притом немаловажный, укрылся от нас, и слово наше едва не простерлось далее, оставив его вовсе неисследованным.

Да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной (Быт. 1, 20). Говорили мы о плавающих, сколько позволило вечернее время, а сегодня перешли к исследованию живущих на суше: но забыты нами птицы, занимающие средину между теми и другими. Посему, по примеру забывчивых путешественников, которые, не захватив чего-либо важного, хотя и много уже прошли пути, опять возвращаются тою же дорогой, и в этом путешествии несут достойное наказание за свою нерадивость; по сему, говорю, примеру и нам, кажется, необходимо идти назад прежним путем. Ибо опущенное нами не должно быть презрено, но составляет, как кажется, третью часть живых тварей, так как три рода животных: живущее на суше, летающее и водное.

Сказано: **да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят по тверди небесной**. Почему и птиц произвел из вод? Потому что у летающих с плавающими есть как бы некоторое сродство. Как рыбы рассекают воду, посредством движения перьев поступая вперед, а чрез обращение хвоста давая себе то поворотные, то прямые направления, так и в птицах можно видеть, что они подобным образом плавают по воздуху на крыльях. Посему, так как у тех и других одно свойство - плавать, то происхождением из вод сообщено им одно некоторое сродство, за исключением, что нет ни одной птицы без ног, потому что всем доставляет пропитание земля, и все они по необходимости имеют нужду в содействии ног. И хотя хищным птицам для лова даны острия когтей, однако же прочим и в добывании пищи и других потребностях жизни необходимую услугу доставляют ноги. У немногих птиц слабые ноги, и они не способны ни ходить, ни ловить ногами добычу: таковы ласточки, которые не могут ни ходить, ни ловить ногами, и так называемые щурки [1], которым определено в пищу носящееся в воздухе. Впрочем, для ласточки летание, близкое к земле, служит вместо ног.

И у птиц есть бесчисленные различия пород: если кто станет их описывать таким же образом, как отчасти коснулись мы рассмотрения рыб, то найдет, что, хотя все имеют одно имя - птица, однако же в них много различий по величине, по виду, и цвету, и также в роде жизни, занятиях и нравах столько разнообразия между ними, что нельзя и описать. Некоторые пытались уже составить свое именованье, чтобы, по неупотребительному дотолем и новому наименованию, как по клейму, можно было распознавать свойство каждой породы. И одних птиц назвали разрезистоперыми, каковы орлы; других кожеперыми, каковы нетопыри; иных плевоперыми, каковы осы; других жесткоперыми, каковы жуки и все родящиеся в каких-то мешочках и оболочках и по разрывании своих надкрылий начинающие летать свободно. Но для нас достаточный признак к различению свойства породы - общая польза и употребительное в Писании разделение на чистых и нечистых. Итак, иная порода птиц плотоядных и иное устройство их, приличное способу их пропитания - острия когтей, загнутость клюва, полет быстрый, чтобы удобно уловлялась добыча и, растерзанная,

служила пищею ловцу. Иное устройство птиц, питающихся семенами, и иное тех, которые едят все что ни попалося. И между ними опять весьма много различий. Одни водятся стадами, исключая хищных птиц: у них нет никакой общительности кроме общения между супругами. Но тысячи других любят жизнь общественную, например, голуби, журавли, скворцы и галки. Опять и между ними у одних безначалие и как бы вольность, а другие не отказываются подчиняться вождю - как журавли. А еще есть у них и другое различие, по которому одни оседлы и туземны, другие же привыкли улетать далеко и по большей части переселяться с приближением зимы. Многие из птиц, будучи вскормлены человеком, делаются ручными и смиренными, исключая слабосильных, которые по причине чрезмерного страха и робости не терпят, чтобы их часто беспокоили, прикасаясь рукою. А некоторые из птиц любят жить с людьми и в одних с нами жилищах; иные живут на горах и любят пустыни.

Весьма большое различие составляет и свойство голоса в каждой птице. Одни из птиц говорливы и болтливы, а другие молчаливы; одни приятно поют и на разные голоса, другие совсем не имеют музыкальности в голосе и не умеют петь. Одни переимчивы или от природы имея дар подражать, или приобретая оный чрез упражнение, а другие издают однообразные и неизменные звуки. Петух горд, павлин любитель красоты; голуби и домашние куры похотливы и во всякое время предаются похоти; куропатка лукава и ревнива, хитро содействует ловцам к уловлению добычи.

Тысячи также, как сказали мы, различий в занятиях и роде жизни. Некоторые из бессловесных ведут жизнь гражданственную, поелику гражданственности свойственно, чтобы действия всех клонились к одному общему концу, как это можно видеть у пчел. Ибо у них и жилище общее, и вылет общий, и занятие у всех одно; а что всего важнее, за всякое дело принимаются под распоряжением царя и чиновника, не прежде осмеливаются вылетать на поля, как увидев царя предначавшим полет. И царь у них не по большинству голосов избирается (ибо безрассудство народа часто поставило начальником худшего), не по жребию получает власть (ибо неразумная случайность жребия нередко вручает могущество самому последнему), не по родовому преемству возводится на царство (ибо таковые от роскоши и ласкательства всего чаще бывают малосведущи и не приучены ни к какой добродетели), но от природы имеет первенство над всеми и превосходит их величиною, видом и кротостью нрава. У царя сего есть и жало, но он не употребляет его на мщение. Таковы как бы неписанные законы природы, чтобы достигшие высочайшего могущества были медлительны в наказании. Впрочем, если некоторые из пчел не последуют примеру царя, они вскоре раскисаются в своей безрассудности, потому что умирают, поражаемые жалом. Да слышат сие христиане, которые имеют заповедь, **никому не воздавайте зло за зло... но побеждай зло добром** (Рим. 12, 17-21).

Подражай особенному свойству пчелы, которая, никому не делая вреда и не портя чужого плода, составляет соты. Ибо воск, очевидно, собирает она с цветов, и мед - эту в виде росы рассеянную в цветах влажность, высасывая ртом, впускает в полости сотовых чашечек. Почему мед сначала бывает жидок, потом, стусившись от времени, достигает свойственной ему вязкости и сладости. Прекрасные и приличные похвалы восписаны пчеле в Притчах, где она названа мудрою и деятельною, ибо с таким трудолюбием собирает пищу (**ее труды**, говорят Притчи (6, 8), **употребляют во здравие и цари и простолюдины**), с такою мудростью устрояет влагаллища для меда! Растянув воск в тонкую кожицу, пчела строит из него частые и непрерывно сплоченные между собою углубления, так что непрерывность взаимной связи между самыми малейшими частями служит опорой всему. Каждый колодчик примыкает к другому, отделяясь от него, а вместе и соединяясь с ним тонкою перегородкою. Потом пещерки сии надстраиваются одна над другими в два или три ряда; потому что пчела опасается сделать одну совершенно впадину, чтобы жидкость своею тяжестью не проторглась вон. Смотри же, как изобретения геометрии приложены к делу у премудрой пчелы. Все сотовые пещерки шестиугольны и равносторонни, и не в прямой линии лежат одна над другою, чтобы дны, приходясь над пустотами, не могли проломиться, но углы

нижних шестиугольников служат основанием и опорой для верхних, чтобы безопасно поднимали на себе тяжесть, и влажность заключалась в каждой пустоте отдельно.

Как же опишу тебе в подробности все свойства птиц касательно рода жизни? Как, например, журавли по очереди содержат ночную стражу, и одни едят, а другие, ходя вокруг, доставляют им во время сна совершенную безопасность. Потом, когда исполнится срок стражи, стерегущий, вскрикнув, обращается ко сну, а другой сменяет его и отчасти вознаграждает за ту безопасность, какую сам пользовался. Такой же порядок усмотришь и в летании их. То один, то другой служит путеводителем и, определенное некоторое время летев впереди, перелетает назад и право предводительства в пути предаёт другому, за ним следующему.

А дела буселей [2] не далеки от разумного соведения. Все они в одно время прилетают в наши страны, и все как бы под одним знаменем улетают. Их окружают и сопровождают наши вороны, которые, как мне кажется, подают им некоторую помощь против неприязненных птиц. Доказательством же сему служит, во-первых, то, что около сего времени вовсе не видно ни одной вороны, а, во-вторых, и то, что вороны, возвращающиеся с ранами, носят на себе ясные знаки своего сподвижничества и ратоборства. Кто постановил у них законы странноприимства? Кто грозил им обвинением за оставление воинского строя, так что ни одна ворона не остается дома во время сопровождения? Да слышат сие негостеприимные, которые запирают двери, и даже зимой и ночью не хотят принять под кров свой пришельцев.

А заботливость буселей о состарившихся достаточна к тому, чтобы и наших детей, если только захотят внимать сему, сделать отцелюбивыми. Ибо, конечно, нет человека столь скудного благоразумием, чтобы не почел он себе за стыд быть в добродетели ниже бессловесных птиц. Бусели, обступив вокруг отца, у которого от старости вылиняли перья, согревают его своими крыльями и, обильно доставляя ему пищу, даже в летании оказывают сильную помощь, слегка поддерживая с обеих сторон своими крыльями. И это так известно всякому, что некоторые вместо: воздать за благодеяния, говорят: отбуселить.

Никто да не сетует на свою нищету, и хотя бы и ничего не оставалось в доме у него, да не отчаивается в своей жизни, смотря на замысловатость ласточки. Когда вьет она гнездо, сучья носит во рту, но грязи не может захватить ногами; посему, омочив края перьев в воде и обмазав их тонкою пылью, чрез этот способ отвращает недостаток в грязи, и мало-помалу, как клеём, слепив грязью сучья, в гнезде своем выкармливает птенцов. А если кто им выколет глаза, ласточка от природы имеет какое-то врачебное искусство и посредством оного возвращает здоровье глазам детей. Научись из сего по причине нищеты не приниматься за худые дела, и в самых тяжких злостраданиях не терять надежды и не сидеть в праздности и бездействии, но прибегать к Богу, Который, даруя столько ласточке, тем больше подаст тому, кто возопиет к Нему от всего сердца.

Есть морская птица - зимородок. Она имеет обычай вить гнездо у самых берегов, кладет яйца на песке и сидит в гнезде среди зимы, когда от частых и сильных ветров море выплескивается на сушу. Но вдруг умолкают ветры, и морская волна не движется, пока в течение семи дней зимородок сидит на яйцах: ибо во столько дней выводит он своих птенцов. Поелику же им нужна и пища, то великодаровитый Бог дал сему малейшему животному и другие семь дней на возвращение птенцов. Это знают все мореплаватели, почему и называют дни сии зимородковыми [3]. Все сие узаконено промышлением Божиим о бессловесных в научение тебе, чтобы ты просил у него нужного ко спасению. Какие чудеса не совершатся для тебя, созданного по образу Божию, когда Бог для такой малой птицы удерживает великое и страшное море, повелев ему быть тихим среди самой зимы?

Рассказывают о горлице, что она, будучи разлучена с супругом, не терпит уже общения с другим, но проводит безбрачную жизнь, в память прежнего супруга отказываясь от нового союза. Слышите, жены, как честно вдовство, и у бессловесных предпочитается неприличию многобрачия.

В воспитании детей всех несправедливее поступает орел. Выведя двух птенцов, одного из них, отталкивая ударами крыльев, сбрасывает он на землю, принимает же и усваивает себе

только другого, по трудности пропитания отринув того, которого родил. Впрочем, отринутому, как сказывают, не дает погибнуть орел костолом, но берет его и воспитывает вместе со своими птенцами. Таковы те из родителей, которые под предлогом нищеты подкидывают младенцев или не наблюдают равенства в разделе наследства детям. Ибо справедливость требует, чтобы они, как равно дали каждому бытие, так равно одинаковые доставили им способы к жизни.

Не подражай жестокости птиц, одаренных кривыми когтями, которые, как скоро видят, что птенцы их уже отваживаются летать, начинают бить и толкать их крыльями, выкидывают из гнезда и не имеют уже более никакого о них попечения. Похвально чадолюбие вороны, которая следует и за летающими уже детьми, доставляет им пищу и кормит их весьма долгое время.

Многие породы птиц для зачатия не имеют нужды в сообщении с самцами; но у других неосеменные яйца бывают бесплодны. О коршунах [4] сказывают, что они большею частью рожают детей без взаимного сообщения, и при всем том бывают весьма долговечны, ибо жизнь их часто продолжается даже до ста лет. И сей случай из истории птиц возьми себе на замечание, чтобы, когда увидишь посмеивающихся нашему таинству, будто бы невозможно и несовместно с природою родить Деве, сохранив неоскверненным свое девство, мог ты привести себе на мысль, что *благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих* (1 Кор. 1, 21) к удостоверению нас в чудесах, предварительно указал нам множество случаев в самой природе.

Да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землей, по тверди небесной. Птицам повелевается летать по земле, потому что земля доставляет всем пищу; но и по тверди небесной, потому что, как предварительно нами замечено, небом (οὐρανός), от слова οσορασυαί (быть видимым), наименован здесь воздух; но сей воздух, находящийся над нашею головою, назван также твердию, потому что он, в сравнении с эфирным телом, несколько плотнее и более сгущен от поднимающихся паров.

Итак, вот перед тобою небо украшенное, облеченная в убранство земля, море, изобилующее свойственными ему порождениями, воздух, наполненный летающими в нем птицами! Все, что Божиим повелением приведено из небытия в бытие, даже и то, чего не коснулось ныне слово, уклоняясь от должайшего замедления на сем предмете и не желая показаться преступившим меру, все сие, трудолюбец, сообразив в уме своем и во всем изучив премудрость Божию, не преставай никогда удивляться и во всякой твари славить Творца!

И во тьме ночной имеешь породы птиц, снискивающих пищу ночью, и во свете дневном другие породы летающих днем. Ибо нетопыри, совы и филины принадлежат к числу птиц, питающихся ночью. Почему, если иногда нет у тебя сна, достаточно тебе остановиться на сих пернатых и исследовать находящиеся в них свойства, чтобы возбудить себя к славословию Творца. Как неусыпен соловей, когда сидит на яйцах, во всю ночь не прекращающий пения! Как нетопырь есть вместе и четвероногое животное, и птица; как он один из птиц имеет зубы и рождает живых детей, подобно четвероногим, но плавает по воздуху, поддерживаемый не крыльями, а какою-то кожанною перепонкою! Какая взаимная любовь в сих тварях от природы! Нетопыри, наподобие цепи, сплетаются между собою и держатся один на другом, что нелегко произвести и между нами, человеками, потому что отдельное и частное для многих из нас предпочтительнее общего и совокупного. Сколько уподобляются глазам совы упражняющиеся в суетной мудрости! И у совы зрение ночью остро, но помрачается как скоро воссияет солнце; и у них весьма изошрено разумение для пустых умозрений, но омрачено к познанию истинного света.

А днем для тебя гораздо удобнее собирать отовсюду возбуждающее удивление к Создателю. Как домашняя птица будит тебя на работу, восклицая пронзительным голосом, еще издали возвещает о приближающемся солнце, рано встает с путешественниками, а земледельцев выводит на жатву! Как неусыпна порода гусей, как чутко слышат они неприметное другим! Гуси спасли некогда царственный город, дав знать о неприятелях, которые с помощью тайных подземных подкопов готовы уже были взять Римскую крепость.

В какой породе птиц природа не открывает какого-либо особенного, ей свойственного чуда? Кто предвещает коршунам смерть людей, когда они ополчаются друг против друга? Ибо увидишь, что бесчисленные стада коршунов следуют за войсками и по приготовлению оружия заключают о следствиях. А сие недалеко уже от человеческих умозаключений.

Как опишу тебе страшные полчища саранчи, которая, вдруг поднявшись под одним знаменем и расположившись станом на широте страны, не прежде касается до плодов, но когда дано ей будет повеление Божие. Как саранчу преследует селевкид [5], - это врачевство от язвы, птица, одаренная не имеющею пределов способностью пожирать, потому что человеколюбивый Бог в благодеяние людям дал ей ненасытную природу?

Какой способ пения у кузнечиков? Как они в полдень поют громче обыкновенного, чрез производимое расширением груди привлечение воздуха, который издает звук? Но кажется, что слово мое, изображая все чудесное у птиц, отстает более, нежели сколько отстал бы я, покусившись на ногах своих следовать за их быстротою.

Когда видишь между птицами так называемых насекомых, например пчел и ос (а насекомыми названы по причине каких-то на них повсюду видимых насечек), заметь, что у них нет дыхания и легкого, но всем телом принимают они в себя воздух. Почему, обмочившись в масле, они умирают от закрытия телесных скважин, но, облитые вскоре уксусом, опять оживают, потому что проходы для воздуха открываются. Бог наш ничего не создал как избыточествующего сверх потребности, так и недостатков в чем-либо нужном.

Рассматривая опять животных, любящих воду, найдешь в них другое устройство: ступни неразделенные, как у вороны, и не искривленные, как у плотоядных птиц, но широкие и перепончатые, чтобы удобно было плавать по воде и перепонками на ступнях, как веслами, раздвигать влагу. Когда заметишь, как лебедь, опуская шею в глубину, достает себе со дна пищу, и здесь откроешь премудрость Создателя, Который лебедю дал шею длиннее ног, чтобы он, запуская ее, как уду, добывал себе пищу, сокрытую в глубине.

Слова Писания, читаемые просто, состоят из нескольких кратких слогов: **птицы да полетят над землей, по тверди небесной**. Но исследуем смысл, заключающийся в словах, и тогда откроется великое чудо премудрости Создателя. Сколько различий предусмотрел Он в птицах! Как отличил между собою одинаковых породю! Как снабдил каждую птицу отличительными свойствами! Неостанет мне дня, чтобы пересказать вам воздушные чудеса. Нас призывает суша и хочет показать нам зверей, гадов и скотов, имея у себя в готовности столько же стоящее внимания, как и растения, и род плавающих, и все птицы. **Да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их**.

Что скажете вы, которые не верите Павлу об изменении при воскресении, когда видите, что многие из воздушных животных переменяют свой вид? Так рассказывают и об индийском черве рогоносце, который сначала превращается в куколку, потом со временем делается шелковичною бабочкой, но и в этом виде не остается, но окрыляется мягкими и широкими лепестками. Посему, когда сидите вы, женщины, и прядете произведение этих червей, то есть нити, какие доставляют вам сиры [6], для приготовления роскошных одежд, приводя себе на память превращение сего животного, составляйте ясное представление о воскресении, и не сомневайтесь об изменении, которое всем возвещает Павел.

Но чувствую, что слово превосходит меру; когда посмотрю на множество мною сказанного, вижу, что сим я преступил меру: но опять, когда обращаю внимание на разнообразие премудрости, явленной в тварях, мне кажется, что я еще и не начинал своей беседы. К тому же и держать вас долее не бесполезно. Ибо что стал бы иной из вас делать до вечернего времени? Вас не торопят учредители пиршеств, вас не ожидают угощения: а посему, если угодно, употребим телесный пост к увеселению душ. Часто служил ты плоти, доставляя ей наслаждения: теперь побудь в служении душе. **Утешайся Господом, и Он исполнит желания сердца твоего** (Пс. 36, 4). Если ты богатолюбив, вот тебе богатство духовное: **судьбы Господни истинны, оправданы вкупе: возжеленны паче злата и камене честна многа** (Пс. 18, 10 - 11). Если ты любитель наслаждений и удовольствий: вот тебе словеса Божии, для человека здорового духовным чувством **слаще меда и сота** (Пс. 18, 11).

Если позволю вам идти и распущу собрание, иные пойдут играть в зернь. Там клятвы, упорные споры и мучения корыстолюбия. Там стоит демон, посредством костей с точками воспламеняет бешенства; одни и те же деньги переводит и на ту, и на другую сторону, то одного возносит победой, а другого погружает в уныние, то, наоборот, последнего делает гордым, а первого покрывает стыдом. Что пользы поститься телом, когда душа наполнена тысячами зол? А кто хотя не играет в зернь, однако же время проводит в праздности, тот чего не скажет пустого? каких не услышит нелепостей? Праздность, без страха Божия, учит пороку не умеющих пользоваться временем. Итак, в сказанном мною найдется, может быть, нечто и полезное, а если нет, то по крайней мере та выгода, что, проводя время здесь, вы не грешите; а потому удерживать вас долее значит на большее время отводить вас от грехов.

Для признательного судии достаточно и сказанного, если обратит он внимание не на богатство творения, но на немощь наших сил и на то, что и сего довольно к увеселению собравшихся. Земля угощала нас своими произрастаниями, море - рыбами, воздух - птицами. И суша готова предложить нам равноценное сему. Но здесь положим конец утреннему угощению, чтобы чрезмерное пресыщение не притупило в нас вкуса к вечернему наслаждению. Исполнивший же все Своею тварию и во всем оставивший нам явственные памятники чудес Своих да исполнит сердца ваши всяким веселием духовным о Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Примечания:

[1] В подлиннике *дрепаны*, которых Плиний причисляет к безногим птицам, а по переводу Евстафия - *меропсы*.

[2] Бусель - аист (*Ред.*)

[3] Или алционическими. Это 7 дней пред зимним солнцестоянием и столько же дней после оною.

[4] Св. Василий, вероятно, понимает здесь Египетского ворона, который в Египте был символом богини-Матери и вообще женского начала Природы. О сей породе воронов египтяне думали, что в ней нет мужского пола.

[5] О том, как селевкиды преследуют и истребляют саранчу, свидетельствует Гален. Евстафий переводит *margas* (нырок).

[6] Салмазий замечает, что название *сыры* может принадлежать как шелковичным червям, так и народу, от которого стал известен первоначально шелк, а именно китайцам.

Беседа 9. О животных земных

Какою вам показалась утренняя словесная трапеза? А мне пришло на мысль уподобить свою беседу усердию какого-нибудь бедного гостеприимца, который желает прослыть богатым угодителем, но не имеет дорогих яств и досаждаст гостям, щедро нося на стол свой бедный запас, так что его радушие обращается для него в укоризну незнания приличий. Подобно несколько и мое слово, если только вы не скажете о нем иначе. Впрочем, каково бы оно ни было, вы не должны презирать его. Ибо Елисея не обвиняли за худое угощение современники его, несмотря даже на то, что он предложил друзьям похлебку с ядовитыми плодами (4 Цар. 4, 39).

Известны мне правила иносказаний, хотя не сам я изобрел их, но нашел в сочинениях других. По сим правилам, иные, принимая написанное не в общеупотребительном смысле, воду называют не водою, но каким-нибудь другим веществом, и растению и рыбе дают значение по своему усмотрению, даже бытие гадов и зверей объясняют сообразно с своими понятиями, подобно как и снотолкователи виденному в сонных мечтаниях дают толкования, согласные с собственным их намерением. А я, слыша о траве, траву и разумею: также растение, рыбу, зверя и скот, все, чем оно названо, за то и принимаю. **Не стыжусь благовествования** (Рим. 1, 16.). И поелику писавшие о мире много рассуждали о фигуре земли, что она такое: шар ли, или цилиндр, или походит на кружок, со всех сторон

одинаково обточенный, или на лоток, имеющий в середине впадину (ибо ко всем сим предположениям прибегали писавшие о мире, и каждый из них опровергал предположение другого), - то не соглашусь еще признать наше повествование о миротворении стоящим меньшего уважения потому единственно, что раб Божий Моисей не рассуждал о фигурах, не сказал, что окружность земли имеет сто восемьдесят тысяч стадий, не вымерил, на сколько простирается в воздухе земная тень, когда солнце идет под землю, и как тень сия, падая на луну, производит затмения. Если умолчал он о касающемся до нас как о бесполезном, то ужели за сие словеса Духа почту маловажнее объюродевшей мудрости? Не паче ли прославлю Того, Кто не затруднил ума нашего предметами пустыми, но устроил так, чтобы все было написано в назидание и усовершенние душ наших? Сего, кажется мне, не уразумели те, которые, по собственному своему уразумению вознамерились придать некоторую важность Писанию какими-то наведениями и приношениями. Но это значит ставить себя премудрее словес Духа и под видом толкования вводить собственные свои мысли. Посему так и будем разуметь, как написано.

Да произведет земля душу живую, и скотов, и зверей, и гадов. Представь глагол Божий, протекающий всю тварь, некогда начавшийся, донныне действенный и готовый действовать до конца, пока не скончается мир. Как шар, приведенный кем-нибудь в движение и встретивший покатость, и по своему устройству и по удобству места стремится книзу и не прежде останавливается, разве когда примет его на себя и плоскость; так и природа существ, подвигнутая одним повелением, равномерно проходит и рождающуюся и разрушающуюся тварь, сохраняя последовательность родов посредством уподобления, пока не достигнет самого конца; ибо коня делает она преемником коню, льва - льву, орла - орлу, и каждое животное, сохраняемое в следующих одно за другим преемствах, продолжает до скончания вселенной. Никакое время не повреждает и не истребляет свойств в животных. Напротив того, природа их, как недавно созданная, протекает вместе со временем.

Да произведет земля душу живую. Повеление сие соблюлось в земле, и она не престаёт служить Создателю. Одно производится чрез преемство существовавшего прежде, другое даже и ныне является живородящимся из самой земли. Ибо не только она производит кузнечиков в дождливое время и тысячи других пород пернатых, носящихся по воздуху, из которых большая часть, по малости своей, не имеют имени, но из себя же дает мышей и жаб. Около Египетских Фив, когда в жары идет много дождя, вся страна наполняется вдруг полевыми мышами. Видим, что угри не иначе образуются как из тины. Они размножаются не из яйца и не другим каким-либо способом, но из земли получают свое происхождение.

Да произведет земля душу. Скоты суть животные земные и поникли к земле; но человек - насаждение небесное, отличен сколько видом телесного состава, столько и достоинством души. Какой вид у четвероногих? Голова их наклонена к земле, смотрит на чрево и всеми мерами ищет приятного чреву. Твоя голова поднята к небу, очи твои взирают горе. Потому, хотя ты иногда бесчестишь себя плотскими страстями, работая чреву и низшему чреву, **уподобляясь скотам несмысленным** (Пс. 48, 13), однако же тебе прилично иное попечение - мыслию свою быть выше земного: **ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога** (Кол. 3, 1). А какой дан тебе вид, так располагай и своею жизнью. **Жительство** свое имей **на небесах** (Флп. 3, 20). Истинное отечество твое - горный Иерусалим; граждане и соотечественники твои - **первенцы, написанные на небесах** (Евр. 12, 23).

Да произведет земля душу живую. Итак, не из земли явилась сокрытая в ней душа бессловесных, но произошла вместе с повелением. А душа бессловесных одна, потому что один отличительный признак - бессловесие. Но каждое животное отличается различными свойствами. Вол стоек, осел ленив, конь горяч в вожделинии другого пола, волк не делается ручным, лисица лукава, олень боязлив, муравей трудолюбив, собака благодарна и памятлива в дружбе. Ибо в одно время и создано каждое животное, и придано ему особенное естественное свойство. Льву прирождены ярость, склонность к одинокой жизни и необщительность с зверьми подобного рода. Он, как царь бессловесных, по природному своему презорству, не терпит себе равных. Он не допускает до себя с вечера приготовленной

пищи, не возвращается к остаткам своей добычи. Природа дала ему такие органы голоса, что многие животные, превосходя его быстротой, нередко бывают уловлены одним его рыканием. Барс стремителен и быстр в своих нападениях. Ему дано способное к тому тело, при гибкости и легкости успевающее следовать за душевными движениями. У медведя природа неповоротлива, и нрав своеобразен, коварен, глубоко скрытен. Он облечен в такое же и тело: тяжелое, плотное, не имеющее составов, действительно приличное зверю холодному, живущему в берлоге.

Если коснемся словом той заботливости, какую сии бессловесные имеют о своей жизни, не учившись и по природе, то или сами подвигнемся к хранению себя самих и к промыслению о спасении душ, или еще более осудим себя, когда найдем, что даже в подражании и бессловесным остаемся мы позади. Медведица, когда ей нанесены самые глубокие раны, часто лечит сама себя, всеми способами затыкает язвы травой - коровьяк [1], которая имеет свойство сушить. Можешь увидеть, что и лисица лечит себя сосновой смолой. Черепаха, наевшись ехидниной плоти, избегает вреда от яда, употребив вместо противоядия душицу. И змея вылечивает больные глаза, наевшись волошского укропа.

А предузнавание воздушных перемен не помрачает ли собою даже разумного ведения? Овца пред наступлением зимы с жадностью нападает на корм, как бы наедаясь на время будущей скудости. Волы, долго запертые в продолжении зимы, с приближением весны, по естественному уже чувству узнав перемену, начинают смотреть туда, где выход из хлевов, и все, как бы по данному знаку, переменяют положение. Некоторые из трудолюбивых наблюдателей заметили, что живущий на суше еж в норе своей делает две отдушины, и если будет дуть северный ветер, закладывает отдушину с севера, и опять, когда начинает дуть южный ветер, переходит к северной отдушине.

Что же показывается чрез сие нам, человекам? Не одно то, что попечительность Создавшего нас простерлась на все, но также, что и у бессловесных есть некоторое чувство будущего: почему и мы должны не к настоящей жизни прилепляться, но иметь всякое попечение о будущем веке. Не потрудишься ли сам о себе, человек? Еще в настоящем веке не заготовишь ли нужного к успокоению в будущем, взирая на пример муравья? Он летом собирает себе пищу на зиму и не проводит времени в праздности потому, что еще не наступили зимние скорби, а напротив того, с каким-то неумолимым тщанием напрягает себя к работе, пока не вложит в свои сокровищницы достаточного количества пищи. И делает сие не с небрежением, но прилагает мудрую заботливость, чтобы пищи достало сколько можно на большее время. Он рассекает своими клещами каждое зерно пополам, чтобы оно не проросло и не сделалось негодным для употребления ему в пищу. Также просушивает зерна, когда приметит, что они отсырели, и не во всякое время рассыпает их, но когда предчувствует, что воздух будет долго находиться в ведренном состоянии. Верно, не увидишь льющегося из облаков дождя во все то время, когда рассыпан запас у муравьев.

Какого слова достаточно будет на сие? Какой слух вместит это? Достанет ли времени описать и поведать все чудеса Художника? Скажем и мы с Пророком: **яко возвеличишися дела Твоя, Господи: вся премудростию сотворил еси** (Пс. 103, 24). Посему не довольно к нашему извинению того, что не учены мы полезному по книгам, когда и не по незаученному закону природы можем избирать, что служит к нашей пользе. Знаешь, какое добро должен ты сделать ближнему? То же, какого сам себе желаешь от другого. Знаешь, что такое зло? То, чего бы сам ты не согласился потерпеть от другого. Не какое-либо искусство резать корни, не опытное изведение трав открыло бессловесным познание полезного; напротив того, каждое животное естественным образом отыскивает спасительное для него, и имеет какое-то непостижимое сродство с тем, что сообразно его природе.

И в нас есть естественные добродетели, с которыми душа имеет сродство не по человеческому научению, но по самой природе. Никакая наука не учит нас ненавидеть болезнь, но сами собою имеем отвращение ко всему, что причиняет нам скорбь: так и в душе есть какое-то не учением приобретенное уклонение от зла. Всякое же зло есть душевный недуг, а добродетель соответствует здравью. Хорошо некоторые определяли здоровье, что оно есть благоустройство естественных действий. Кто скажет то же и о благосостоянии

души, тот не погрешит против приличия. Посему душа и не учась желает свойственного ей и сообразного с ее природою. По сей-то причине для всякого похвально целомудрие, достойна одобрения справедливость, удивительно мужество, вожделенно благоразумие. Сии добродетели душе более свойственны, нежели телу здоровье.

Чада, любите отцов; родители, *не раздражайте детей ваших* (Еф. 6, 4). Не то же ли говорит и природа? Не новое что советует Павел, но скрепляет узы естества. Если львица любит рожденных ею, и волк вступает в бой за своих волчат, что скажет человек и заповедь престапующий, и природу искажающий, когда или сын не уважает старости отца, или отец, вступив во второй брак, забывает прежних детей? У бессловесных неодолима взаимная любовь между детьми и родителями, потому что создавший их Бог вознаградил в них недостаток разума избытком чувств. Почему ягненок, выскочив из хлева, среди тысячи овец знает самый цвет и голос матери, спешит к ней, ищет своих собственных источников молока? И хотя он встретит тощие матерние сосцы, довольствуется ими, пройдя мимо многих сосцов, обремененных молоком. И мать в тысяче ягнят узнает своего. Один у всех голос, и цвет тоже, и запах подобен сколько представляется нашему обонянию; но у них есть какое-то чувство, которое гораздо острее нашего представления и по которому для каждого легко распознать собственное свое.

У щенка нет еще зубов, однако же ртом защищается уже он от раздражившего. У тельца нет еще рогов, но он уже знает, где у него вырастает оружие. Все сие служит доказательством, что всяким животным природное ему не изучается и что в существах ничего нет беспорядочного и неопределенного, а напротив того, все носит на себе следы Творческой премудрости и каждое показывает в себе, что оно снабжено нужным к охранению собственного благосостояния.

Пес не одарен разумом, но имеет чувство, почти равносильное разуму. Что едва изобрели мирские мудрецы, просидев над сим большую часть жизни, - разумею хитросплетение умозаключений, - тому пес оказывается наученным от природы. Ибо, отыскивая звериный след, когда найдет что он разделился на многие ветви, обегает уклонения, ведущие туда и сюда, и тем, что делает, почти выговаривает следующее умозаключение: или сюда поворотил зверь, или сюда, или в эту сторону. Но как не пошел он ни туда, ни сюда, то остается бежать ему в эту сторону. И таким образом, чрез отрицание ложного, находит истинное. Более ли сего делают те, которые, чинно сидя над доскою и пища на пыли, из трех предложений отрицают два и в остальном находят истину?

А памятование милости в этом животном не пристыдит ли всякого неблагодарного к благодеяниям? Рассказывают, что многие псы, когда господа их были убиты в пустом месте, умирали над ними. А некоторые, вскоре по совершении убийства, служили путеводителями сыщикам убийц и достигли того, что злодеев предавали казни. Что же скажут те, которые не только не любят сотворившего и питающего их Господа, но и в числе друзей имеют глаголющих неправду на Бога, одной приобщаются с ними трапезы и при самом вкушении пищи терпят хулы на Питающего?

Но возвратимся к рассмотрению тварей. Животные, удобно уловляемые, бывают многоплоднее. Поэтому зайцы и дикие козы рожают детей помногу, а дикие овцы по двойне, чтобы не оскудел род, истребляемый плотоядными зверями. Напротив того, животные, пожирающие других, рожают детей понемногу. Посему львица едва бывает матерью и одного льва. Ибо львенок, как сказывают, сперва остриями когтей растерзывает матернюю утробу, а потом выходит на свет. И ехидны рождаются, прогрызая утробу рождающей и тем воздавая ей приличную награду. Таким образом, ни одно существо не оставлено без Промысла и ни одно не лишено надлежащего попечения.

Если станешь рассматривать и самые члены животных, найдешь, что Творец не прибавил ни одного лишнего и не отнял необходимого. Плотоядным животным придал острые зубы, ибо в таких имели они нужду по роду пищи. А которых вполнину вооружил зубами, тех снабдил многими и различными влагалищами для пищи. Поелику они с первого раза не могут достаточно разжевать пищу, дал им возможность отгрыгать поглощенное, чтобы измельченное посредством жвачки усвоилось питаемому. Желудок, предутробие,

сеточка и утроба не напрасно даны животным, у которых они есть, но каждое из сих орудий служит для необходимой потребности. У верблюда шея долга, чтобы она равнялась ногам и доставала до травы, которою кормится верблюд. Шея коротка и вдалась в плечи у медведя, у льва, у тигра и у прочих того же рода животных, потому что они питаются не травой, и им, как плотоядным и довольствующимся ловлею животных, нет нужды наклоняться к земле.

К чему хобот у слона? Великому этому животному и даже величайшему из всех живущих на суше как созданному на ужас всякому встречающемуся, надлежало быть рослым и иметь громадное тело. Если бы ему дана была большая и соразмерная с ногами шея, трудно было бы носить ее, потому что она от чрезмерной тяжести клонилась бы всегда к земле. А теперь голова соединена у слона с хребтом не многими шейными позвонками, но есть у него хобот, вознаграждающий недостаток шеи: им слон достает пищу и черпает питье. Да и ноги у него без составов и, как соединенные столбы, подпирают тяжесть тела. А если бы заменить их нежными и слабыми мышцами, то у слона часто случались бы вывихи в составах, которые были бы недостаточны к поддержанию тяжести, когда слон становится на колена или встает. Но теперь короткая надпяточная кость представлена под ногу слону, а ни в подколенье, ни в колене нет у него составов: потому что шаткость составов не выдержала бы чрезмерно громадного и зыблущегося тела, каким слон обложен. Посему нужен был этот нос, опускающийся до ног. Не видишь ли на сражениях, как слоны, подобно каким-то одушевленным башням, идут перед рядами, или, подобно плотяным холмам, в неудержимом стремлении прорывают сплоченные щиты неприятелей? А если бы нижние части у слонов не были соразмерны, не долго бы держалось это животное. Теперь же, как некоторые повествуют, слон живет триста и более лет. Посему-то ноги у него цельные и без составов. А пищу, как сказали мы, с земли вверх поднимает хобот, который по природе гибок, сжимается и разжимается наподобие змеи. Так верно слово, что в сотворенном нельзя найти ничего ни излишнего, ни недостаточного. Однако и сие столь огромное по величине животное Бог сотворил покорным человеку: когда учим его, оно понимает, и когда бьем, терпит. А сим Бог ясно научает нас, что Он все подчинил нам, потому что мы сотворены по образу Создателя.

Но не в одних только великих животных можно усматривать неисследимую премудрость; напротив того, и в самых малых легко соберешь не меньшее число чудес. Как высоким вершинам гор, которые по близости к облакам чрез непрестанное дуновение ветров сохраняют постоянную стужу, удивляюсь не более, сколько и низменным долинам, которые не только спасаются от жестокости горных ветров, но и всегда удерживают в себе теплый воздух; так и в устройстве животных не более дивлюсь слону за его величину, чем мышши, потому что она страшна и для слона; или самому тонкому жалу скорпиона, которое Художник сделал пустым, как свирель, чтобы через него вливался яд в уязвленных.

И никто не ставь в вину Творцу, что Он произвел животных ядовитых, разрушительных и враждебных нашей жизни. Иначе станет кто-нибудь винить и пестуна, что он удобоподвижность юности приводит в порядок ударами и бичами уцеломудривает продерзость. Звери делаются и доказательством веры. Веришь ли Господу, сказавшему: **на аспида и василиска наступишь, и попрать будешь льва и дракона** (Пс. 90, 13)? И по вере имеешь ты власть попить змей и скорпионов. Разве не знаешь, что ехидна, прикоснувшись к Павлу, когда он собирал хворост, не сделала ему никакого вреда, потому что Святой нашелся исполненным веры (Деян. 28, 3-6)? А если не имеешь веры, то бойся не зверя, а своего паче неверия, чрез которое сделал ты себя от всего удоборазрушаемым.

Но давно чувствую, что спрашиваете меня о сотворении человека, и, кажется, почти слышу вопиющих слушателей: мы трудимся над изучением природы принадлежащего нам, а не знаем самих себя. Итак, необходимо сказать о сем, отразив от себя удерживавшую нас доселе медленность. Ибо, в самом деле, всего кажется труднее познать самого себя. Не только глаз, рассматривающий внешнее, не может быть употреблен к рассмотрению самого себя, но и самый ум наш, проницательно усматривающий чужую погрешность, медлителен в познании собственных своих недостатков. Посему и теперь слово наше, с такою проницательностью описывавшее чуждое, слабо и медлительно к наследованию собственного, хотя к познанию Бога не столько ведет небо и земля, сколько собственное

наше устройство, если кто благоразумно испытает сам себя, как говорит Пророк: **дивно для меня ведение Твое** (Пс. 138, 6), то есть, рассмотрев самого себя, познал я превосходство Твоей премудрости.

И сказал Бог: сотворим человека (Быт. 1, 26). Где иудей, который, когда и выше, как бы чрез некоторые окна, просиявал свет Богословия, и Второе Лицо, хотя показывалось таинственно, но не являлось ясно, восставал против истины и утверждал, что Бог Сам с Собою беседует? Он говорит: Бог Сам сказал, Сам и сотворил. **Да будет свет, и стал свет.** И тогда в словах иудея легко было открыть несообразность. Ибо какой кузнец, или плотник, или сапожник, сидя один с орудиями своего ремесла, когда никто не разделяет с ним труда, скажет сам себе: сделаем нож, или сколотим плуг, или сошьем башмак? Напротив того, не молча ли он окончит требуемую от него работу? Подлинно странное пустословие - утверждать, что кто-нибудь сидит и сам себе приказывает, сам над собою надзирает, сам себя понуждает властительно и настоятельно. Но не убоившиеся клеветать на Самого Господа чего не могут сказать, имея язык, обученный во лжи? Однако же настоящее речение совершенно заграждает им уста. **И сказал Бог: сотворим человека.** Скажи мне: ужели и теперь одно Лицо? Не написано: да будет человек, но - сотворим человека. Пока не являлся еще ученик, проповедь Богословия скрыта была в глубине. Но когда уже ожидаемо стало сотворение человека, обнажается вера и очевиднее открывается догмат истины. **Сотворим человека.** Слышишь, христородец, речь обращена к Участвующему в мироздании, к Тому, **чрез Которого и веки сотворил. Сей... держит все словом силы Своей** (Евр. 1, 2 - 3)!

Но иудей не в безмолвии принимает слово благочестия. А как самые человеконенавистные звери, когда заключены в клетку, грызут колки, и хотя вызывают тем лютость и неукротимость своей природы, однако же не могут привести в исполнение своей ярости; так и враждующий против истины род - иудеи, будучи стеснены, говорят: много лиц, к которым было Божие слово. Ибо Ангелам, предстоящим Ему, говорит: **сотворим человека.** Иудейский вымысел, иудейскому только легкомыслию свойственное баснотворство! Чтобы не принять оно, вводят тысячи и, отвергая Сына, достоинство советодательства приписывают служителям: подобных нам рабов делают властелинами нашего сотворения. Усовершенствовавшийся человек возводится в достоинство Ангельское. Но какое создание может быть равно Создателю?

Рассмотри и последующие слова: **по образу Нашему.** Что скажешь на сие? Не один ли образ у Бога и Ангелов? У Сына и у Отца, по всей необходимости, тот же образ, если только разуметь образ боголепно, то есть состоящим не в телесном очертании, но в Божественном свойстве. Слушай и ты, который принадлежишь к новому обрезанию и в христианстве берешься защищать иудейство. Кому говорит: **по образу Нашему?** Кому иному, как не **Сиянию славы и Образу ипостаси Его** (Евр. 1, 3), **Который есть образ Бога невидимого** (Кол. 1, 15)? Итак, говорит собственному Своему Образу, Образу живому, вещающему: **Я и Отец - одно** (Ин. 10, 30); и: **видевший Меня видел Отца** (Ин. 14, 9). Ему говорит: **сотворим человека по образу Нашему.** А где образ один, там может ли быть неподобие?

И сотворил Бог человека (Быт. 1, 27). Не - сотворили. Здесь Моисей избежал множественности лиц. Первым вразумляя иудея, а последним исключая язычество, он безопасно возвратился к единству, чтобы ты вместе с Отцом разумел и Сына и избег опасности многобожия.

По образу Божию сотворил его. Опять вводит лицо Содейственника. Ибо не сказал: по образу Своему, но по образу Божию. В чем же человек имеет образ Божий и как участвует в подобии, о сем, если даст Бог, будет сказано в следующих беседах. Теперь же скажем только: если образ один, откуда пришла тебе мысль так нестерпимо нечестовать и говорить, что Сын не подобен Отцу? Какая неблагодарность! Сам ты сделался причастником подобия, и сего-то подобия не приписываешь Благодетелю! Данное тебе по милости считаешь собственно себе и навсегда принадлежащим, а Сыну не позволяешь иметь естественно Ему принадлежащего подобия с Родившим!

Однако вечер, давно уже приведший солнце на запад, предписывает нам молчание! Посему и мы упокоим здесь слово, удовольствовавшись сказанным. Ибо ныне коснулись мы

слова, сколько сие нужно было к возбуждению вашей ревности, и совершеннейшее исследование сего предмета, при содействии Духа, предложим в следующих беседах.

Идите же с радостью вы, христоролюбивая церковь, и вместо дорогих припасов, вместо разнообразных приправ, украсьте честные свои трапезы припоминанием сказанного! Да постыдится аномей, да посрамится иудей, да увеселяется догматами истины благочестивый; да славится Господь! Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

Примечания:

[1] Так называется однолетняя трава, известная также под именем: "царский скипетр".